
либерал
.ru
Карло
Штренгер
Приключение
Свобода
Цивилизованное
презрение

либерал■ru

Carlo Strenger

Abenteuer Freiheit

Ein Wegweiser für unsichere Zeiten

Ziviliserte Verachtung

Eine Anleitung zur Verteidigung unserer Freiheit

Карло Штренгер

Приключение Свобода

Путеводитель по шатким временам

Цивилизованное презрение

Как нам защитить свою свободу. Руководство к действию

Новое
Литературное
Обозрение

2019

УДК 123
ББК 87.524.85
Ш93

philosophicum
basel

Совместный проект издательского дома «Новое литературное обозрение», Фонда Фридриха Науманна, «Либеральной миссии» и культурно-образовательного центра Philosophicum Basel

Штренгер, К.

Ш93 Приключение Свобода. Путеводитель по шатким временам. Цивилизованное презрение. Как нам защитить свою свободу. Руководство к действию / Карло Штренгер; перевод с немецкого А. Ярина. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 236 с.

ISBN 978-5-4448-1171-9

Книги, вошедшие в настоящее издание, объединены тревожной мыслью: либеральный общественный порядок, установлению которого в странах Запада было отдано много лет упорной борьбы и труда, в настоящее время переживает кризис. И дело не только во внешних угрозах — терроризме, новых авторитарных режимах и растущей популярности разнообразных фундаменталистских доктрин. Сами идеи Просвещения, лежащие в основании современных либеральных обществ, подвергаются сомнению. Штренгер пытается доказать, что эти идеи не просто устаревшая догма «мертвых белых мужчин»: за них нужно и должно бороться; свобода — это не данность, а личное усилие каждого, толерантность невозможна без признания права на рациональную критику. Карло Штренгер (р. 1958) — швейцарский и израильский философ, психоаналитик, социальный мыслитель левоцентристского направления. Преподает психологию и философию в Тель-Авивском университете, ведет колонки в газетах Haaretz и Neue Zurcher Zeitung.

На обложке: Орел, убивающий когтями змею.
Гравюра Ф. Плейса, ок. 1690 г.
Wellcome Collection. CC BY

УДК 123
ББК 87.524.85

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИВИЛИЗОВАННОЕ ПРЕЗРЕНИЕ
Как нам защитить свою свободу
Руководство к действию

ПРОПАГАНДИРОВАТЬ И ЗАЩИЩАТЬ СВОБОДУ

Предисловие к русскому изданию

Распад Советского Союза и ряда других социалистических диктатур в Восточной Европе, ознаменовавший победу свободы, демократии и права, привел многих в состояние эйфории. Книга американского политолога Френсиса Фукуямы под названием «Конец истории и последний человек», вышедшая в 1992 году, отразила тогдашнее общественное настроение. Однако само гиперболизированное представление о рае, воцарившемся на земле, уже содержит истоки разочарования. В противоположность социализму, нацизму и другим формам обетования всеобщего спасения либеральная идея как таковая абсолютно чужда понятию «конец истории», поскольку для ее воплощения не существует идеального государства, в самом деле: рядом со свободой, истиной и справедливостью всегда и везде соседствуют страдания, конфликты и неопределенность.

Именно по этой причине либеральная идея, состоящая в том, что свобода и достоинство каждой отдельной личности суть важнейшие основы мирного и продуктивного сосуществования людей, едва появившись на свет в эпоху

Просвещения, оказалась в опале. Одни предлагают отказаться от примата свободы и достоинства ради мнимой безопасности в рамках авторитарного государства, другие возводят в высший ранг некую мифическую чистоту нации, третьи видят главную ценность в классовой борьбе против капитализма, и, наконец, четвертые готовы пожертвовать всем ради своей религиозной общины с ее будто бы непогрешимо правильной верой. Также и в постсоветской России после всех терзаний и страхов, сопряженных с переходным периодом, многие затосковали по безопасности, ассоциирующейся у них с тоталитарным прошлым. Да и в остальной Европе сейчас, по всем признакам, набирают силу популисты, проповедующие элементарные рецепты достижения небесного царства. В обоих сочинениях, вошедших в эту книгу, Карло Штренгер разъясняет, чем либерализм отличается от одномерных доктрин спасения, и вырабатывает методы противостояния врагам либерального общественного порядка.

В эссе «Цивилизованное презрение» Карло Штренгер отстаивает принципы открытого общества. Автор прослеживает возникновение главных ценностей, объединяющих нынешние европейские общества, до их истока — эпохи Просвещения. Это концепции истины, справедливости, толерантности в отношении инакомыслящих и, особенно важно, защиты индивида от неправомерного посягательства на его свободу. Сегодня, однако, делу защиты открытого общества от его врагов, будь то автократы, экстремисты или фанатики любого рода, во многом препятствует ложно понятая политкорректность. К. Штренгер считает необходимым, во-первых, эмоциональное и мужественное участие каждого в защите либерального общественного порядка, включающего, в частности, защиту всеобщих прав человека. Второе его условие — разумное и конструктивное противостояние врагам открытого общества.

Позиция «цивилизованного презрения», представленная как основной модус деятельности по защите «нашей свободы», предполагает, что никто и ничто априорно не освобождается от обоснованной критики: «Если мы откажемся от права критиковать другие культуры, то не сможем защитить свою собственную». Штренгер тем самым следует линии Карла Поппера, сформулировавшего в своей книге «Открытое общество и его враги» (1945) знаменитый «парадокс терпимости»: «...Следует провозгласить право не быть терпимыми к нетерпимым. Мы должны объявить вне закона все движения, исповедующие нетерпимость, и признать подстрекательство к нетерпимости и гонениям таким же преступлением, как подстрекательство к убийству, похищению детей или возрождению работорговли».

Очерк «Приключение Свобода», снабженный подзаголовком «Путеводитель по шатким временам», представляет собой анализ и апологию либерализма, понятого как жизненная философия, включающая в себя как начала конфликта и страдания, так и концепцию свободы как счастья. Начинается он с рассмотрения инициированного Просвещением процесса стремительной эмансипации свободного западного человека, процесса, который порой вызывает ностальгическую тоску по тоталитаризму, а равно и внушает отвращение к западному миру таким писателям, как француз Мишель Уэльбек. Штренгер анализирует процветающий в наше время руссоистский миф о существовании совершенного «я», совершенного человека, которого нужно лишь высвободить в условиях некой «правильной» утопии, и напоминает читателю, что корни социалистической доктрины о грядущем спасении человечества гораздо древнее эпохи Маркса и Энгельса.

Прибегая к живым междисциплинарным экскурсам в экзистенциальную философию Жан-Поля Сарт-

ра и психоанализ Зигмунда Фрейда, К. Штренгер снова и снова возвращается к концепции свободы, предложенной крупнейшим философом Исайей Берлином, рожденным еще в Российской империи, который был преисполнен скепсиса в отношении различных доктрин спасения и, по сути, разделял понимание свободы именно как приключения. Прибегая к формулировкам Штренгера: «Либерализм — это не спасительное учение, долженствующее завершиться раем на земле. Я считаю, что перед лицом альтернативы либерализму, каковой является варварство, умение жить, мирясь даже и с лишениями, которые несет свобода, — это великое цивилизационное завоевание». Анализируя и сопоставляя, с одной стороны, аргументы великих учений, сулящих всеобщее спасение, с другой — разные концепции свободы, К. Штренгер демонстрирует читателю чистую красоту либеральной мысли.

Юлиус Фрайтаг-Лорингхофен

ПРИКЛЮЧЕНИЕ СВОБОДА

Путеводитель по шатким временам

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВОЗМОЖНО ЛИ ЕЩЕ СПАСТИ ЗАПАДНУЮ КУЛЬТУРУ?

Всего один вечер, проведенный в каком-нибудь из бесчисленных киномультиплексов, которые уже не один десяток лет растут и множатся у нас как грибы, может навести на мысль, что западной цивилизации пришел конец и что ее спасение вряд ли стоит труда. Циклопические фигуры кинозвезд и фантазийных существ вроде Бэтмена и Шрека вперемежку со стойками для фастфуда загромождают нескончаемые коридоры и переходы. Публика, не в силах противостоять соблазну благоухающего попкорна, с огромными пакетами толпой устремляется в кинозалы, где первые двадцать минут проводит за созерцанием рекламы и трейлеров. А после сеанса люди задаются вопросом, за каким дьяволом транжирятся десятки миллионов долларов на создание ярких эффектов, лишь прикрывающих собой идиотский сценарий, насквозь тривиальный и полный логических несообразностей. В такие минуты трудно отрешиться от мысли, что западное общество потребления обречено на гибель. И никто, хоть немного озабоченный состоянием культуры, не станет всерьез сожалеть о его конце, наступит

ли он вследствие экологической катастрофы или серии террористических актов. Подобные размышления могут посетить человека в каком-нибудь огромном торговом центре, этаком храме консюмеризма, или при виде многотысячной очереди, всю ночь мерзнущей на ветру в нетерпеливом ожидании — нет, не явления Иисуса Христа, но лишь очередной модели айфона. И действительно, нет недостатка в писателях и иных интеллектуалах, которые не только предрекают, но едва ли не поторапливают гибель Запада. Достаточно вспомнить Мишеля Уэльбека, Дэвида Фостера Уоллеса или Джона Грея.

В этом очерке я попытаюсь поставить диагноз обозначенной болезни, охватившей западное общество. Наивысшим достижением модерна, каким он утвердился на Западе, явилось то, что он предоставил каждому индивиду возможность устраивать свою жизнь по собственному разумению и развернул перед людьми широкий спектр жизненных форм и стилей.

Капризная потребительская избалованность западного человека стала порождением совершенно невероятного исторического периода. После окончания Второй мировой войны Запад в течение десятилетий наслаждался плодами экономического роста и технологического прогресса, никогда прежде не виданными в истории человечества. За это время выросло три поколения, для которых эмансипированный образ жизни стал чем-то непреложным. На счастье имеет право каждый — так стали думать, и если кому-то счастья не досталось, он может предъявить претензии на лучшую жизнь своим родителям или «обществу». А если новая жизнь не задалась, мы по крайней мере вправе ожидать, что фармакология заодно с медициной избавят нас от такого несчастья или хотя бы его умерят.

Мое главное утверждение сводится к тому, что подобные потребительские настроения вкупе с наблюдаемой нехваткой гражданской ответственности выросли

на почве мифа, отчетливее всего сформулированного Жан-Жаком Руссо: будто бы люди рождаются свободными, но цивилизация накладывает на них неизбежные оковы. Согласно этой романтически-либеральной концепции[1], истинная душа человека изначально чиста и, чтобы полностью раскрыть ее потенциал, потребно лишь одно — свободное пространство. Руссо исходит из предпосылки, что ответственными, добродетельными и свободными люди могли бы стать лишь при отсутствии разлагающего влияния общества. Этот миф о некоем изначальном Я, которое будто бы дремлет в каждом из нас, особенно внятно обозначился в западном мире в 1960-е годы (новые редакции этого мифа в нынешней популярной психологии я надеюсь обсудить ниже).

Руссоистскому мифу противостоит позиция, в различных вариантах восходящая к классической античной философии: свобода может быть лишь завоевана и добиваться ее человеку приходится всю жизнь[2]. Внутренняя дисциплина, необходимая, чтобы разобраться в себе и понять, что нам насущно важно, а что лишь порабощает, должна оттачиваться ежедневно и потому обретается лишь немногими — теми, кто склонен над этим трудиться и проявляет соответствующую волю. Это воззрение культивировал Монтень в своих знаменитых «Опытах», Спиноза возвел его в ранг философской системы. Зигмунд Фрейд стал тем мыслителем, который заново сформулировал классическую концепцию свободы[3] в терминах естествознания

---

1 Используя понятие «романтический», я отдаю себе отчет в том, что романтизм на протяжении истории объединял в себе разные течения, из которых я выделяю одно определенное; подробности см.: *Strenger C.* The Classic and the Romantic Vision in Psychoanalysis // International Journal of Psycho-Analysis. 1989. № 70. P. 593–561.

2 *Hadot P.* Philosophie als Lebensform: Geistige Übung in der Antike. Berlin: Verlag Mathias Gatza, 1991.

3 Более подробный анализ классической точки зрения, а также взглядов Фрейда как ее продолжателя см. в: *Strenger C.* The classic and the romantic vision in psychoanalysis.

и превратил интеллектуальный психоаналитический тренинг в регулярную терапевтическую практику. Во второй части настоящего очерка я предполагаю показать, что, несмотря на неприятие современной когнитивной неврологией некоторых частных тезисов Фрейда, главное его положение — о том, что свобода и счастье не вручаются нам по праву рождения, — остается в силе. Подлинная свобода — это завоевание, которое обретается лишь тяжелым трудом, данный тезис отстаиваю и я в настоящей работе. В соответствии с таким представлением личная и политическая свобода видится как сверхсложный культурный продукт, обладание которым налагает на каждого члена свободного общества весьма высокие требования. Динамика нашего взросления состоит в постоянном росте ответственности, которую мы на себя берем, и в том, что нам все реже и реже — а то и вовсе никогда — предписывают, что нам надлежит делать, и таким образом наша свобода расширяется. Мы сами выбираем для себя обязанности и определяем меру, в какой будем их исполнять, будь то в личной, общественной, профессиональной или государственно-бюрократической сфере.

В рамках классических античных представлений подобная свобода также рассматривается как одно из важнейших достижений общества. Исайя Берлин, возможно самый значительный либеральный мыслитель XX века, в своей знаменитой лекции «Две концепции свободы» обозначил это понятие как «негативная свобода», то есть свобода желаемых действий, которая не ограничивается ни государством, ни обществом[1]. Он подчеркивал, что общество лишь тогда может считаться либеральным, когда негативная свобода человека ограничивается в нем не более, чем это необходимо, чтобы не нанести вреда

1 *Berlin I.* Zwei Freiheitsbegriffe // Berlin I. Freiheit. Vier Versuche. Frankfurt am Main, 2006 [1958].

другим людям и обеспечить обществу дальнейшее функционирование. При этом классическая концепция исходит из того, что негативной свободы еще недостаточно: чтобы быть по-настоящему свободным, человек нуждается также в том, что Берлин называет «позитивной свободой». Если негативная свобода определяется отсутствием внешнего принуждения, то позитивная свобода состоит в том, что мы обладаем фактической автономией. Подлинное самоопределение предполагает в нас разум, знание и дисциплину. Негативная свобода вполне допускает, что мы порой становимся рабами своих страстей, вожделений и даже внешних манипуляций. Концепция позитивной свободы, напротив, отражает острую человеческую интуицию: мы поистине свободны лишь тогда, когда наполняем негативную свободу неким ясно осознанным содержанием. Поэтому, к примеру, мы видим своим долгом воспитывать наших детей, не позволяя им совершать поступки, которые могут причинить им вред. Поэтому мы считаем, что личность достигает совершеннолетия именно в тот момент, когда фактически обретает автономию.

Исайя Берлин подчеркивал величайшую опасность превратной интерпретации понятия позитивной свободы тоталитарными режимами. Так, история коммунистических стран показывает, что в этих странах может бытовать убежденность, будто целые социальные слои, как, например, буржуазия, могут обладать «ошибочным сознанием». Вследствие этого они должны быть подвергнуты «перевоспитанию» со стороны мудрой партии. Предостережение Исайи Берлина об извращенном понимании позитивной свободы остается актуальным по сей день. Между тем феномен разложения, постигшего свободный мир (бездумный консюмеризм или полная отчужденность большого числа граждан от политической повестки), свидетельствует, что именно сегодня поня-

тие позитивной свободы имеет высокую политическую значимость. Как будет показано ниже, среди социологов культуры утвердилось мнение, что граждане свободного мира сплошь и рядом пренебрегают своей свободой и не готовы отстаивать собственное понимание жизни и оптимального политического строя.

Сторонники классического взгляда на сущность свободы неоднократно показывали, что руссоистское представление об истинном Я человека неверно не только потому, что приписывает ему прирожденную свободу, но и потому, что трактует Я как исконно гармоничное: если бы никто не ограничивал человека в его прирожденных способностях, люди бы сами беспрепятственно пришли к правильному пониманию жизни, полнокровному и прочному, бесконфликтному бытию. В этом состоит одно из самых глубоко укорененных заблуждений нашей культуры, сформированной под воздействием философии Руссо, я же буду отстаивать здесь противоположную точку зрения. Как и многие великие представители экзистенциальной мысли в прошлом, я полагаю, что экзистенция человека в основе своей трагична. Люди суть невероятные животные, телесные, уязвимые существа, которые стареют и в конце концов умирают. В отличие от всех других животных мы обречены сознавать свою свободу и конечность, но с этим сознанием не можем полностью отдаться жизни. Кроме того — и здесь вступает в дело тезис Фрейда, — человеческая природа в самой своей основе отмечена неразрешимыми конфликтами. Поэтому даже в либеральных обществах свобода не является самоочевидным даром, но требует безостановочной работы, духовной и экзистенциальной.

Облик нашей современности двоится. С одной стороны, мы, уязвимые от природы, стали гораздо защищеннее. Благодаря новым научным открытиям и техническо-

му прогрессу мы получаем более здоровую пищу, свободнее перемещаемся в пространстве, которое все лучше соответствует нашим физическим потребностям. С другой стороны, некоторые метафизические построения, в которых наши предки искали и находили утешение в этой жизни, полной страданий и экзистенциальной неопределенности (я в первую очередь имею в виду различные религии), — эти системы как плоды человеческого духа и воображения теперь во многом обесценены. Мы можем восхищаться красотой церквей и храмов, и все же огромное количество людей на Западе сознают — пусть хотя бы краешком сознания, — что вера, во имя которой воздвигнуты эти здания, в конечном итоге не что иное, как фикция. Гоббс, Кант, Ницше, Сартр, Фуко — все они и многие другие с беспощадной ясностью показали, какое место мы занимаем во Вселенной и что в конечном итоге мы можем полагаться лишь на себя. Те, кто сегодня убежден в абсолютной истинности подобных утешительных систем, несомненно предают какую-то часть себя.

То, как мы будем обходиться с обретенной новой свободой, зависит только от нас. Мы можем начать оплакивать потерю метафизической очевидности и вглядываться во времена, когда все вещи еще располагались каждая на своем месте во вселенной, специально созданной Богом для человека. А можем иначе: воспринять свободу как приключение и как ряд культурных ступеней, которые сделают возможным наше осознание этой свободы, — но и как цепь цивилизационных завоеваний, позволяющих пережить свободу на практике, ближе ее узнать и насладиться ею. Увы, все это далеко не просто. Мы гораздо охотнее рассыпаемся в жалобах, как она трудна, эта свобода. Сколько усилий мы тратим на то, чтобы вытеснить из своего сознания или вовсе перечеркнуть фундаментальный трагизм нашего существования! Мы вкладываем огромные ресурсы в проведение научных

исследований, от которых ждем, что они вскорости приведут к открытиям, которые этот трагизм окончательно сведут на нет. Нежелание признать сам факт этой трагичности — таков мой тезис — безмерно ослабляет нашу западную культуру.

Предлагаемый очерк призван наглядно продемонстрировать экзистенциальную трагичность нашего бытия, призвать к принятию парадоксального дара свободы и к осознанию нашей обязанности беречь культуру западного мира. Круг этих тем отнюдь не нов: на протяжении последних столетий очень многие мыслители высказывали подобные идеи. И все же представляется, что каждое поколение должно заново уяснить для себя, что означает быть свободным, и осознать, как свобода трудна. В культуре, которая полагает счастье и свободу первичным правом человека, подобные мысли, разумеется, не вызовут особого сочувствия; равно и гуманистический образовательный идеал, который в английском языке обозначен более четко — «liberal education», постепенно выходит из моды. Миф о том, что мы рождены свободными, приводит к тому, что люди западного мира все реже понимают: если мы хотим научиться по-настоящему ценить и оберегать нашу свободу, нам придется разобраться в том долгом процессе, который привел к установлению у нас свободного общественного порядка.

ЧАСТЬ I.

ИЛЛЮЗИЯ ПРАВА НА СЧАСТЬЕ

СВОБОДА И ДЖИХАД

Бывают минуты, когда граждане западного мира начинают осознавать, что политическая и общественная система, внутри которой они живут, требует защиты. В такие минуты докучные вопросы вроде тех, кто и в каком объеме должен финансировать Европейский союз, как преодолеть долговой кризис Греции или как нам стабилизировать пенсионные фонды, отходят на второй план. Один из самых ярких моментов такого рода в новейшей истории — 11 сентября 2001 года. Даже французы, известные своим критическим отношением к Соединенным Штатам, почувствовали себя в тот день ньюйоркцами. Другим таким днем стало 7 января 2015 года. После того как братья Шериф и Саид Куаши учинили кровавое побоище в редакции сатирического журнала *Charlie Hebdo*, множество людей по всему миру выразили свою солидарность с жертвами лозунгом «Я Шарли». Когда же 13 ноября 2015 года в Париже девять исламских террористов лишили жизни 130 человек, в тот же вечер повсюду — от Всемирного торгового центра в Нью-Йорке до Сиднейского оперного театра — вспыхнули огни триколора, главного символа западного мира.

И тем не менее все эти случаи рассматриваются как исключения, хотя опасение, что подобное может повториться в обозримом будущем, не исчезает. В повседневной жизни люди редко задаются вопросом, что, собст-

венно, представляет собой Запад и почему его нужно беречь. Им не до того, когда нужно отвести детей в детский сад, согласовать визит электрика или доставить машину в автосервис. Зачастую мы стоим перед конкретным выбором: пойти ли позаниматься в спортзал или повидаться с друзьями? Остаться ли на прежней работе, стабильной, но наводящей скуку, или затеять стартап, дело захватывающее, но не дающее никаких гарантий? Многими из нас обыденная жизнь ощущается как нечто промежуточное по важности между, скажем, маршем мира под флагом Марианны и, к примеру, проектом оптимизации чего бы то ни было. Очевидно, что для высоких размышлений о собственной миссии душевной энергии остается немного.

Во всем этом джихадисты усматривают истоки слабости Запада. Европейцы и жители Северной Америки заняты, по их мнению, лишь собой и своими заботами. Они давно утратили веру в высокие реалии и уже не готовы идти на жертвы. Конечно, ведь они даже не могут найти управу на своих распутных женщин, значит, на Западе больше не осталось настоящих мужчин. И ведь не скажешь, что в этих доводах нет зерна истины. Убивать во имя религии, растить своих детей как божьих воителей — в этом большинство из нас видят не обязанность перед Богом, а обыкновенное варварство. Сводить роль женщины к материнству, выключать ее из жизни общества — люди Запада в подавляющем большинстве воспринимают это как нечто архаическое и антигуманное, а вовсе не как заботу о моральной чистоте. Все это — результат длительной и порой болезненной метаморфозы, приведшей к образованию либерального порядка: в свободном мире индивид вышел из подчинения коллективу. Единственная подлинно легитимная функция коллектива состоит в обеспечении преуспеяния своих членов. Поэтому логически

абсурдным и морально неприемлемым со стороны коллектива (будь то город или нация) было бы требовать от индивида жертвы в свою пользу — за исключением, конечно, разного рода экстремальных ситуаций и природных катастроф. Вопрос о смысле — целого, жизни, мира, то есть о Большом смысле, как я именую его в этом эссе, на Западе переносится в сферу частной жизни. Официальные акторы, и прежде всего государство и Церковь, должны держаться в стороне, когда речь заходит о подобных вещах.

Чтобы разобраться в названной метаморфозе, нам придется отступить на несколько столетий в прошлое. После ужасов Тридцатилетней войны в Европе все прочнее стало утверждаться сознание, что религии в политике не место либо она должна играть в ней подчиненную роль. Такие философы, как Гоббс, Спиноза, Локк, теоретически обосновали этот новый общественный порядок принципом свободы веры и совести. Никто не может быть силой принужден разделить какие бы то ни было убеждения политического или религиозного характера. Развитие либерального общественного порядка не стало бы возможным, если бы монопольное положение религии в мировоззрении людей не было поколеблено в XVII веке и в конце концов не разрушилось. В различных областях Европы начался процесс, который позднее будет обозначен как «научная революция». Шаг за шагом прояснялась новая панорама природы: Кеплер своими тремя законами движения небесных тел дал математический аппарат астрономии, Галилей заложил основания современной механики, Ньютон свел законы небесной и земной механики в единый теоретический комплекс классической физики, изобретение микроскопа сделало возможным открытие биологической клетки, и, наконец, Уильям Гарвей сформулировал закон кровообращения. В XVIII веке были заложены

основы химии как науки Нового времени. Этим помимо прочего было положено начало современной геологии: стало очевидным, что планета Земля гораздо старше, чем о том говорит Библия. Без этого знания Дарвин вряд ли смог бы сформулировать свою эволюционную теорию.

Одновременно с этим поворотным процессом в естествознании развивалась и современная эпистемология. В XVII веке, начиная с Фрэнсиса Бэкона, Томаса Гоббса и Декарта, философия стала последовательно отделять знание от веры. Венцом этих усилий стала в XVIII столетии внушительная система Иммануила Канта. Это время отмечено также рождением современной политической философии. Вера в божественное право королей на абсолютную власть в государстве была отметена как фиктивная. Ее место заняла идея общественного договора, предполагающая убежденность в том, что люди сами должны иметь право решать, кто будет ими управлять. Впервые эта идея была реализована на практике в Конституции США. Представление о политической свободе постепенно утвердилось в качестве основы конституционного права как такового.

Правда, процесс этот отнюдь не был безболезненным. Просветители XVIII века Дидро и Вольтер побывали в тюрьме за будто бы еретические высказывания и распространение мятежных настроений. А в XIX веке такой мыслитель, как Джон Стюарт Милль, вынужден был снова и снова отстаивать право на свободу мнений. Да и победоносное, на поверхностный взгляд, шествие демократии продвигалось не без поражений. К началу XX века подлинно демократическим строем обладали лишь восемь государств. Историк Нил Фергюсон настаивал: ошибаются те, кто полагает, что в XX веке было лишь две мировые войны. На самом деле в промежутке между 1914 и 1989 годами шла, по сути, непрерывная

борьба между либерализмом[1], коммунизмом и фашизмом[2].

К тому же многие мыслители почувствовали, что проникновение вопроса о Большом смысле в личную сферу обошлось непомерно дорогой ценой. Ницшевская смерть Бога, метафорическое выражение утраты Большого смысла, подразумевает зарождение западного нигилизма. Сартр говорил, что в самом средоточии души европейского человека на месте образа Божия разверзлась дыра. Парижские экзистенциалисты 1950-х усмотрели в безраздельной свободе и принятии тотальной ответственности великое приключение, и то же самое можно сказать о взбунтовавшейся в 60-х годах студенческой молодежи, развенчавшей все моральные авторитеты общества. Как бы то ни было, эта пусть не всегда продуктивная — хотя и пылкая — вовлеченность в приключение по имени Свобода в последние десятилетия постепенно вышла из моды — процесс, аналогичный преображению хиппи в яппи. Представление, что экзистенциальные усилия, вмененные человеку, не сводятся к спорту и соблюдению диеты, в начале XXI века стало выглядеть анахронизмом. Его место занял прагматический подход к вопросам бытия, когда-то прежде считавшимся основными. Если я пожелаю сопрячь основные постулаты протестантской мысли с элементами буддизма, никакая церковь не должна иметь возможности мне в этом воспрепятствовать. В чисто экзистенциальных решениях ничуть не больше драматизма, чем в раздумьях о том, какую тренировку пред-

---

1 Термин «либерализм» я использую не в сегодняшнем суженном, чисто экономическом смысле, а как синоним понятия «либеральный порядок», лежащего в русле идей, развитых рядом мыслителей от Томаса Гоббса до Джона Стюарта Милля.

2 *Ferguson N.* Krieg der Welt: Was ging schief im 20. Jahrhundert? Berlin: Propyläen, 2006.

почесть: упражнения на выносливость или на гибкость тела. В конечном итоге на все вопросы должен быть дан практический ответ. Если я слишком долго бьюсь над вопросами смысла, это означает, что я либо подвержен депрессивным состояниям, и тогда мне на помощь придут лекарственные препараты, либо налицо гормональные нарушения, но они тоже устранимы — нужно лишь сделать анализ крови и выбрать соответствующие пищевые добавки. В сущности, все зависит от системной конфигурации — как и в случае смартфона.

Я все же считаю, что наша ситуация намного сложнее, чем предполагается такой позицией. Смещение вопроса о Большом смысле в приватную область есть, по сути дела, величайшее завоевание в истории Запада. Нужно радоваться, что инквизиция осталась в прошлом и никого теперь не подвергают пыткам и не казнят за его религиозный выбор и политические убеждения. Но делать отсюда вывод, что сверх вопросов карьеры, фитнеса и диетологии никакой экзистенциальной проблематики не существует, — это ошибка. Как показала экзистенциальная психология, нам не удается просто игнорировать или вытеснить сознание собственной смертности. Традиционные средства примирения с нашей человеческой конечностью — в посюстороннем мире избавление, в загробном воздаяние — предоставляли идеология и религия. Да, эти пути спасения, возможно, утратили свои притязания на абсолют, но они представляли собой нечто большее, чем умозрительные построения, так как были включены в ритуализованный социальный обиход посредством церкви и монастыря, мечети и медресе или синагоги и ешивы. Верующие мыслили себя членами какого-либо из религиозных сообществ, существовавших столетиями, если не тысячелетиями, и предназначенных существовать вечно. Принадлежать к подобному сообществу означало не только заручиться обетованием

вечной жизни после смерти (либо физического воскрешения), но и взять на себя обязанность продолжать высокую и священную традицию.

И конечно, членство в сообществе было твердо обусловлено. Коллектив не любит, когда его правила нарушаются. Согласно Ветхому Завету, люди, уличенные в идолопоклонстве или нарушении субботы, подлежали побиению камнями. Католическая церковь не меньше тысячелетия применяла жесточайшие методы для искоренения ересей. Инквизиция, официально упраздненная в Испании лишь в 1834 году, подвергала заподозренных в богохульстве пыткам и заживо сжигала вынужденно признавших свою вину. В Саудовской Аравии, искони известной строгим применением шариата, вероотступников карали смертью. В мае 2014 года суд приговорил блогера Раифа Бадави за оскорбление ислама к десяти годам тюрьмы и тысяче ударов плетьми, а также штрафу около 200 тысяч евро в пересчете на европейскую валюту. Создается впечатление, что религиозные общины лишь тогда готовы предоставить своим членам надежные экзистенциальные гарантии, когда членство закреплено кровавой печатью. В иудаизме и исламе по сей день принадлежность мальчиков к конфессии свидетельствуется обрезанием — вполне конкретным телесным знаком.

Здесь мы можем облегченно вздохнуть, поскольку либеральный общественный порядок освобождает нас от мрачных ритуалов посвящения в родовые и религиозные коллективы. В конце концов, на Западе больше не осталось никаких социальных групп, которых индивид не мог бы покинуть. Даже пресловутый католический брак не всегда нерушим. Единственным исключением является семья, в которой мы рождены. В остальном мы вольны быть теми, кем захотим. В итоге индивид получил преимущество перед коллективом. Но это означает, что, кроме нас самих, никто уже не отвечает за наше экзистенци-

альное благоустройство. Мы обречены самостоятельно нести экзистенциальную ответственность за свое земное бытие. Да, социальная рыночная экономика наделила человека значительными преимуществами, коль скоро речь идет об удовлетворении его основных потребностей. Но поскольку государство и религия утратили прежнюю монополию на Большой смысл, человек Запада, если он не принадлежит ни к одной из институционализированных религий, уже не может рассчитывать на испытанные целительные средства в разрешении экзистенциальных вопросов. Налицо фаустовская сделка: современный Запад отказался от экзистенциальной защиты в обмен на свободу. Здесь, на Западе, люди больше не спаяны сообществами, которые раз и навсегда задавали нашу идентичность и ритуально так структурировали нашу жизнь, что вопросы о смысле почти не возникали. И это одна из причин, по которым христиане, иудеи и мусульмане с фундаменталистским налетом клеймят Запад за его бездумие. Жизнь, лишенная Большого смысла, утверждаемого непререкаемым авторитетом трансцендентного уровня, — такая жизнь для подобной религиозной установки не воплощает свободу, но обличает греховность и моральное разложение. Все эти разновидности фундаментализма видят в свободном Западе — именно благодаря его привлекательности — опасность для себя и по этой причине нередко одерживают над ним свои победы: в США и Израиле — политическими методами, в странах радикального исламизма — насилием.

Есть серьезные основания сомневаться, что свободному миру есть что ответить на этот вызов. После Второй мировой войны выросли поколения, которым не пришлось бороться за нынешние политические свободы и которые не пережили экономических катастроф в форме мировых кризисов. Свобода для них — это нечто вполне естественное, а система, сделавшая эту свободу

возможной, представляется им многообразной формой угнетения. Они уже не видят своей задачи в том, чтобы защищать либеральный порядок, ведь для этого существуют «общество» и «политика». Вдобавок они верят, что каждый человек уже по праву рождения имеет право на счастье и самореализацию. Если же кто-то несчастлив, то виновато в этом или общество, или государство, или новые «козлы отпущения», родители, — потому что плохо справляются со своими обязанностями. Ниже мы обсудим некоторые психотерапевтические практики, сулящие преображение, и я покажу, как они — посредством книг, групповых тренингов и терапевтических сеансов — пускают в рыночной оборот веру в истинное, творческое Я. Подобные утопии могут видоизменяться с течением времени, однако многие люди на Западе видят свободу как свое очевидное достояние, а счастье — как данное им по праву. Те, кто пребывает в уверенности относительно этих своих прав, не хотят да и не могут культивировать свободное устроение жизни и защитить его, если придется.

Такие диагносты эпохи, как Мишель Уэльбек, Бенджамин Барбер, Ален Финкелькраут или Джон Грей, показали, что настроение, подобное описанному, вызывает определенную неприязнь к современному Западу, и в следующих главах я надеюсь описать и разъяснить данный феномен. Эти представители культурной критики современности пытаются осознать слабую сторону западного мира и проанализировать ее различные аспекты. Я же попробую вывести общий знаменатель их обвинений и тем самым прийти к глубинному диагнозу этого вновь и вновь описываемого изъяна. Мой главный тезис состоит в том, что уверенность в обладании правом на счастье, столь укорененная в западном мире, препятствует ясному пониманию следующего факта: считать, будто для всех проблем существует единое тех-

ническое решение и все трудности в конечном итоге могут быть устранены некой инстанцией, есть весьма серьезная, почти метафизическая ошибка. Люди с подобным умонастроением противятся принятию трагического измерения нашей экзистенции. Они не хотят признать, что склад человеческого бытия существенным образом формируется неразрешимыми конфликтами и неснятыми напряжениями. Такое жизнеотношение порождает очень сложную двойную проблематику. Во-первых, оно привело к тому, что лишь немногие из граждан западного мира готовы работать над устроением порядка свободы — они предпочитают попросту пользоваться его плодами. Поэтому Запад неважно проходит «стресс-тесты» — такие, как кризис беженцев или исламский терроризм. Слишком многие ждут, что «ответственные» инстанции — в первую очередь политики и силы безопасности — вернут прежнюю, уютную обстановку. Это открывает дорогу популистам правого толка, которые оппортунистически сулят избирателям скорый возврат к добрым старым временам, когда Франция принадлежала французам, Германия — немцам, а США — американцам.

Умонастроение описанного типа породило, однако, еще и другое очень непростое следствие. Если каждый индивид притязает на право самостоятельно осуществлять свои намерения, быть счастливым и успешным, а наше общество способно удовлетворить подобные притязания лишь в отношении меньшинства, это становится источником горестных настроений. Вспомним лишь один пример[1] — рекламный слоган «Just do it!» фир-

1 Ср. более подробное обсуждение проблемы: *Strenger C.* Die Angst vor der Bedeutungslosigkeit: Das Leben in der globalisierten Welt sinnvoll gestalten. Gießen: Psychosozial-Verlag, 2016 [2011]. Здесь я, в частности, показываю, что развивается уже популярная психология, которая поддерживает бытование этого мифа; ср. также блестящий анализ Евы

мы — производителя спортивных товаров Nike, четкую формулу самого духа 1990-х годов. Подразумевается, что каждый человек способен к самым высоким достижениям, если не побоится риска и не пожалеет усилий, чтобы снова и снова продвигаться хотя бы на пядь. Однако, как я скоро покажу, эти посулы очень бвстро оборачиваются пустым звуком.

Первая часть этого эссе посвящена вышеназванному руссоистскому мифу, согласно которому в каждом из нас дремлет наше внутреннее Я, заглушаемое недостаточно чуткими родителями и искусственными требованиями общества. И если мы сможем реализовать наше истинное Я, то — согласно этому предрассудку — мы навсегда обретем счастье и креативные способности. Этот посул бесконечно тиражируется во множестве книг, из которых иные получают статус культовых, хотя никаких эмпирических подтверждений для него не находится. И надо сказать, что ни особого счастья, ни креативности эта идея своим приверженцам не приносит, но, напротив, вселяет в них чувство обделенности, несправедливости и даже проигранной жизни.

Тезис, который будет развернут во второй части, гласит, что мы не приговорены к пассивному потребительскому менталитету. В культурной истории Запада есть целый ряд традиций, исходящих из того, что человеческое существование трагично в принципе, так как отмечено неразрешимыми конфликтами, и что личная и политическая свобода требует неустанно культивируемой дисциплины. Эта мысль прослеживается вплоть до классической греческой философии, мне же хотелось бы прежде обсудить две концепции, более близкие к нам

Иллуз, например, в ее книге: *Illouz E.* Die Errettung der modernen Seele. Therapien, Gefühle und die Kultur der Selbsthilfe. Berlin: Suhrkamp, 2011 [2008].

по времени, — это модернизм эпохи *fin de siècle*, чьими представителями были не только, скажем, художники Пауль Клее или Эгон Шиле, но и Зигмунд Фрейд, и экзистенциализм в его разных вариантах, к которым сегодня можно отнести экзистенциальную психологию, ориентированную на эмпирические исследования. Согласно центральной мысли этого направления, мы, люди, сознаем, что свободны, но вынести своей свободы не можем. Поэтому мы то и дело принимаемся отрицать факт своей конечности и от своей свободы убегаем, укрываясь либо в политической идеологии тоталитарного типа, либо в какой-нибудь из религиозных систем. Ниже будут разобраны катастрофические последствия такого умонастроения: чем эффективнее та или иная идеологическая система отсекает людей от осознания их конечности и свободы, тем ей проще убедить их в оправданности любых варварских деяний.

Довести до сознания людей, сколь важен «проект свободы», — в этом в период с XIX века до середины XX состояла суть *liberal education*, свободного образования, как оно практиковалось в крупных немецких и американских университетах. Но в 60-е годы прошлого века эта идея по различным причинам оказалась под огнем критики: постмодернизм левого толка усмотрел в системе свободного образования пережитки западного расизма и империализма, поскольку она опиралась на западную культурную традицию. К тому же студенты все чаще стали возлагать на университет надежды, что он привьет им знания, более всего полезные для получения хорошо оплачиваемой работы. Для «свободных» наук оставалось все меньше времени. Катастрофичность происходящего усугублялась тем, что наша система высшего образования все меньше воспитывала в учащихся чувство ответственности за существование либерального порядка, не прививала понимание «приключенческой» природы

самого его построения. По этой причине я решил завершить этот очерк проповедью в защиту идеала свободного образования, которым нельзя жертвовать на потребу рыночным силам, оценивая школу и образование исключительно с точки зрения карьерных выгод и экономической пользы. Свободное образование — это не роскошь, но залог того, что наша свобода выдержит стресс-тесты, коими во множестве экзаменует нас современная эпоха.

ОБ ОТВРАЩЕНИИ К ЗАПАДУ

К концу XIX века западный мир охватило настроение неуверенности: расползался страх перед декадансом, принимавшим форму то ли «заката», то ли утопания в роскоши и расточительстве. Целая когорта французских авторов била тревогу по поводу упадка французской «расы» (как тогда выражались): численность населения страны впервые после XVII столетия стала падать. В Австрии художники, архитекторы, прочие интеллектуалы говорили себе, что двуединая Австро-Венгерская монархия, укрывшаяся за роскошными фасадами Венского бульварного кольца, насквозь прогнила. И действительно, в 1918 году, после одной из самых безумных и ужасных войн в истории человечества, рухнула политическая конструкция, созданная на Европейском континенте едва столетие назад. Понятно и то, что выпущенная в том же году книга доселе никому не известного ученого-одиночки по имени Освальд Шпенглер «Закат Европы» за короткое время была распродана в количестве ста тысяч экземпляров. Триумфальное историческое шествие столь высоко вознесшегося Запада, который еще пару десятилетий назад великодушно «одаривал» принципами своей цивилизации другие страны и континенты, теперь, казалось, сошло на нет. Версальский договор никоим образом не помог Германии оправиться от поражения и унижения. Вплоть до захвата власти национал-социалистами в 1933 году ей не удалось установить устойчивого политического порядка, а затем она ввергла весь европейский континент в самое чудовищное 12-летие за всю его историю. В Италии фашисты пришли к власти уже в 20-е годы, в Испании войска Франко одержали победу после долгой и кровопролитной гражданской войны. Многие в Европе усомнились в превосходстве ли-

берального общественного порядка: стало казаться, что фашизм вполне может установиться как третья форма государственной власти наряду с либерализмом и коммунизмом. Без вмешательства Соединенных Штатов во Вторую мировую войну та Европа, которую мы сегодня знаем, возможно, не смогла бы состояться.

Но даже и после конца Второй мировой войны, во время торжества демократии, неуверенность не исчезла. Как на Западе, так и среди его культурных и политических оппонентов росла антипатия к западной культуре. В Европе и Северной Америке она принимала форму критики капитализма и империализма. Последний многими — с основанием или без такового — рассматривался как неустранимый эпифеномен капитализма. В прошедшие десятилетия антипатия лишь усиливалась. Целый ряд авторов снова усматривает в культуре Запада упадническую, больше того, обреченную исчезнуть форму жизни. Дэвид Фостер Уоллес описывает США как общество, где люди развлекаются до самой смерти, так и не сумев побороть скуку[1]. Не далее как десять лет назад политический теоретик Бенджамин Барбер высказал опасение, что американцы вот-вот начнут потреблять детские головы[2]. А французский писатель Эрик Земмур совсем недавно заявил, что Франция стоит на грани самоубийства[3]; это написано через пару лет после выхода книги Тило Саррацина, в которой автор предрекает и Германии скорую самоликвидацию.

Сегодня один из самых интересных (и, возможно, самых читаемых) авторов, диагностов нашего времени, — француз Мишель Уэльбек. В нескольких своих

1 *Wallace F.D.* Unendlicher Spaß. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 2009 [1996].
2 *Barber B.* Consumed! Wie der Markt Kinder verführt, Erwachsene infantilisiert und die Demokratie untergräbt. München: C. H. Beck, 2008.
3 *Zemmour É.* Le suicide français. Paris: Albin Michel, 2014.

романах он рисует картину французского общества как вконец разложившегося и дезориентированного, погрязшего в нигилизме. Многие критики уничижительно отзываются об Уэльбеке, чей роман «Элементарные частицы» (1998) стал мировым бестселлером, как о цинике, женоненавистнике и даже порнографе. Но, думаю, они сильно упрощают. Его демонстративное отвращение к Западу имеет в своей основе проницательную мысль, которую он чеканно сформулировал в пространном интервью газете *Die Welt*: «На философии Просвещения можно теперь поставить крест: она покойница»[1]. Наиболее радикальное выражение эта мысль нашла в его последнем на сегодняшний день романе «Покорность». Книга издана 7 января 2015 года при трагических обстоятельствах. В этот день было совершено нападение на редакцию журнала *Charlie Hebdo*, унесшее жизни 12 человек. И хотя Уэльбек отказался от публичных презентаций во Франции, успех книги превзошел ожидания: за несколько дней было продано более 120 тысяч экземпляров. Атака на сатирический журнал невероятно обострила актуальность книги, в которой автор набросал мрачный сценарий будущего: в 2022 году в острой борьбе за президентское кресло во Франции левые и умеренные правые поддержали Мухаммеда бен Аббеса, кандидата исламистской партии «Мусульманское братство», тем воспрепятствовав победе Марин Ле Пен. «Покорность» пронизана страхом перед исламизацией, который цинично и в высшей степени эффективно эксплуатируют в своих целях отнюдь не только французские популисты. На Уэльбека со всех сторон обрушились обвинения в ис-

---

1 *Houellebecq M.* «Eine islamische Partei ist eigentlich zwingend» / Interview S. Bourmeau // Die Welt. 2015. Januar 3; URL: https://www.welt.de/kultur/literarischewelt/article135972657/Eine-islamische-Partei-ist-eigentlich-zwingend.html.

ламофобии, но упреки эти слишком поверхностны: тема Уэльбека не страх перед нашествием мусульман на Францию, а предположительный крах Просвещения.

В «Покорности» Уэльбек развивает эту тему, которую разрабатывал и в предыдущих своих романах, очень интересным образом. Франсуа, антигерой романа, — профессор французской литературы в Сорбонне, специализирующийся на творчестве Жориса-Карла Гюисманса. Начав как писатель-натуралист, Гюисманс все глубже вовлекался в католицизм и наконец с 1892 года стал почти все свое время проводить в монастыре на юго-западе Франции. Именно в этот монастырь спасается бегством Франсуа в день окончательных выборов с участием Бен Аббеса и Ле Пен: французская столица в этот день буквально кипит от беспорядков. Франсуа взыскует религиозного просветления, но в этот момент, оформленный Уэльбеком как ключевой, он, глядя на знаменитое скульптурное изваяние Марии, внезапно теряет всякую связь с верой и покидает монастырь. Первоначально Уэльбек планировал назвать свой роман «Обращение»: Франсуа должен был обратиться в католичество, но, как и сам Уэльбек, его герой оказался к этому не способен. Он возвращается в Париж и тут узнает, что уволен из университета. В итоге Франсуа начинает сотрудничать с новым режимом и, чтобы вернуть себе профессорскую кафедру, принимает ислам.

«Покорность» — это реквием по европейской культуре. Франсуа преподает в одном из старейших знаменитых университетов Европы. Он представитель и создатель элитарной французской культуры — во всяком случае, должен бы претендовать на эту роль, — и вот он чувствует, что само его бытие невыносимо оскудело. Он с горечью констатирует, что годы, когда он работал над диссертацией о Гюисмансе, остались лучшими в его жизни. С тех пор все пошло на убыль: его связи с другими

людьми свелись теперь к коротким и утомительным интрижкам со студентками. Он одинок, пишет мало, пьет слишком много, питается фастфудом из супермаркета (причем — красноречивая деталь — блюдами нефранцузского производства). В бессмысленности его существования — как он сам понимает — находит отражение культура, которую сам Гюисманс считал обреченной. В разговоре со своей любовницей, студенткой-еврейкой Мириам, которая позже из страха перед надвигающимся исламизмом бежит в Израиль, Франсуа замечает, что патриархат — единственно жизнеспособная модель общества. Он, по крайней мере, издавна воспроизводит себя и смог создать связную социальную структуру. Подобные рассуждения создали Уэльбеку репутацию женоненавистника, однако эти обвинения бьют мимо основной мысли писателя. Суть же в том, что Уэльбек ратует за смену нынешних хаотических межполовых отношений патриархальными структурами исламской полигамии не потому, что держится мнения, будто женщина должна быть подчинена мужчине, а потому, что считает либеральное западное общество обреченным на вымирание, так как оно как минимум из-за низкой рождаемости не в состоянии обеспечить свое биологическое выживание. Уэльбек при этом вовсе не оплакивает ни либерализм, ни Европу. Как он хорошо дал понять уже в своих ранних романах, ему просто-напросто внушают отвращение предсмертные судороги древнего континента. В циническом присоединении Франсуа к исламу Уэльбек видит возможный выход из пустоты и скудости последних дней Европы.

Творчество Уэльбека — это вызов прежде всего тем, кто (как и я) ценит Просвещение и западное общество модерна не только из-за отсутствия привлекательных альтернатив, но и потому, что видит в них величайшие достижения человечества. Его сатирические картины

Франции новейшего времени суть зеркало нашего общества. Пусть образ односторонен, но он наводит на размышление. Он являет общество, в котором царствуют популизм, потребительство, дешевая развлекательность и отчужденный секс. Уэльбек интересен тем, что за его внешним цинизмом проглядывают тоска и склонность к культурному консерватизму, притом, однако, что это пока не привело его в стан политических или религиозных консерваторов.

Нам стоит понять роман Уэльбека как серьезное предупреждение: если от Европы не осталось ничего, кроме административной эффективности, заботе о финансовой стабильности и своем культурном прошлом, зримо представленном лишь в музее, значит, Европу в скором будущем ожидает нечто новое — но уж никак не благоприятное. Если Уэльбек прав, то либерализм настолько ослаб, что остается недолго ждать, пока он сменится некоей формой авторитаризма, причем исламизация тут выглядит скорее жупелом, чем реальной демографической перспективой.

Похоронная риторика Уэльбека сразу вызывает возражение — ведь миллионы людей во всем мире ничего так не жаждут, как эмигрировать в Европу или Соединенные Штаты. Многие рискуют жизнью, пытаясь перебраться в Германию, Англию или США. Так может быть, отвращение к Западу — это случайное и наносное явление? и тогда бесконечные жалобы на мнимый духовный кризис Запада — всего лишь навязчивая рутина? Что, если Уэльбек, непрестанно повторяющий, что родители-хиппи совсем не уделяли ему внимания, просто не в состоянии посмотреть на Запад непредвзято?

Я считаю, что картина, нарисованная Уэльбеком, действительно весьма односторонняя, и все же он — пусть в гиперболизированном виде — указал на явление, к которому надлежит отнестись со всей серьезностью. В за-

падных обществах благосостояния, по всему судя, многие люди не знают, как осмысленно распорядиться своей свободой. И по большей части отмахиваются от нее и по возможности заглушают в себе ее ощущение.

СВОБОДА КАК ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ТОВАР

Не только писатели, как Уэльбек, но также социологи и философы выражают неудовлетворение состоянием западного общества. Так, американский политолог Бенджамин Барбер, убежденный защитник либеральных жизненных ценностей, остро критикует культуру капитализма в своей книге «Consumed!»[1]. По его мнению, она воспитывает инфантильных граждан: люди все чаще отдаются пассивному консюмеризму, делят свое время между шопингом, телевизором и компьютерными играми, и все это оказывает катастрофическое воздействие на демократию. В результате многие американцы игнорируют выборы, а те, кто голосует, в большинстве случаев не имеют никакого представления о политической повестке, демонстрируя свое поразительное невежество. В 2002 году 70% взрослых граждан США обнаружили незнание того, где находится Ирак, что не мешает им иметь собственное мнение о том, что происходит в этой стране. Ничем не лучше их знания об изменении климата, причинах финансовых кризисов, системе американского здравоохранения и т.п. Столь же мало они информированы о том, каковы программы кандидатов, между которыми они выбирают. Телевизионные передачи, призванные внести ясность в представления публики о взглядах того или иного политика, неотвратимо превращаются в развлекательные шоу. Не вдаваясь в содержательный анализ, люди судят о кандидатах по внешности: изберут того, кто напустит на себя больше важности и, используя агрессивную риторику, предложит простейшее решение для сложной проблемы. Политика становится все больше похожа на шоу-бизнес. Выбор президентом Дональда

---

1 *Barber B.* Consumed!

Трампа, воспринятый большинством политиков и комментаторов как катастрофа, лучше всего иллюстрирует эту тенденцию.

Барбер не единственный автор, кто выражает тревогу по поводу растущего самоустранения граждан западных стран от политического участия. Сам он считает, что апатия исходит из нижних слоев населения, другие исследователи возлагают вину на элиты. Так, американский историк и социальный критик Кристофер Лэш винит правящий класс страны в равнодушии к общественному благу[1]: люди богатые и причастные к власти, утверждает он, живут в своем собственном нарциссическом мире. Они наслаждаются благами, которые общество предоставило в их распоряжение: здравоохранением, образованием, налаженной юридической машиной и т.п. В отличие от европейской и американской буржуазии XVIII и XIX веков, которая деятельно участвовала в возведении общественных, культурных и научных институций, нынешние элиты безответственно уклоняются от социального и политического участия в жизни страны. Они пекутся лишь о собственных привилегиях. Эти взгляды разделяет колумнист «Нью-Йорк таймс» Дэвид Брукс[2]. Он считает, что мы живем в обществе, где большинство людей всерьез озабочены лишь самими собой. Человек Запада больше всего хочет быть богатым и известным. Внести свой вклад в развитие общества, послужить общественному идеалу — такие мысли посещают его все реже. Все эти наблюдения можно расценить как нытье интеллектуала-консерватора, однако, хотя бы на примере США, они надежно подтверждаются социологией, прежде всего в лице Роберта Патнэма. В ряде своих работ

---

1 *Lasch C.* The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. New York: Norton, 1994.
2 *Brooks D.* The Road to Character. New York: Allen Lane, 2015.

Патнэм показал, что за последние десять лет готовность к участию в жизни общества резко упала[1]. Если раньше в обычае у американцев было вступать в боулинг-клубы и политические ассоциации, то теперь они все чаще уходят в частную жизнь.

Думать, что в Европе ситуация принципиально иная, — значит спешить с выводами. Французский философ Ален Финкелькраут уже более тридцати лет критикует политическое общество своей страны: граждане не проявляют интереса к собственной культуре, не отдавая себе отчета, что именно этой культуре они обязаны порядком и высоким уровнем жизни, который они считают чем-то само собой разумеющимся[2]. Финкелькраут, сын польских евреев, переживших Освенцим и переехавших во Францию после Второй мировой войны, не раз писал о том, что испытывает глубокую благодарность к этой стране с ее культурой, образовательной системой и республиканскими идеалами. Лишь это и помогло ему, сыну иммигранта, стать полноценным членом общества. Это утверждение он подкрепляет ссылкой на мусульман, преимущественно молодых, которые оказались на обочине. Они сами, считает он, упорно отстранялись от французской культуры, теперь же ропщут на то, что им заказаны как социальная интеграция, так и экономическое преуспевание. Особую актуальность его рассуждения приобрели в 2005 году, когда в предместьях многих французских городов начались массовые беспорядки, учиненные в основном мусульманской молодежью, не сумевшей интегрироваться во французское общество. А после нападения на редакцию журнала *Charlie Hebdo*,

---

1 *Putnam R.* Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster, 2001.

2 *Finkielkraut A.* Die Undankbarkeit: Gedanken über unsere Zeit. Berlin: Ullstein, 2001.

череды терактов 13 ноября 2015 года в Париже и кровавой трагедии 14 июля 2016 года в Ницце взрывная сила интеграционной проблематики снова резко повысилась. Надо сказать, однако, что неприятие высокой французской культуры свойственно отнюдь не только мусульманам, но и исламофобски настроенным французам: избиратели Национального фронта Марин Ле Пен меньше всего озабочены высокой французской культурой и традициями Просвещения. Их «аргументы» сводятся к провозглашению тезиса «Франция должна принадлежать французам», им и дела нет до республиканской концепции гражданских прав как не зависящих от этнического происхождения гражданина. Но задумываться о том, что составляет суть свободной культуры и на чем она основана, — это, по мнению Финкелькраута, давно перестало считаться гражданским долгом. Разумеется, аргументы Финкелькраута не всеми встречены с одобрением. Французские левые видят в нем правого ультраконсерватора, который играет на расистских и исламофобских настроениях. Финкелькраут, говорят они, заперся в академической башне из слоновой кости и не способен осознать истинные причины несостоявшейся интеграции многих мусульман. В действительности причина не в том, что мусульмане чураются французской культуры, а в том, что национальное большинство их не приемлет[1]. Общество должно бы оказывать поддержку своим наиболее слабым членам, которые без такой поддержки не смогут продуктивно включиться в общественную и хозяйственную жизнь страны. Растущее неравенство, а не недостаток знаний о западной культуре — вот что является, по их мнению, причиной социального неустройства и возбуждает гнев обделенных.

---

1 *Todd E.* Wer ist Charlie? Die Anschläge von Paris und die Verlogenheit des Westens. München: C.H. Beck, 2015.

Эти подчас весьма жаркие дебаты содержательно определены конфликтом двух мировоззренческих и социально-политических платформ. Представители культурно-консервативного лагеря утверждают, что либеральный порядок западного общества может устойчиво развиваться лишь на почве общей культуры и всеми разделяемых традиций. Все учащающееся выпадение людей из данного контекста грозит этому порядку распадом. Левые, напротив, ссылаются на дефицит экономического участия. Я не ставлю своей целью разрешить спор между этими двумя позициями. Обе стороны выдвигают достаточно сильные аргументы в защиту своих представлений. Так, левые ссылаются на сравнительные исследования, которые показывают, что обездоленные слои населения сталкиваются с наибольшими проблемами при попытках найти свое место в обществе в тех случаях, когда минимальна социальная мобильность. Приверженцы культурного консерватизма возражают: такие иммигрантские группы, как евреи и восточные азиаты, сформировавшиеся в условиях культур, ориентированных на личный успех, смогли великолепно интегрироваться в Западной Европе и США в экономическом, культурном и политическом плане, несмотря на все стартовые трудности, тогда как иммигранты-мусульмане, равно как выходцы из Южной и Центральной Америки, реже достигают успеха. Их вывод таков: ключом к успешной интеграции является не что иное, как культура[1].

Знаменательно, что помимо противоречий между левыми и консерваторами существует между ними и нечто общее: обе стороны отмечают возрастающую политическую пассивность гражданского населения Запада, превращение политики в шоу-бизнес и то обстоятельст-

1 Streit um Werte / Hrsg. L.E. Harrison, S.P. Huntington. München: Goldmann, 2004.

во, что уровень общественной дискуссии падает на фоне роста потребительских настроений. Все это, по их общему мнению, приводит к тому, что молодежь и взрослые люди озабочены лишь своим личным успехом и не хотят да и не могут включиться в общественную и культурную жизнь.

Один из самых интересных и вдумчивых политических философов современности британец Джон Грей предлагает в своих книгах другой подход. Его критика направлена не только на состояние политической системы, он берет в расчет ее экзистенциальное измерение. Человеческая свобода, по Грею, — всего лишь иллюзия. Наше убеждение, будто мы занимаем в природе особое место, — не более чем мечта. Его внутренняя эволюция, в результате которой он пришел к этому заключению, весьма поучительна. Грей рос в рабочей семье, тем не менее в 80-е годы поддерживал Маргарет Тэтчер с ее политикой либерализации и личной ответственности. Однако вскоре, разочарованный реальными результатами этой политики, он утратил иллюзии и отошел от тэтчеризма. В 90-е он сделался сторонником Тони Блэра и Билла Клинтона, стремившихся сплавить рыночную экономику с социал-демократией. Эта новая благая весть о так называемом *третьем пути*, «капитализме с социальным лицом», казалось, наилучшим образом сможет примирить два мира: богатство и производительность с одной стороны, общественную солидарность — с другой. Эти надежды не сбылись. *Cool Britannia* Тони Блэра обернулась кошмаром, где бедных пичкали ментальным и физическим джанк-фудом, а новый класс миллионеров утопал в такой необузданной роскоши, что даже нью-йоркские снобы бледнели от зависти. Увязать экономический рост с социальной справедливостью не удалось и Биллу Клинтону. В итоге его политический курс создал предпосылки для финансового кризиса 2007 года и по-

следующей рецессии. С того времени неравенство возможностей и доходов граждан США неуклонно возрастает. Люди нижних слоев общества вынуждены работать на двух, а то и трех нищенски оплачиваемых работах, чтобы держаться на плаву, между тем как руководители банков, выживших за счет денег налогоплательщиков, наслаждаются миллионными бонусами.

В ряде своих книг Грей делает соответствующие выводы из этих социологических данных[1]. Рецепты спасения человечества от назревших проблем, выработанные в XX веке, все до одного оказались непригодными. Традицию Просвещения Грей тоже отметает. Если одно из величайших просвещенческих завоеваний — убежденность в том, что человек должен держать судьбу в своих руках, а не предавать себя с молитвой Божьей воле, — держалось дольше остальных, то все же, считает Грей, в наше время Просвещение сменилось-таки эсхатологической теорией спасения: мы исцелимся от всех своих забот посредством техники и науки. Но и эта мечта не исполнилась, поскольку решение одной проблемы порождает несколько новых: научный прогресс и порожденное им благосостояние ведет к увеличению потребности в энергии, возросшее потребление энергии — к климатической катастрофе, обозначающейся все более явно; внедрение машин освобождает от тяжелой физической нагрузки, и оно же лишает целый класс людей их доходов и отнимает у них человеческое достоинство; прогресс в медицине вызвал рост ожидаемой продолжительности жизни, что подрывает финансовую стабильность пенсионных фондов. Одним словом, наша изобретательность порождает непредсказуемые последствия, и мы не имеем ни малейшего представления, как запрудить этот поток.

1 Одна из главных книг по этой теме: *Gray*. Politik der Apokalypse: Wie Religion die Welt in die Krise stürzt. Stuttgart: Klett-Cotta, 2007.

Джон Грей погружается в антиутопический пессимизм, чем заставляет вспомнить Шопенгауэра. Вера в политические теории спасения, считает он, есть не что иное, как секулярные обломки религиозных мифов. Оптимистическое представление о человеке, которое культивировал еще Гуманизм, — наследие библейской концепции, согласно которой Бог сотворил человека по своему образу и подобию. В нашей безоглядной эксплуатации природы Грей видит осуществление стиха из Книги Бытия, где Бог наставляет Адама и Еву «обладать» землей. В действительности, продолжает Грей, мы являемся не более чем случайным продуктом эволюции и не можем претендовать на особый статус. Биологический вид человека постепенно превратился в паразита, вознамерившегося разрушить тело своего хозяина, Земли. Безрассудное разорение природы человеком вызывает у Грея глубокое отвращение. Едва ли не с облегчением он рассуждает о том, что Земля может в результате некоей иммунологической реакции вообще освободиться от человечества.

Необязательно разделять антиутопические настроения Грея и его отвращение к человечеству, однако его мысль о том, что просвещенческая вера в прогресс — не что иное, как пережиток мессианского учения о спасении, представляет для нас интерес. Слов нет, цивилизационное развитие, особенно в технологическом плане, было весьма впечатляющим. В ходе всего нескольких тысячелетий, по меркам биологической эволюции — взмах ресницы, человеческие сообщества сформировались в сложнейшие структуры. Но после Хиросимы и Нагасаки, если не раньше, вера в то, что это развитие имеет неограниченно позитивный характер, напрочь утратила убедительную силу[1]. В период после 1945 года человече-

1 *Lifton R.J.* The Broken Connection: On Death and the Continuity of Life. Washington, D.C.: American Psychological Association, 1996.

ство имело все возможности уничтожить себя и почти все формы органической жизни на земле буквально за несколько минут. И тем не менее мы, похоже, не можем так просто отрешиться от веры в свое исключительное положение в мире. Уже не одно десятилетие ученые предупреждают нас о возможных последствиях изменения климата, но мы по-прежнему настолько уверены, что имеем право создавать технические новшества, служащие для облегчения нашей жизни, что нам даже не приходит в голову от чего-то отказаться, чтобы сберечь планету. И хотя все без устали твердят о «надежности», все же в глубине души мы едва ли отдаем себе отчет в том, что с нами действительно может случиться что-то нехорошее, словно мы и впрямь возвышаемся над всей природой и рассчитываем на счастье, ничем не обремененную жизнь и свободу.

И вот именно здесь нам открывается то общее, что объединяет мысль всех упомянутых социальных критиков. У них вызывает осуждение то, что люди Запада рассматривают либеральный порядок как нечто такое, что нам должно устроить «общество». Если же что-то не функционирует или идет не так, как мы надеялись, значит, некто — родители, общество, «политика», государство — плохо выполняет свои обязанности, и потому извольте, так сказать, обеспечить компенсацию. Мысль о том, что *мы сами* и есть общество, что демократия — дело не только политиков, но и граждан, уходит на задний план[1]. Боюсь, Бенджамин Барбер прав,

1 Конечно, сказанное выглядит как обобщение. Да, большинство граждан становятся все пассивнее, однако создается и множество социальных проектов и некоммерческих организаций, от «Гринписа» до «Врачей без границ», участники которых ощущают острую ответственность за своих сограждан да и за судьбу человечества в целом. Но, к сожалению, данные, собранные Бенджамином Барбером, свидетельствуют, что эти случаи — редкие исключения.

утверждая, что демократия находится в нешуточной опасности. Если в Белый дом попадают такие люди, как Дональд Трамп, который организовал свою предвыборную кампанию в духе реалити-шоу, который допускает свободную интерпретацию фактов, а на содержательную критику в свой адрес отвечает тем, что высмеивает своих оппонентов или пускается в жесткие нападки, значит, либеральный порядок действительно под угрозой.

В политической плоскости первопричина глубокого кризиса состоит в том, что значительная часть граждан втайне надеется: должен прийти некто, кто найдет решение всех наших проблем и гарантирует нам возврат благосостояния, безопасности и нескончаемых развлечений. Такого решения нет и не может быть: любая стратегия имеет свои недостатки и преимущества, и ни один человек, будь он социолог или политик, не может предсказать, как в дальнейшем будут развиваться экономика, политика и само общество. Мечта людей о сильном лидере очень на руку таким политикам, как Трамп, Путин, Ле Пен, и им подобным деятелям правопопулистского толка, которые не скупятся на обещания, имеют в своем арсенале радикальные решения всех мыслимых проблем и готовы исковеркать любую реальность. Джордж Оруэлл разбирался в том, как реальность фальсифицируется в тоталитарных режимах. Феномен Трампа демонстрирует, что и либеральные демократии не застрахованы от известных ее искажений.

Борьба за номинацию от республиканской партии, а затем швыряние грязью друг в друга с Хиллари Клинтон во время предвыборной борьбы — все это было бы забавным спектаклем, не баллотируйся Дональд Трамп на пост президента единственной оставшейся в мире сверхдержавы. Позднее он скомпрометировал себя в качестве серьезного кандидата речью о мексиканских иммигрантах. В итоге он пришел к утверждению, что Мек-

сика поставляет в США наркотики, уголовный элемент и насильников. В действительности, однако, судя по опросам общественного мнения, именно это высказывание значительно подстегнуло его рейтинг. Впоследствии Трамп не смягчил свою риторику ни в малейшей степени. Через несколько недель он объявил, что намерен депортировать из США 11 миллионов нелегальных иммигрантов. Совершенно независимо от того, насколько такая позиция допустима морально, это дешевый популистский трюк, притом что никто не может объяснить, как этот план воплотить на практике.

Другой пример правого популизма представляет Марин Ле Пен, которая всего через несколько часов после побоища в *Charlie Hebdo* заявила, что необходимо ввести смертную казнь за терроризм. Такова теперь тактика политиков-популистов: обращать гнев людей в свою пользу. Цинизм этого заявления, однако, очевиден и смехотворен, ведь исламский терроризм в основном осуществляется смертниками, которые возводятся идеологией в ранг героев. Растущий успех популистов такого рода дает основание для серьезных опасений, он свидетельствует о том, что все большее число граждан Запада уже не дают себе труда всерьез задуматься о проблемах нашего общества и предпочитают отдать свой голос тем, кто апеллирует к самым примитивным слоям человеческой психики, отвечающим за такие типы эмоций, как ненависть к иностранцам, коллективная травля, ресентимент. Когда политическая культура подвергается подобным манипуляциям, идея свободы теряет свое положительное содержание.

«ЛИЦЕНЗИЯ НА СЧАСТЬЕ» И ИСТИННОЕ Я

Пассивность, притязательное отношение к миру, потребительство — все это идет во вред и общественной, и личной жизни многих людей, будучи связано, как я считаю, с романтическим представлением, коренящимся в учении Жан-Жака Руссо: в каждом из нас заложено истинное Я, которое временами скрывается в такой глубине, что мы перестаем отдавать себе отчет в самом его существовании. Если же нам все-таки удается реализовать это наше истинное Я, в нас просыпается любовь к жизни и творческое начало.

Строго говоря, существуют две разновидности этого мифа. Ряд авторов утверждает, что развитию нашего истинного Я препятствуют как раз те люди, с которыми мы наиболее близки, а именно наши родители. Если кто-то несчастлив, значит, в детстве в отношении к нему была проявлена несправедливость. Чтобы такому человеку открылась дорога к счастью, он должен под руководством психотерапевта вновь пережить травму детского возраста. С помощью такого регрессивного опыта он сможет снова вывести на свет свое глубоко похороненное, запрятанное и утерянное Я. Таким образом, истинное Я, можно сказать, должно родиться заново.

Есть и другая версия, согласно которой наше истинное Я можно развить с помощью целенаправленных усилий, при этом и здесь истинное Я видится как некая бабочка, которую нужно лишь выпустить на волю, чтобы пришло счастье и жизненный успех. Нас слишком обуяла лень, мы выбрали не тех учителей, а быть может, общество в какой-то своей инстанции внушило нам такой страх, что мы не решаемся полностью развернуть свой потенциал. В этом состоит идея самоусовершенствования, завоевавшая огромную популярность прежде

всего в США, к ней мы вернемся во второй части этого очерка.

Победное шествие мифа об истинном Я началось в 1960-е годы. В это время сформировалось так называемое Движение за развитие человеческого потенциала с центром в Калифорнии. Его приверженцы утверждали, что единственная по-настоящему достойная цель человека состоит в том, чтобы полностью осуществить свой внутренний потенциал. Не утративший значимости тезис Фрейда, что цель терапии состоит в трансформации истерического страдания в повседневное несчастье, был истолкован как выражение закомплексованной буржуазной культуры: на самом деле мы способны на гораздо большее и заслуживаем гораздо большего!

60-е и 70-е годы XX века — время взросления первых беби-бумеров. Эти люди не знали ни экономических бедствий Великой депрессии, ни ужасов Второй мировой войны. Они стали свидетелями бурного экономического роста, масштабного обновления системы высшего образования и либерализации культурных стандартов, особенно в сфере сексуальности. Обывательские ценности родителей увиделись им убогими и смехотворными; карьерный успех, собственный автомобиль и, если достанет денег, новый телевизор уже не составляли цель под знаком «жизнь удалась!». На первый план вышли другие ценности: креативность, свобода и, самое главное, самореализация. Отказываться от полноты сексуальной жизни ради стабильного брака? Как можно смириться с этими ограничениями, если давно известны — а в Индии практикуются уже тысячелетиями (таков уж миф) — тантрические практики постижения прежде нам недоступных измерений сексуального блаженства, достижимого посредством смены партнеров? А для робких существует марихуана, для искателей приключений — ЛСД. Новая теология освобождения, которую

Герберт Маркузе распространял на почве марксизма[1], Норман О. Браун — посредством оргиастически настроенного психоанализа[2], а Станислав Гроф[3] — через пропаганду ЛСД как средства освобождения, — это движение достигло высшего эффекта в студенческих беспорядках 1968 года. Для молодого поколения социально-экономическая система государства была не чем иным, как машиной подавления, низводящей людей до положения винтиков в машине капитализма.

Новые корифеи французской мысли, среди которых Мишель Фуко, Жиль Делез и Феликс Гваттари, Жак Деррида и Жак Лакан, разработали язык, на котором бунтующие студенты объясняли обывателям-буржуа, что те попусту растратили свою жизнь. Человек — так считалось — должен открыто заявлять свои желания и не сдаваться на милость системе — и вполне возможно, что утверждение Троцкого, мол, в условиях научного социализма любой, самый обычный человек сможет достичь уровня Аристотеля, Гете и Маркса, имеет под собой реальную основу. Счастье и самореализация — это не роскошь, о которой позволительно задуматься, лишь когда полностью исполнишь — вынь да положь — свои карьерные и семейные обязанности, нет, это наше неотъемлемое право! Вслед за Руссо молодое поколение задавалось вопросом: как же выходит, что человек рождается свободным, но всегда и везде живет как окованный цепями? Некоторые увидели рай на земле в Советском Союзе, другие — в маоистском Китае (имея при этом весьма отдаленное представление об истинном положе-

1 *Marcuse H.* Triebstruktur und Gesellschaft. Ein philosophischer Beitrag zu Sigmund Freud. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995 [1955].
2 *Brown N.O.* Life against Death. Middletown: Wesleyan University Press, 1959.
3 *Grof S.* Das Abenteuer der Selbstentdeckung. Heilung durch veränderte Bewußtseinszustände. Ein Leitfaden. Reinbek: Rowohlt, 1984.

нии дел в этих странах). Другие последовали за хиппи или за своими гуру: как же, ведь в Индии уже тысячелетиями известны истины, в принципе непостижимые для западного рационализма.

Далеко не все эти идеи и теории являлись пустыми химерами. Многие аргументы критиков общества были эмпирически вполне обоснованны. Например, Дэвид Рисмен в своем классическом труде «Одинокая толпа» показал, как радикально изменились в последнее время Соединенные Штаты: большинство граждан Америки уже не руководствуются собственными принципами и убеждениями, они утратили свою автономию. Теперь люди больше стараются оправдать ожидания среды, включившись вместе со своими соседями в погоню за новейшими моделями холодильника или автомобиля. Экономист Джон Кеннет Гэлбрейт, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к марксизму, в своих классических трудах «Общество изобилия» и «Новое индустриальное общество» прочерчивает основные линии трансформации позднего капитализма: вопреки утверждению неолибералов Людвига фон Мизеса и Милтона Фридмана, свободно-рыночный капитализм не стал царством и гарантом свободы, но лишь порождает машины потребления. Мультинациональные концерны, такие как «Дженерал моторс», «Дженерал электрик» или «AT&T», теперь располагают такими возможностями, что могут сами формировать потребности своих клиентов для собственной пользы. И важнейшим инструментом для этого стала реклама.

Телевизионный сериал «Безумцы», давший, пожалуй, самую известную в масскультуре картину рекламной индустрии, рассказывает об офисных буднях некоего условного рекламного агентства с большой точностью во всем, что касается эстетических и фактических деталей. И будни эти, помимо прочего, насквозь пронизаны

мужским шовинизмом: женщин еще можно принять на работу, почему бы нет, но возлагать на них какую-либо ответственность не стоит. Если же они хотят продвигаться по службе, — пусть вкладывают в это свой эротический капитал. Но и отношения между мужчинами далеки от идеала: они живут в мире отчаянной конкуренции и взаимного недоверия. Что здесь ценится, так это заключенные сделки, личная преданность — роскошь. Лучше всего в этом сериале отражено зарождение рекламной индустрии. Показано, как изобретались стратегии, направленные не только на удовлетворение желаний и фантазий потребителя, но и на то, чтобы внушить ему новые желания. Покупателя должно охватить чувство, что он *непременно* должен иметь у себя новый продукт — неважно, пачку сигарет новой марки, новую модель «Шевроле» или стиральной машины, — если он хочет жить полной жизнью. Родился гиперкапитализм, при котором люди посредством определенного воздействия на их психику превращены в плоских потребителей. Очевидно и то, что в те же годы многие стали сознавать, что истинная полнота жизни — вопреки посулам рекламы — как раз и не состоит в приобретении новых продуктов. Подвергая критике утопии того времени, мы не должны забывать, что в позднекапиталистических обществах все обстояло далеко не так уж благополучно и что революции 60-х произвели много хорошего. Вспомним хотя бы установление равноправия мужчин и женщин, освобождение гомосексуалистов от судебных преследований и общественного гонения.

Но почему все-таки мы теперь воспринимаем все эти большие надежды 60-х как откровенно наивные? Почему сегодня практически невозможно всерьез читать таких теоретиков, как Герберт Маркузе или Норман Браун? Пожалуй, в частности потому, что обещания некоего другого мира и некоей политики, которая должна

насквозь эротизировать общество, на фоне экономической рецессии 70-х годов зазвучали как пустопорожние. Многие студенты, еще вчера революционно настроенные, теперь больше озаботились поиском места работы, чем коренным переустройством общества. Те же, кто попрежнему был убежден, что Запад — источник всяческого зла и должен быть разрушен, ушли в подполье. Члены террористических групп, таких как РАФ или Красные бригады, верили, что смогут силой освободить мир от исчадий несправедливости: капитализма, сионизма и т.п. Притягательность этих утопических картин постепенно сходила на нет, и когда обнаружилось, что Советский Союз и маоистский Китай больше походят на ад, чем на рай — раздолье для справедливости и самореализации личности, мечта и вовсе выветрилась: тогдашние хиппи в 80-е годы преобразились в яппи, а затем, уже в наше время, — в топ-менеджеров больших компаний.

Дионисийская мечта 60-х оставила нам, однако, непростое наследство, ибо зиждилась она на убежденности, что либеральный политический порядок, который обеспечил возможность свободного протеста в те времена, и экономическое благосостояние, позволившее мечтать о лучшей жизни, достались нам просто так, а не в результате огромных культурных достижений. Больше того, многие сочли, что либеральный порядок представляет собой в корне лицемерную систему, а экономическое богатство создается за счет притесненных слоев населения. Ведь, по сути, все могло бы сложиться гораздо лучше. Счастье и самоосуществление суть наши неотъемлемые права, и если они нам не обеспечены, значит, кто-то в этом виноват. Вопрос лишь — кто?

Когда надежды на политический переворот не оправдались, утопические чаяния были перенесены с общества на отдельные личности. Теперь надежды связывались не с приходом революции, а с раскрытием истинного

Я индивида. Психологи и психоаналитики, такие как Алис Миллер, Артур Янов, Джеффри Мэссон или Рональд Лэйнг, заявили, что в несчастьях человека следует винить не общество и не политическую систему, а его родителей. Вообще говоря, каждый мог бы быть счастлив и открыт для творчества, но многим мешает несправедливость, причиненная им в детстве, отсюда и происходят современные неурядицы. Подобная вера привела к распухшему до неправдоподобия потоку психотерапевтических новинок[1].

Отправная точка была намечена психоаналитическими теориями британца Дональда Винникотта. Он полагает, что развитие младенца в высокой степени зависит от того, насколько ближайшие к нему люди удовлетворяют его потребности[2]. Если же кто-то из них — а Винникотт имеет в виду прежде всего мать — противостоит желанию и внутреннему ритму ребенка, в нем развивается нечто вроде защитного слоя: фиктивное Я, которое послушно отвечает внешнему миру тем, чего тот от него ожидает. Трагизм ситуации состоит в том, что с течением времени такой ребенок утрачивает связь со своим аутентичным Я, от которого он теперь отлучен. И если потом, уже повзрослев, такой человек испытывает потребность в психологической помощи, он жалуется на то, что ощущает себя ненастоящим, похожим на робота, безжизненно и наугад бредущего по жизни. Его контакты с другими людьми неподлинны, он давно забыл, что значит радоваться жизни. Терапевтический рецепт Винникотта радикален: пациентам с проблемами подобного рода терапия должна предоставить воз-

1 Согласно разным подходам, можно насчитать от 70 до 400 различных психотерапевтических методов, ср.: *Corsini R.J.* Handbook of Innovative Psychotherapies. Bd. 86. Hoboken: Wiley, 1981.

2 *Winnicott D.* Reifungsprozesse und fördernde Umwelt. Gießen: Psychosozial-Verlag, 2006 [1965].

можность заново пережить ту жизненную стадию, на которой он испытал раскол собственного Я и потерял контакт с собственными спонтанными проявлениями, — то есть вернуться в раннее детство. И Винникотт организовал свою терапевтическую практику соответственно: он не ограничивал время сеанса для таких пациентов и даже иногда брал их, как малышей, к себе на колени, чтобы таким образом создать условия для превербальных форм коммуникации, которые — согласно его теории — только и могут пробить дорогу к подлинному Я человека.

В начале 60-х Хайнц Кохут, психоаналитик, родившийся в Вене и развернувший свою деятельность в Чикаго, где работал и преподавал, выработал новый подход, который он назвал «психологией самости»[1]. Центральный тезис Кохута гласит, что классический психоанализ неправильно понимает основной тренд человеческого развития. Младенцы, пишет он, — это вовсе не алчные монстры, находящиеся в плену своих инстинктов, как их видели теоретики типа Зигмунда Фрейда и Мелани Кляйн. Младенцы вовсе не мечтают о сексе с матерью и не хотят убить отца, они лишь нуждаются в эмпатии, в понимании своих потребностей со стороны других. Если родители оказались неспособны к такому пониманию, дети чувствуют себя как бы умершими. Чтобы вернуть себе психологическое чувство жизни, дети и правда начинают развивать в себе сексуальные и прочие обсессии в том виде, как их описывает классический психоанализ инстинктов. Но названные обсессии, как бы то ни было, не составляют элемент нормального развития, как утверждал Фрейд, они суть про-

1 *Kohut H.* Narzißmus: Eine Theorie der psychoanalytischen Behandlung narzißtischer Persönlichkeitsstörungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976 [1971].

дукты распада детского Я, не понятого и подавленного его окружением.

Винникотт и Кохут радикально изменили саму перспективу психоанализа: они не соглашаются с тем, что человеческая жизнь неминуемо сложна, трудна и конфликтна. Стоическому классицизму Фрейда они противопоставляют психоаналитический романтизм, инспирированный Руссо[1]. Как и философ XVIII века, они исходят из того, что люди рождаются в мир изначально благими и при условии правильной психологической поддержки таковыми и останутся, то есть навсегда сохранят любовь к жизни, креативность и склонность к эмпатии. В отличие от Маркузе, Брауна и других адептов социального утопизма, Винникотт и Кохут не считали, что решение проблем человека лежит в политической плоскости. Они скорее связывали надежды с перестройкой отношений между родителями и детьми, благодаря чему последние смогут обрести психологическое благополучие и счастливую жизнь. Романтически настроенные психоаналитики этого поколения принесли много пользы. Из числа их учеников вышли многочисленные терапевты, сумевшие оказать своим пациентам эмоциональную поддержку, в которой те остро нуждались.

В популярной психологии их идеи получили продолжение в таких формах, которых ни Винникотт, ни Кохут совершенно не имели в виду. В немецком языковом пространстве широчайшую известность приобрела Алис Миллер, которая ориентировалась на идеи романтического психоанализа. Уже в первых своих работах она сформулировала тезисы, сегодня воспринятые большинством психоаналитиков. Так, например, в статье, составившей основу первой главы ее бестселлера «Драма одаренного ребенка», она доказывает, что пациенты, уже

1 *Strenger C.* The classic and the romantic vision in psychoanalysis.

в детстве потерявшие контакт со своими собственными аутентичными чувствами, не избавлены от опасности пережить повторную травматизацию во время психоаналитической терапии[1]. Поскольку они уже имели привычку чересчур послушно приспосабливаться к потребностям других (изначально — родителей), то и теперь, когда аналитик пытается подтвердить свои теории и гипотезы на практике работы с пациентами, они выдают тот психоаналитический «материал», которого аналитик от них ждет. Тем самым они упускают шанс обрести с помощью терапии аутентичную форму жизни. Поэтому, полагает Миллер, крайне важно, чтобы аналитик по возможности избегал попыток вовлекать пациентов в процесс исполнения собственных запросов. Напротив, он должен предоставлять им возможность выразить свою боль и гнев по поводу утраты — еще в детстве — их аутентичного Я, с тем чтобы они могли заново приступить к самоосуществлению.

Но это было лишь начало. Миллер упорно развивала и распространяла свою доктрину спасения как нечто непреложное. В своих многочисленных книгах она убеждала читателей, что их несчастья объясняются дурным обращением с ними еще в детстве. По-настоящему аутентичную жизнь могут вести лишь те, кто творческим усилием выведет на свет ядро своей личности, когда-то давно отколотое, забытое и подавленное.

Уже в 1970 году калифорнийский психотерапевт Артур Янов опубликовал свой бестселлер «Первичный крик»[2]. В нем он отстаивает тезис о том, что душевная боль рождается в ранних травматических переживаниях и един-

---

1 *Miller A.* Das Drama des begabten Kindes und die Suche nach dem wahren Selbst. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979.
2 *Janov A.* Der Urschrei. Ein neuer Weg der Psychotherapie. Frankfurt am Main: Fischer, 1975 [1970].

ственным способом излечить эти душевные раны является катарсис, позволяющий заново пережить старые травмы и связанные с ними боль и гнев. Янов, будучи харизматиком и внешне привлекательным человеком, обладал явной склонностью к преувеличению и переоценке своей личности. Сначала он совершенно серьезно заявил, что излечит любого обратившегося к нему пациента. Тем самым он посулил нечто такое, о чем представитель любой признанной терапевтической школы побоялся бы даже думать. Фрейд и Юнг, для примера, исходили из того, что могут полноценно помочь примерно трети своих пациентов, другой трети слегка облегчают страдания, а в отношении оставшейся трети остаются бессильны. И тем не менее посулы Янова оказались весьма соблазнительными, и идеи Алис Миллер были им под стать. В конце 80-х она заявила, что больше не является психоаналитиком, более того, психоанализ следует вообще отбросить, поскольку он есть не что иное, как часть «черной педагогики». Это понятие, введенное социологом Катариной Рутшки и проработанное Алис Миллер, означает комплекс запугивания и насилия, с помощью которых взрослые пытаются адаптировать ребенка к социальной жизни. Миллер написала целый ряд книг, ставших бестселлерами, в которых она обещает читателям избавление от страданий и указывает путь к началу аутентичной жизни. Она учит, что чувство пустоты, стремление к успеху, сексуальные перверсии суть последствия недостаточной эмпатии со стороны родителей и, хуже того, дурного обращения с детьми в раннем возрасте. Вместе с тем, кроме нескольких примеров из практики и анализа пары биографий художников и других личностей, она не приводит в подтверждение своих тезисов никаких научно приемлемых доказательств — масштабных долгосрочных исследований или статистических данных о сопоставлении пациентов с контрольными группами.

Главные идеи подобной популярной психологии запускают процесс весьма сомнительного свойства: люди западного мира начинают чувствовать себя жертвами, все больше культивируют в себе горечь и ресентимент. Помимо этого возникает опасное смешение понятий: тот факт, что неправильное обращение с человеком в детстве (будь то сексуальное насилие, насилие физическое или унизительное обращение) глубоко травматизирует личность, несомненно имеет твердое научное доказательство[1]. Но именно поэтому понятие травмы нельзя тривиализировать и фактически лишать содержания, объявляя его лежащим в основе любого человеческого несчастия. В конечном итоге это не увеличит душевный покой, но вызовет у пациента убежденность в причиненной ему несправедливости, в том, что мир — его должник. Как будет показано во второй части этого очерка, в самой человеческой экзистенции глубоко заложены структурные причины феноменов несчастья и пустоты, и душевное здоровье в значительной мере состоит в том, чтобы уметь справляться с этой тяжестью.

Думаю, не стоит добавлять, что ни одна из этих методик излечения даже близко не добилась обещанного результата. Артур Янов продолжает свою практику в настоящее время, однако его утверждение, будто все его пациенты смогли изжить свои детские травмы, не подтверждены ни одним эмпирическим исследованием. Остальным теоретикам, пытавшимся освободить внутреннее Я пациента, удалось не многим больше. В связи с этим напрашивается вопрос: почему теории, подобные названным, сыграли столь значительную роль в популярном дискурсе? Методики, которые я перечислил,

---

1 Ср., например: *Leuzinger-Bohleber M.* Frühe Kindheit als Schicksal? Trauma, Embodiment und Soziale Desintegration. Psychoanalytische Perspektiven. Stuttgart: Kohlhammer, 2009.

составляют лишь часть множества весьма влиятельных психологических «доктрин спасения», буквально наводнивших культурный рынок и наши медиа. Легче всего можно было бы противостоять названным теориям, объявив их авторов шарлатанами и профанами, что в действительности бывает нередко[1]. Думаю, однако, что, начав разоблачать общепризнанных гуру, мы бы недооценили культурную притягательность созданных ими иллюзорных представлений и спасительных фантазий: люди не хотят да и неспособны пережить свободу как не только риск, но и приключение. Мы не желаем примириться со своей конечностью, смертностью, несовершенством и уязвимостью — и как следствие с тем, что нет никаких причин, почему бы все мы должны быть счастливы. Многие теоретики цельного, истинного Я вовсе не были манипуляторами, не ставили во главу угла только славу и финансовый успех. Многие из них верили в собственные теории по тем же причинам, по каким в них верили миллионы читателей, позволивших себя убедить. Они искали причины людских несчастий и пытались найти виновников этой беды.

Миф об истинном Я, искаженном воздействиями земного, телесного, материального порядка и ждущем, пока его обретут заново, — одно из самых выразительных проявлений этого непризнания действительности. Он имеет долгую историю. Я не могу здесь описать в подробностях все источники, варианты и следствия идеи истинного Я[2]. Главное же состоит в том, что этот миф

---

1 Сын Алис Миллер Мартин вспоминает, что именно те злоупотребления, которые его мать публично порицала, она же сама допускала в отношении него: *Miller M.* Das wahre «Drama des begabten Kindes». Freiburg: Herder, 2013.

2 Упомянем лишь такие превосходные работы, как: *Taylor Ch.* Quellen des Selbst. Die Entstehung der neuzeitlichen Identität. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1996 [1992], в особенности Teil II; *Jaeger W.* The Greek Idea

имеет общий источник со многими другими, прежде всего религиозными, мифами, воплощающими надежду на другую, лучшую жизнь. Утопия истинного Я и религиозные обетования спасения исходят из убеждения, что человек в известном отношении всегда страдает от внутренней дисгармонии и трагической напряженности, не дающих ему почувствовать свою полноту. Спасение, если оно вообще достижимо, можно обрести лишь путем великих мучений, огромных усилий и горького покаяния, но и то лишь на том свете или по наступлении мессианской эпохи. Пути к спасению описываются очень поразному. Священные тексты буддизма рисуют муки все новых воплощений, пройдя через которые душа настолько просветляется, что достигает нирваны. Христианство уповает на спасение в ином мире как освобождение от первородного греха. Лурианская каббала описывает метафизическую драму разрушения *sephirot*, божественных сосудов света, и высвобождение божественного света в процессе *tikkun olam*, мессианского исправления мира. Ислам обещает верующим рай, достижимый посредством джихада, то есть непрестанной борьбы с безверием, цель которой — нравственное очищение. Постмодернистский Запад, напротив, не только утратил всякий интерес к трагическому измерению жизни, но и в основном отрицает само его существование: тяжкая, злополучная жизнь сознается как следствие неоказанной услуги, которой мир нам обязан. Детям прививается вера в то, что в круг родительских обязанностей входит вырастить их креативными людьми, способными к самореализации и здоровому социальному поведению. Что же до общества, оно обязано обеспечить нам не только качественное школьное образование и медицинский контроль по по-

---

of Immortality. The Ingersoll Lecture // Harvard Theological Review. 1959. Is. II. P. 135–147.

следнему слову науки, но также хороший статус, материальное благополучие и уважение к нашей индивидуальной и коллективной идентичности. Плохо, что счастье на Западе стало чем-то редким и труднодостижимым, ведь оно причитается нам по праву рождения. Так же и свобода понимается уже не в духе классической философии как всегда неокончательный результат постоянной работы над собой, плод непрекращающегося экзистенциального и ментального тренинга, а как что-то вроде школьных каникул, которые нам просто-напросто положены. Как поет рок-группа Queen: «Я хочу все и сразу».

Мы дошли до той ступени, когда можно выделить общее в концепциях таких разных представителей культурной критики, как Уэльбек, Барбер, Финкелькраут и Грей. Всех их объединяет общая мысль: средний гражданин западного общества благосостояния твердо убежден в том, что благополучная жизнь входит в число его неотъемлемых общественных, политических и личных прав. Необязательно разделять отвращение того или иного из указанных авторов к «западному» образу жизни, чтобы хоть отчасти согласиться с их выводом: мейнстрим постмодерной западной культуры перестал реагировать на трагическую составляющую жизни. И не впустую такие мыслители, как Джон Грей или великий польский философ Лешек Колаковский, постоянно указывают, что сравнительно с воззрениями великих религий, понимающих человека как ущербное и несовершенное существо, просветительский оптимизм выглядит поверхностным. И все же заявим сразу: в наше время нет недостатка в построениях эстетического, философского и психологического плана, которые вне религиозных категорий глубоко и захватывающе трактуют земное бытие человека.

ЧАСТЬ II

ТРАГИКИ-МОДЕРНИСТЫ: СВОБОДА КАК ДИСЦИПЛИНА

ТРАГИКИ МОДЕРНА ОТ БОДЛЕРА ДО ЛЮСЬЕНА ФРЕЙДА

Модернизм, зародившийся в середине XIX века во Франции, выработал замечательные способы исследования человеческого бытия во всей его глубинной сложности. Расцвет модернизма пришелся на конец XIX века и имел место в Вене, затем его эпицентр переместился в Берлин эпохи Веймарской республики, и, наконец, он пришел к своему завершению после 1945 года на культурной и арт-сцене Нью-Йорка. Я здесь не ставлю своей целью подробное описание модернизма[1]. Мое намерение в ином: продемонстрировать на примере нескольких виднейших представителей этого течения специфически модернистское понимание трагического измерения человеческой экзистенции, оказавшееся для нас более близким — в историческом, культурном и идейном отношении, — чем великие религии и классическая философия. Понятийная система модернизма в основной

1 Есть целый ряд превосходных работ, посвященных многочисленным аспектам модернизма; см., например: *Schorske C.E.* Wien. Geist und Gesellschaft im Fin de Siècle. Frankfurt am Main: Fischer, 1982; *Janik A., Toulmin S.* Wittgensteins Wien. Wien: Döcker, 1998 [1973]; *Gay P.* Die Moderne. Eine Geschichte des Aufbruchs. Frankfurt am Main: Fischer, 2010; *Calasso R.* Der Traum Baudelaires. München: Hanser, 2012 [2008]; *Blom Ph.* Der taumelnde Kontinent: Europa 1900–1914. München: Hanser, 2009, ders.; Die zerrissenen Jahre: 1918–1938. München: Hanser, 2014.

своей части исключает метафизику и религию, модернисты понимали человека как исключительно природное существо. Трагизм *conditio humana* они интерпретировали не как теологическую драму, а с опорой на достижения Нового времени в области естественных и гуманитарных наук: с одной стороны, мы так же, как все остальные природные существа, действуем в этом мире, управляемом каузальными связями, с другой — эволюция наградила нас самосознанием и мы пришли к цивилизации высокой степени сложности, освободившей в нас совершенно неожиданные потенциалы. Промышленная революция XIX века вызвала бурный рост экономики, который, хотя и с некоторыми откатами, продолжается и сегодня. Модернизм стал попыткой осмыслить человеческую экзистенцию в условиях стремительного жизненного развития.

Самой представительной фигурой раннего модернизма, а возможно, и его родоначальником, по мнению таких авторов, как Питер Гэй, Вальтер Беньямин и, пожалуй, Мишель Фуко, был поэт Шарль Бодлер, и это мнение хорошо обосновано. Бодлер одним из первых описал и проанализировал радикально новые формы жизни и переживания жизни. Лучше всего это видно на примере его очерка «Художник современной жизни», посвященного творчеству иллюстратора Константена Гиса. Характерной особенностью творчества Гиса Бодлер считал его сосредоточенность на эфемерном, на мгновениях городской жизни, которым суждено сразу же быть забытыми, на маленьких сценках, в которых главную роль нередко играют маргинальные персонажи. Бодлер осознанно делал объектом размышления какого-нибудь художника, не имевшего ни малейших амбиций сотворить бессмертное произведение, пренебрегаемого сколько-нибудь широкой публикой и чьи рисунки и акварели никогда не выставят в серьезном музее (в сущности, имя самого Гиса закрепилось в исторической памяти именно благодаря Бодлеру).

Наброски Гиса, посвященные бытовым сценам парижской жизни, составляли полный контраст неоклассицизму, царившему тогда на французской художественной сцене. Художники-неоклассицисты любили изображать мифологических персонажей в стиле, близком к традиции, берущей начало в Античности, и настроенном на показ надысторического, вечного слоя в человеческой экзистенции. Анализ работ Гиса стал у Бодлера отправной точкой для выработки иного взгляда на действительность: завороженности преходящим, непосредственного восприятия жизни помимо иллюзии бессмертия, — и этот героический жест ознаменовал собой наступление модерна.

Свое понимание современного Бодлер развивал в постоянном противостоянии господствующей художественной традиции, но и в непрестанном еретическом диалоге с христианством. С особой концентрацией его еретическое мировоззрение отражено в стихотворном сборнике «Цветы зла», навсегда обеспечившем Бодлеру место в пантеоне мировой литературы[1]. Бодлер изображает человеческую экзистенцию в трагической разорванности между страстным тяготением к святому и насущной потребностью преступить все моральные законы. Хронист декаданса и экзистенциального *ennui* непрестанно держит связь с Богом и Дьяволом, как, скажем, в первых строках стихотворения, открывающего сборник «Цветы зла»:

Безумье, скаредность, и алчность, и разврат
И душу нам гнетут, и тело разъедают;
Нас угрызения, как пытка, услаждают,
Как насекомые, и жалят и язвят.

Упорен в нас порок, раскаянье — притворно;
За все сторицею себе воздать спеша,

1 *Gay P.* Die Moderne. Kapitel 2.

Опять путем греха, смеясь, скользит душа,
Слезами трусости омыв свой путь позорный.
<…>

Сам Дьявол нас влечет сетями преступленья,
И, смело шествуя среди зловонной тьмы,
Мы к Аду близимся, но даже в бездне мы
Без дрожи ужаса хватаем наслажденья;

Как грудь, поблекшую от грязных ласк, грызет
В вертепе нищенском иной гуляка праздный,
Мы, новых сладостей и новой тайны грязной
Ища, сжимаем плоть, как перезрелый плод[1].

Бодлер — один из великих мыслителей масштабного катаклизма, который знаменовал собою начало эры модерна. Его суждения по своей остроте могут сравниться разве что с мыслью Ницше. Французский поэт прекрасно понимал, что люди нуждаются в нравственном мериле и метафизической основе, но он же сознавал и исторически обусловленную природу этих подпорок. Как его произведения, так и он сам балансировали на узкой тропе между ограниченной буржуазностью и безграничностью. Все свою жизнь он старался обрести устойчивость и финансовую независимость, но не находил в себе сил противиться запредельным порывам к свободе — выражалось ли это в посещении борделей или в курении гашиша. То и другое было для Бодлера не просто времяпрепровождением, но скорее имело экзистенциальное значение. Его непреходящее достижение состоит в том, что он выразил современными средствами разорванность

---

1 *Baudelaire Ch.* Die Blumen des Bösen. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1976 [1861]. S. 9. Цитируется по переводу Эллиса, см.: *Ш. Бодлер*. Цветы зла: Стихотворения, СПб., Азбука-классика, 2009.

человеческого бытия. При этом акт трансгрессии был поднят до уровня секулярного эквивалента религиозного ритуала. Каждым своим стихотворением, которое вызывало скандал у религиозно-консервативных современников, он пытался раскрыть истину человеческой экзистенции.

На этом можно было бы закончить, констатировав, что Бодлер выразил свою реакцию на обывательски-морализирующую культуру, которую мы давно оставили в прошлом: в наш век, когда освободившаяся от гетеронормативного корсета сексуальность уже не вызывает общественного порицания, счеты Бодлера со злом и грехом как будто выглядят анахронизмом. Полагаю, это опасный вывод. Сегодня чувство греховности никуда не исчезло, оно просто приняло другую форму. Напускной либерализм нашей культуры обходит молчанием, что большинство людей Запада постоянно мучаются глубоким страхом — «правильно» ли они живут. Обилие книг и интернет-форумов, посвященных вопросам самопомощи, «здоровой» сексуальности, любви и партнерства, все растет, вытесняя действительно интересные книги по психологии с полок книжных магазинов. Обуреваемые желаниями и тревогами сексуального, кулинарного и т.п. свойства, мы в страхе озираемся по сторонам, боясь нарушить какую-либо из норм. Достаточно ли обильный, здоровый и правильный у нас секс? Не переедаем ли мы? Не слишком ли много — или, напротив, слишком мало — красного мяса содержится в нашем рационе?

Страх собственных необузданных желаний имеет нечто общее с религиозными переживаниями, но как наказание выступает теперь не ад, а чрезмерный вес, плохая спортивная форма, а там, глядишь, и инфаркт миокарда.

Одной из ключевых тем модернизма не могла не сделаться чистая телесность — без идеализации человека. Прекрасный пример этого дает творчество далекого предшественника модернизма Густава Курбе. Одна из известнейших его картин, «Происхождение мира» (1866), до сих пор производит скандальное впечатление. На картине изображено тело женщины, в центре полотна — детально прописанное изображение вульвы. В музее Орсе, где картина была выставлена в 1995 году, рядом с ней был поставлен охранник для защиты от возможных посетителей-фанатиков. На леволиберальную израильскую газету «Гаарец», напечатавшую в 2014 году репродукцию этой картины, обрушился град писем от возмущенных читателей, грозивших отказаться от подписки. В том же году некий блогер опубликовал это изображение в своей ленте Фейсбука, после чего — спустя всего несколько часов — американская корпорация этот пост стерла. Если принять во внимание, что интернет по первому требованию выдает тонны порнографии, возникает вопрос, почему картина Курбе вызывает такие бурные чувства.

Думаю, что объясняется это неким особым качеством этого произведения, но вовсе не его якобы порнографическим характером. Картина Курбе эротична, пусть так, но сама форма представления здесь не нацелена на возбуждающее действие. Здесь другое: подчеркнута чистая телесность женского торса и полураскрытой вульвы, причем образ этой телесности не выглядит ни идеализированным, ни отталкивающим. Название картины помещает детородный орган женщины в контекст рождения, продолжения рода, что, вообще говоря, на тысячу верст отдалено от эротики. Для нас рождение, как правило, связано с представлением о страдании и с теми глубокими чувствами, что мы испытываем к явлению новой жизни, — но никак не с сексом. Эротиче-

ски изобразив женский детородный орган, Курбе достиг редкого эффекта: инсценировал чистую телесность, не отказавшись от эротической ауры. Именно в этом и состоит скандальное воздействие «Происхождения мира». Картина связывает женскую телесность, символизирующую рождение и смерть, с эротикой, которая у нас ассоциируется со страстью и тягой к интенсивному переживанию момента. Конечно, мы знаем, что сексуальность и продолжение рода непосредственно связаны, но в повседневной жизни они отнесены к разным культурным сферам. Своим изображением вульвы на картине «Происхождение мира» Курбе объединяет два измерения, жизненно-реальное и культурное, которые мы — даже в XXI веке — стараемся развести как можно дальше.

Но модернизму предстояло идти гораздо дальше: к концу XIX века венские ученые, художники и интеллектуалы произвели кардинальный переворот принятых представлений о человеке. Их интеллектуальные обретения, их труды до сих пор сказываются в самых разных областях: архитектуре, музыке, философии[1]. В то время, однако, общественность восприняла эти открытия скептически, поскольку в австро-венгерской столице вообще старались поддерживать иллюзию целостного мира. В гостиных и кофейнях по-прежнему толковали о знаменитых актерах Бургтеатра, о тенорах или сопрано из Венской оперы — так, словно политическая и культурная преемственность с прошлым не подлежала сомнению. Однако модернисты уже нутром чувствовали близящийся крах общепринятых конвенций.

1 Несколько лет назад нейробиолог Эрик Кандел в своей захватывающей книге показал, что современная когнитивная неврология имеет свои корни в венском модернизме конца XIX — начала XX века, см.: *Kandel E.* Das Zeitalter der Erkenntnis: Die Erforschung des Unbewussten in Kunst, Geist und Gehirn von der Wiener Moderne bis heute. München: Siedler, 2012.

В 1894 году Густав Климт вместе с Францем фон Мачем получил заказ расписать потолок актового зала в Венском университете. Когда несколько лет спустя Климт предъявил наброски росписи, они вызвали возмущение в среде университетской профессуры. Работа не только шла вразрез со сложившейся консервативной традицией, но художник также грубо нарушил однозначно определенный расклад гендерных ролей в тогдашнем социальном порядке. В его картинах доминировали эротические женские образы, поданные отнюдь не в пассивных позах. Эта женская эротичность излучала силовое поле необычайной силы и могла действовать столь же разлагающе, сколь и благотворно-возвышенно. Климт к тому же не устрашился увязать женскую чувственность со смертью. В других своих картинах он изображал женщин в позах автоэротизма, погруженными в самоудовлетворение, не испытывающими потребности в мужской любви, и такое выражение женской сексуальной автономии представляло угрозу господствующему в тот период образу женщины.

Картины Климта предвосхитили историческую смену самой структуры отношений между полами. Во всем западном мире оказалось поколебленным привычное представление, что любовь женщины целиком и полностью принадлежит ее мужу. И никто не знал об этом лучше врачей Вены и Парижа. Их приемные были полны женщинами, жаловавшимися на самые болезненные проявления — от паралича, кашля и слепоты до панических атак, — для которых не находилось никаких физиологических объяснений[1]. Но и среди мужчин все чаще наблюдались симптомы слабости, прострации, импотенции и т.п. У мужчин преобладал диагноз неврастения, у женщин — истерия, и никто не мог взять в толк, как бо-

1 *Blom Ph.* Der taumelnde Kontinent.

роться с этими болезнями. Что касается мужчин, врачи опасались, что их сексуальная и вообще жизненная энергия растрачивается на мастурбацию, так что ко времени вступления в брак такие мужчины окажутся, так сказать, сексуальными банкротами. А вот как подступиться к проблеме женской истерии, медики не имели никакого представления. Что оставалось делать? Однозначно диагностировать, что корень проблемы — в предписанной обществом пассивности и вытеснении полового желания? Состоятельных женщин врачи стали отправлять на курорт для принятия ванн, успокоительных для нервной системы. Представительниц бедных слоев по большей части вообще не лечили либо направляли в психиатрические лечебницы наподобие гигантской Питье-Сальпетриер в Париже, где они нередко оставались на долгие годы. Для художников-модернистов *fin de siècle*, таких как Климт и Эгон Шиле, писателей Шницлера и Гофмансталя и, конечно, самого Зигмунда Фрейда рост числа указанных болезней не стал неожиданностью. Морализаторская культура эпохи в их глазах представляла собой растрескавшийся фасад, лишь скрывающий жизненную реальность. Модернисты взялись вывести эту реальность на свет. Климт собрал вокруг себя талантливых молодых художников, после чего венский Сецессион стал важной ветвью модернизма. Подвергнув критике традиционные культурные форматы и общественные институты, они сами развивали альтернативные подходы. Шиле, одному из самых одаренных протеже Климта, пришлось убедиться на собственном опыте, что модернистские эксперименты далеко не всегда пользуются сочувствием публики. В 1911 году он, тогда двадцати одного года, со своей подругой, семнадцатилетней Валли Нойциль, переехал в Крумау (Чески-Крумлов в нынешней Чехии). Их образ жизни сочли аморальным, так что им пришлось перебраться в небольшой нижнеавстрийский город. Но

и здесь соседи обошлись с любовной парой не лучшим образом. В результате Шиле пришлось по подозрению в развратных действиях с несовершеннолетней некоторое время провести в следственном изоляторе. В конце концов первоначальное обвинение рассыпалось, и тем не менее Шиле был осужден за «распространение рисунков непристойного содержания», так что пребывание Шиле в тюрьме затянулось на 24 дня.

Может сложиться мнение, что сегодня, когда Шиле числится среди выдающихся художников XX века, обвинение его в аморальном поведении вполне можно объяснить моральными нормами жителей глухой австрийской провинции, но тем самым мы пренебрегли бы существенным аспектом творчества Шиле. Мы исходим из того, что судья, который вынес приговор Шиле, не мог не знать о тысячелетней традиции изображения обнаженных тел, мужских и женских, с открытыми половыми органами, пенисом и вульвой, притом очень часто в эротическом контексте. Проблематичность и скандальность, сопутствующие — причем до сих пор — произведениям Шиле, кроются в другом. Причины шока, неизменно вызываемого картинами Шиле, следует искать гораздо глубже уровня откровенного сексуального содержания: живопись Шиле показывает человека во всей невыносимой наготе его бытия. В ней реализуется то, о чем писал американский философ и критик искусства Артур К. Данто, размышляя о работах Люсьена Фрейда (племянника основателя психоанализа)[1]. Если западная художественная традиция, начиная с Античности, Ренессанса и кончая классицизмом, представляла обнаженное человеческое тело идеализированно (*nude*), то

1 *Danto A.C.* Lucian Freud // The Madonna of the Future: Essays in a Pluralistic Art World. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2001. P. 29–39.

такие художники, как Люсьен Фрейд и Шиле, писали людей в их подлинной наготе (*nakedness*). Фрейд выбирал модели, абсолютно не соответствующие идеалу красоты его времени, — как, скажем, Ли Бауэри, тучный, почти бесформенный человек. Фрейд обладал прямо-таки зловещей способностью к поистине беспощадному изображению человеческого тела во всей его материальности. Но и картины Шиле срывают с человека все защитные покровы, в которые его облачила культура. В отличие от Курбе, Шиле и Фрейд отказывают нам даже в утешении эротической привлекательностью, но напоминают, что облекающие нас тела в конечном итоге суть не что иное, как конгломерат костей, мышц, жира и сухожилий. Шиле видит человеческое тело не отстраненно-анатомически, но выражает страх перед нашей экзистенциальной беззащитностью с такой силой, которая сделала его одним из крупнейших представителей экспрессионизма и не утратила своей значимости в наши дни. Далее мы увидим, с каким трудом наша якобы сверхлиберальная культура справляется с конфликтом между телесностью и самосознанием и вдобавок — с возникающим отсюда страхом.

ЖЕНЩИНЫ-СВЕРХЧЕЛОВЕКИ И НОРМОПАТИЯ

Соблазнительно было бы подумать, что темы модернизма — конфликтность, трагизм, телесность, межполовые различия, тяготы жизни в условиях сверхскоростной городской цивилизации — теперь стали достоянием прошлого. Насколько актуальны в наше время произведения Бодлера, Курбе, Шиле? Разве мы не преодолели, причем уже давно, закомплексованность, свойственную викторианской буржуазии? Мы вполне спокойно рассматриваем в музеях работы покойного Роберта Мэпплторпа — фотографии половых органов (преимущественно мужских), половых актов, садомазохистских сцен во всех возможных вариациях, и даже во вполне мейнстримных фильмах обнаженное мужское и женское тело встречается чуть ли не повседневно. Так же и новые виды сексуальности, которые раньше принято было называть «извращениями», сегодня принимаются без негодования. Можно прийти к выводу, что поздний модерн заключил с нашей телесностью прочный мир.

Все это, однако, не что иное, как оптическая иллюзия, нимало не соответствующая действительности. Телесность вовсе не переживается нами как источник счастья, скорее как наша природная составляющая, стесненная и взятая в узду посредством постоянного надзора и тренажа, диет и спортивных занятий, психотропных веществ и пластической хирургии, — словом, требующая всемерного исправления и контроля. Мы видим, что страх перед телесностью никуда не исчез, напротив, даже усилился, если это только возможно. Как подчеркивает Камилла Палья, американский культуролог, мы, дети позднего модерна, не смогли подружиться ни со своим телом, ни с природой[1]. В публич-

1 *Paglia C.* Die Masken der Sexualität. Berlin: Byblos Verlag, 1994 [1991].

ном пространстве сплошь и рядом демонстрируются изображения рекламного типа — анорексичные женщины и мужчины с переразвитой мускулатурой, тела которых подкорректированы с помощью фотошопа. Такую картинку можно увидеть в любом фитнес-клубе, где остервенело отбивают степ, качаются, подтягиваются, приседают, растягиваются и т.п.

Еще один аспект немилой нам телесности — процесс старения. Люди никогда особо не любили стареть, как о том свидетельствуют мифы о живой воде, молодильных яблоках и проч., бытовавшие тысячелетия назад. Сегодня, однако, работает уже целая индустрия по переработке подобных иллюзий в гигантский бизнес, ищущий научного подкрепления. Высоколобые интеллектуалы, такие как изобретатель и бизнесмен Рэй Курцвейл, провозглашают новое евангелие технологически достижимого бессмертия: уже через несколько десятков лет мы сможем — с помощью нанотехнологии, генной инженерии и биохимических инноваций — длительно поддерживать наши тела в молодом состоянии, а если понадобится, так и омолаживать их[1]. Курцвейл, допустим, являет собой экстремальный случай, и тем не менее западная культура делает все, чтобы исключить старость и дряхлость из публичного пространства. Неэстетичность приютилась в богадельнях и домах для престарелых[2].

Также и половые роли, хотя сегодня они, по счастью, далеко не столь ригидны, как в Вене или Лондоне XIX века, по-прежнему остаются источником страха не дотянуться до уровня сложнейших требований «истинной» и «здоровой» женственности или мужественности.

---

1 *Kurzweil R.* Menschheit 2.0: Die Singularität naht. Berlin: Lola Books, 2006.

2 *Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T.* The Worm at the Core: On the Role of Death in Life. New York: Random House, 2015.

Разумеется, сегодня, в обществах позднего модерна, общая картина невротических расстройств, где преобладала истерия, свойственная периоду *fin de siècle*, уже совершенно поменялась, однако недуг, связанный с социальными и культурными ожиданиями, вовсе не исчез, но лишь принимает другие формы. Если раньше женщины, да и мужчины, были прочно схвачены в оковы своих социальных ролей и сами страшились своей сексуальности, то сегодня мы страдаем под грузом совершенно нереалистических представлений о мужественности, женственности и гармоническом партнерстве, усугубляемых повсеместным визуальным представлением чьих-то невероятных достижений в этой сфере. Чаще всего в крупных городах мы наблюдаем, как буквально полупроцентная верхушка социоэкономической пирамиды усугубляет остроту ситуации: богачи с их почти уже гротескным уровнем дохода взвинчивают цены на недвижимость, а их «истории успеха» обильно тиражируются в СМИ. По контрасту с этим все остальные, а таких, по примерным оценкам, 99,5% населения, мучаются от ощущения своей неудачливости. О чем они часто и не подозревают, так это о том, что члены этой тонкой «высшей» прослойки тоже пребывают в непрестанной тревоге из-за своей неспособности достичь истинного, неподдельного великолепия, из-за непобедимого страха своей мелкотравчатости, о чем я пишу в другой своей книге[1]. Как убедительно показала Ева Иллуз[2], результатом всех этих эволюций стал всепоглощающий страх не соответствовать культурным идеалам, а также растущее потребление более или (чаще) менее профессиональных советов, справочников и рекомендаций, как «правильно» питаться, «мудро» инвестировать, как войти в дове-

1 *Strenger C.* Die Angst vor der Bedeutungslosigkeit.
2 *Illouz E.* Die Errettung der modernen Seele.

рие к собственным детям и постепенно подготовить их к хорошей карьере в будущем. Истерия времен Фрейда, как считает новозеландский психоаналитик покойная Джойс Макдугал, уступила место нормопатии[1], то есть судорожным попыткам соответствовать нормативному для нашего общества идеалу высоких достижений.

Нескончаемый поток книг, теле- и радиопередач, статей, посвященных вопросу о том, как следует (в основном женщинам) совмещать требования карьеры с нуждами семьи, свидетельствует, что наше время отнюдь не избавилось от страхов, характерных для прежних времен, но лишь придало им новый облик[2]. Большинство женщин и теперь решаются рожать детей, однако связанные с этим тяготы лишь увеличились, поскольку почти всем семьям недостаточно одной зарплаты для обеспечения хотя бы относительно спокойной и комфортабельной жизни. По этой причине у большинства женщин нет иного выхода, как устраиваться на работу. Обремененные семьей женщины, имеющие высокие профессиональные притязания, живут под постоянным психологическим давлением либо чувства вины за то, что не уделяют достаточного внимания детям, либо неудовлетворенности тем, что материнство тормозит их карьеру, притом в самые их цветущие годы. «Суперженщины» вроде Шерил Сандберг, сделавшей молниеносную карьеру в сфере хай-тек, порождают комплекс неполноценности у огромного количества женщин, что лично мне даже слишком хорошо знакомо по клинической практике. Наши современники мужчины едва ли чувствуют себя лучше: метро-

---

1 *McDougall J.* Plädoyer für eine gewisse Anormalität. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989 [1980].

2 *Illouz E.* Warum Liebe weh tut. Eine soziologische Erklärung. Berlin: Suhrkamp, 2012. Иллуз основное внимание уделяет женским переживаниям, я же считаю, что ее аргументация на тех же основаниях применима и к мужчинам.

сексуалы разрываются между императивом постоянно демонстрировать свою маскулинность, наращивая ли мускулы, занимаясь ли экстремальными видами спорта, совершая карьерный взлет соответственно некоему общественному идеалу, — и необходимостью проявлять личные качества друга, мужа, отца, способного чутко откликаться на человеческие проявления близких людей. В своей психоаналитической практике я часто встречаю мужчин, которые в свои двадцать с лишним — тридцать лет живут под постоянным давлением страха упустить большую карьеру или полагают, что карьера уже упущена и теперь они обречены навсегда остаться посредственностью.

Тезис о том, что человек должен неустанно работать над собой, относится не только к телу. Один из популярнейших мифов постмодерна состоит в том, что и в профессиональной, и в общественной сфере можно достигнуть всего, стоит только приложить достаточно усилий[1]. Эта мысль глубоко укоренена в пуританской теологии и американском трансцендентализме, то есть в представлении, что истинное Я человека — это не бабочка, которую нужно бы только освободить от пут и выпустить на волю, но нечто такое, что извлекается на свет путем тяжелой работы.

Обсуждая этот вариант мифа об истинном Я человека, мы затрагиваем универсальную тему: потребность в признании как центральная составляющая человеческой психики. Многие мечтают создать нечто такое, что принесет им большую славу. Кто-то мечтает о блестящей карьере в какой-нибудь из наиболее актуальных профессий, спортивные таланты надеются совершить прорыв в своем виде спорта. а тем, кому из-за недостатка талан-

1 Эту версию мифа я подробно рассматриваю в: *Strenger C.* Die Angst vor der Bedeutungslosigkeit.

та или нехватки средств эти пути заказаны, капитализм позднего модерна открывает новые возможности выдвижения: реалити-шоу. В последние десятилетия этот телевизионный формат стал одним из самых процветающих. Зрителям и участникам этих шоу подается посул: каждый может стать знаменитым буквально за одну ночь. В основе этого проекта лежит нарратив о гадком утенке, которому удалось преобразиться. В некоторых типах таких передач участники могут петь, танцевать, выступать в качестве моделей; в формате «Большой брат» даже и этого не надо: участники становятся знаменитыми просто благодаря попаданию в эфир, и чем дольше они там остаются, тем знаменитее делаются. Похоже, в точности сбылось предсказание Энди Уорхола: в будущем каждый сможет стать всемирно знаменитым на пятнадцать минут.

Ложь подобных телеформатов и рекламных слоганов, как, например, «Just do it!» (Nike) или «Impossible is nothing» (Adidas), состоит в том, что многое как раз таки невозможно[1]. Уже по чисто логическим причинам не может быть, чтобы все люди были способны к высшим достижениям. Чем больше людей достигает высокого уровня, тем выше по определению поднимается средний эшелон. Преобладающему большинству из нас придется с этим смириться, поскольку мы не в состоянии создать что-то по-настоящему великое, будь то в экономической, спортивной области или в искусстве. Вообще говоря, эта мысль может сильно уязвлять, но ведь речь в данном случае идет о факте, и закрывать на этот факт глаза было бы ошибкой с катастрофическими последствиями.

Интересно наблюдать, как только что описанная достижительная этика накладывается в последние десятилетия на упомянутую выше тягу к трансцендентному, к расширению сознания, к романтичному. Так родил-

1 Ebd. Kapitel 2.

ся еще один совершенно невоплотимый идеал — будто бы возможно сочетать и гармонично увязать постоянство высоких достижений с аутентично-игровой креативностью. Кратко это можно описать так: в 60-е и 70-е годы у нас появились хиппи с их тягой к креативности и свободе с опорой на личный опыт. Затем в 80-е их сменили яппи, настроенные главным образом делать карьеру. И наконец, на смену этим пришли бобо, новая богемная буржуазия[1], люди, возжелавшие соединить буржуазную уверенность с идеалом творческого самоосуществления и тем самым взвалившие на себя двойной груз. Если человек обуреваем профессиональным честолюбием, он уже не говорит о тяжелой работе, но лишь о захватывающих проектах, в которых ему предстоит найти себя. И одновременно он предается экстремальным видам спорта, сам готовит, наслаждается жизнью, питается здоровой пищей и т.п. В действительности — и мне это хорошо знакомо по многолетней терапевтической практике — идеал этой богемной буржуазии давно превратился в новый источник экзистенциального страха[2]. Многие из них, исполненные внутреннего сомнения и ресентимента, задаются вопросом, как все перечисленное столь будто бы легко и играючи удается другим представителям этой социальной группы, бобо; как другие могут сочетать профессиональный успех с легким и приятным стилем жизни[3].

Мы наконец подошли к современной редакции проблемы, которая в разных видах неоднократно нам встречалась. Речь, конкретно, об убежденности, что существует нечто вроде постоянного и полного счастья и мы име-

---

1 *Brooks D.* Die Bobos. Der Lebensstil der neuen Elite. Berlin: Ullstein, 2001.
2 *Strenger C.* The Designed Self: Psychoanalysis and Contemporary Identities. London: Routledge, 2004.
3 Ibid.; *Strenger C.* Die Angst vor der Bedeutungslosigkeit; ср. также: *Illouz E.* Warum Liebe weh tut.

ем все основания рассчитывать, что можем это счастье обрести. Именно этот взгляд на вещи отрицали великие деятели модернизма. И, как будет показано в следующей части нашего очерка, основание для этого дают результаты когнитивной неврологии.

ВНУТРЕННЯЯ СВОБОДА: ЗИГМУНД ФРЕЙД И КОГНИТИВНАЯ НЕВРОЛОГИЯ

Едва ли кто-либо другой столь же скрупулезно проанализировал мировосприятие современного человека, как Зигмунд Фрейд, возможно самый влиятельный теоретик модернизма. Именно Фрейд сумел перевести на научный язык интуитивные постижения великих художников своего времени и интегрировать их в теоретическое целое психоанализа. Мыслители Просвещения вплоть до середины XIX века питали надежду, что люди, в сущности, — рациональные существа и что прогресс состоит не только в том, что человечество постепенно овладевает природой, но и в том, что оно само непрерывно развивается. Такие философы, как Декарт, Лейбниц, Локк, Юм, Джон Стюарт Милль, в связи с этим выражают в целом оптимистический взгляд на мир. Историческое достижение Фрейда состоит в том, что он существенным образом расширил наше представление о человеке в двух отношениях. Начать с того, что он пролил свет на темную область иррационального, искони столь загадочную для просветителей. В противоположность многим романтикам, усматривающим в иррациональном некую мистическую силу, Фрейд не идеализировал иррациональное, но предпочитал исследовать его средствами современной ему эволюционной биологии. Фрейд надеялся, что со временем сможет объяснить природу неврозов и психозов, с которыми он сталкивался в своей исследовательской практике и как психоаналитик, сведя их к биологическим причинам. И хотя сегодня его частные гипотезы стали достоянием прошлого[1], надежды его тем

1 Основная причина, почему собственно эволюционистские научные гипотезы Фрейда сегодня практически нерелевантны, состоит в том,

не менее оправдались. Как показал Эрик Кандель в нескольких своих работах[1], Фрейд занимает прочное место среди основателей когнитивной неврологии.

Центральный тезис Фрейда, развиваемый им во множестве статей и книг, гласит, что человек — существо немыслимое. Разные слои человеческой психики, эволюционировавшие по-разному, находятся в постоянном конфликте друг с другом. И если некоторые части психики воспринимают внешний мир более или менее адекватно, другие ее части, не менее жизнеспособные, не хотят отбрасывать прежние желания и влечения как нереалистические. К последним, по Фрейду, относятся, например, желание защититься от всесильных авторитетов (какими, скажем, родители видятся ребенку в раннем детстве), желание слиться с любимым объектом или не оказаться в ситуации, в которой приходится уступить конкуренту. Когда мы сознательно задумываемся над этим, то, как правило, понимаем, что подобные стремления иррациональны, но бессознательно они присутствуют всегда. Таким образом, уже в силу своей природы человек обречен жить в ситуации конфликтов, которые могут быть преодолены лишь временно и частично.

что Фрейд был ламаркистом, то есть исходил из того, что индивидуальный жизненный опыт откладывается в генном материале. Историческое объяснение этого заключается в том, что противоборство двух крупнейших эволюционистских теорий, дарвинизма и ламаркизма, лишь в 20-е годы прошлого века завершилось победой дарвиновского подхода, к тому же гипотезы Фрейда приобрели в связи с этим легкий налет анахронизма: с исторической точки зрения они интересны, однако для науки о человеческой природе они уже неактуальны. Ср. более подробно: *Sulloway F.J.* Freud: Biologe der Seele. Jenseits der psychoanalytischen Legende. Stuttgart: Hohenheim Verlag, 1985 [1979]; *Strenger C.* Freud's Legacy in the Global Era. London: Routledge, 2015.

1 *Kandel E.* Psychiatrie, Psychoanalyse und die neue Biologie des Geistes. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006.

Продумывание этой ситуации — первая из исторических заслуг Фрейда. Второе его достижение особенно значимо в контексте нашего очерка. Я уже указывал на то, что все большие религии и философские школы бьются над вопросом: почему человек так держится за свое несчастье и вследствие этого столь часто переживает свое существование как несовершенное? Почему так и остается невозможным устроить его жизнь на рациональных основаниях? В прошлом было сделано немало объяснительных попыток, иные из которых надолго определили собой облик западной культуры. Вспомним о мифе грехопадения, вокруг которого Августин построил доктрину первородного греха, в чрезвычайной степени повлиявшую на всю историю христианства. Борьба между духом и плотью сделалась лейтмотивом традиции, объяснявшей экзистенциальные страдания человека преимущественно в моралистических терминах. Притягательность великих тысячелетних религий во многом объясняется тем, что они, с одной стороны, дают четкое объяснение чувству несовершенства, не покидающему человека, с другой — обещают избавление от этого несчастья, во всяком случае в другом мире. С приходом Просвещения фокус упований переместился в наш мир, однако обещание чего-то подобного раю на земле осталось таким же невыполнимым. Более того, материализовавшись в масштабных политических экспериментах вроде коммунизма и фашизма, оно привело к нескончаемым страданиям. В итоге обещание названного типа было, так сказать, индивидуализировано и делегировано каждому человеку по отдельности. И тем не менее позднекапиталистический нарратив о том, что счастье можно купить или обрести с помощью интенсивного тренинга или упорной работы, оказался химерой.

Генри Элленбергер, крупный историк современной глубинной психотерапии, усматривает[1] важнейшую историческую заслугу Фрейда в том, что тот в современных терминах возродил эллинистически-римскую идею о сознательном формировании индивидуальности, требующем определенной психической дисциплины на протяжении всей жизни человека. Совершая это, Фрейд примкнул к двум влиятельным философским школам: стоицизму и эпикурейству. Интуитивные аксиомы обеих школ состоят в констатации: человек в конечном итоге относительно бессилен. Индивид не может контролировать окружающую его реальность и всегда подвержен силам, которые его превосходят. Человеческое страдание, говорит Эпикур, проистекает от того, что человек всегда желает большего, чем может получить. Все мы хотим власти, славы и признания, но получают их лишь немногие, да и то ненадолго. Если, в порядке редкого исключения, наши желания бывают удовлетворены, нас тут же охватывает страх вновь потерять обретенное; если же они остаются неудовлетворенными, тогда страдание нам причиняет фрустрация. Единственный способ уменьшить наши страдания, заключают эпикурейцы и стоики, — это изменить единственную величину в уравнении, которая в известной степени подчиняется нашему контролю: наши собственные желания и влечения. Покуда мы желаем большего, чем можем достичь в реальной жизни, мы обречены на неотвратимую душевную муку. И мы можем отчасти ее смягчить, лишь спросив у себя: какие из наших желаний, во-первых, не противоречат реальности и, во-вторых, насущны. И после того, как мы по зрелом размышлении проведем диф-

1 *Ellenberger H.* Die Entdeckung des Unbewussten: Geschichte und Entwicklung der dynamischen Psychiatrie von den Anfängen bis zu Janet, Freud, Adler und Jung. 2 Bde. Bern: Huber, 1973.

ференцированную оценку наших желаний, нам придется путем упорного тренинга приучить себя отказываться от нереалистичных и в большинстве своем ненасущных желаний. Для стоиков и эпикурейцев аскеза была не выражением греховности, а результатом постижения базовой структуры внутренней и внешней реальности.

Сообразно указанной традиции, Фрейд подчеркивал, что психоанализ в конечном итоге — это не что иное, как практика аскезы. Терапия нацелена на достижение внутренней свободы, позволяющей пациентам познать свои неосознанные склонности[1]. В отличие от таких постмодернистских авторов, как Янов или Алис Миллер, Фрейд не разделяет мнения, что счастье причитается нам по праву рождения. Он настаивает: причина наших неврозов не в том, что родители и общество чего-то нас лишили, а в том, что сама жизнь структурирована неразрешимыми конфликтами, с которыми каждому приходится справляться самостоятельно. «Недовольство культурой» — таково название поздней работы Фрейда — есть антропологическая константа: мы должны постоянно бороться с тенденцией, склоняющей нас к быстрому и легкому удовлетворению наших импульсивных побуждений, поскольку иначе не справиться с ответственностью, налагаемой на нас работой, моралью, семейной жизнью и т.п. Выдвигая императив психологической зрелости, Фрейд рассуждает вполне последовательно: он отвергает все формы метафизического утешения и интерпретирует религию как тормозящее цепляние за инфантильную иллюзию — будто бы мы, люди, занимаем во Вселенной привилегированное положение и потому находимся под некоей всемогущей защитой.

---

1 *Freud S.* Bemerkungen über die Übertragungsliebe // Gesammelte Werke. Band X: Werke aus den Jahren 1913–1917. Frankfurt am Main: Fischer, 1991 [1914]. S. 319–320.

Душевно здоров, по Фрейду, тот, кто способен справляться с неизбежными состояниями фрустрации и мириться с жизненными ограничениями. Целью психоаналитической процедуры, как гласит знаменитый пассаж из «Исследований истерии», написанных уже в 1895 году, является отнюдь не счастье пациента:

> Когда я обещал своим пациентам, что катартическое лечение им поможет или принесет облегчение, мне не раз приходилось слышать возражение: «Вы же сами сказали, что мой недуг, скорее всего, связан с обстоятельствами моей жизни и превратностями судьбы: тут вы не в силах что-либо изменить; как же вы собираетесь мне помочь?» В ответ я мог бы сказать: «Я и не сомневаюсь в том, что судьбе было бы легче, чем мне, избавить вас от страданий; но вы сами убедитесь в том, что все изменится к лучшему, если мы сумеем превратить ваши истерические беды в обычное несчастье. С ним вам будет легче справиться, когда вы поправите свое душевное здоровье»[1].

Обратите внимание, как далеко мы ушли от «оправдательного менталитета» позднемодернистских гуру и от иллюзии, будто все наши заветные желания можно удовлетворить с помощью работы над собой, лишь бы она была достаточно упорна! Вообще говоря, нет ничего удивительного, что Фрейд оказался столь сильным противником верующих в счастье, причитающееся нам по праву. Они пытались дискредитировать Фрейда, представив его как авторитарную тираническую личность, человека, равнодушного к страданиям пациенток. Но

---

1 *Freud S., Breuer J.* Studien über Hysterie // Freud S. Gesammelte Werke. Band I: Werke aus den Jahren 1892–1899. Frankfurt am Main: Fischer, 1999 [1895]. S. 311–312. Перевод цитаты дается по: *Фрейд З.* Исследования истерии (1895) // Собр. соч.: в 26 т. Т. 1. Восточноевропейский институт психоанализа, 2005.

это выдает их непонимание того, что лежит в ядре его учения, главным же для Фрейда было дать «как можно больше душевной свободы». Но чтобы обрести эту свободу, необходима аскеза. Осознание истины требует неослабного напряжения.

Замечу, чтобы избежать недоразумения: для меня речь не идет о безоговорочном возврате к теории Фрейда и его методам терапевтической практики. В другой своей книге я подробно объяснил, почему именно теперь безусловная реставрация наследия Фреда недопустима[1]. Релевантная в наше время часть фрейдовской мысли состоит скорее в его основополагающем утверждении, что психодинамика человека не приспособлена для поддержания гомеостаза счастья. За прошедшее время эта теория была углублена и получила дальнейшее развитие. Новые достижения современной биологии позволили уточнить ее формулировки и дали ей впечатляющее научное подтверждение. Так, профессор психологии Гарвардского университета Дэниел Гилберт с помощью серии экспериментов показал, что мы с методичным упорством совершенно неверно оцениваем, что может принести нам покой и удовлетворение[2]. С особой убедительностью опровергает он два современных мифа: веру в то, что финансовый успех делает нас счастливее, и убежденность, что богатство выбора делает нашу жизнь лучше[3]. Гилберт показывает, что даже после больших успехов и событий, коренным образом меняющих нашу жизнь (вроде крупного выигрыша в лотерею), наше ощущение счастья уже через несколько месяцев теряет свою

---

1 *Strenger C.* Freud's Legacy in the Global Era.

2 *Gilbert D.* Ins Glück stolpern: Über die Unvorhersehbarkeit dessen, was wir uns am meisten wünschen. München: Riemann, 2007.

3 *Kahneman D., Deaton A.* High Income Improves Evaluation of Life, but not Well Being // Proceedings of the American Academy of Science. 2010. № 107/38. P. 16489–16493.

интенсивность и опускается до прежнего уровня. Помимо этого, постоянное сознание всего спектра возможных альтернатив лишает нас способности наслаждаться тем, что мы имеем[1]. Соответственно, Гилберт придерживается убеждения, что от постоянного разочарования мы, люди, можем уберечься, лишь если будем поступать ровно обратно тому, что проповедует нам потребительская культура: не желать всего на свете, но понять, что чрезмерность наших желаний приводит в тому, что мы никогда не испытаем подлинного удовлетворения. Это – поистине благодатная альтернатива популярно-психологическим трактовкам, уводящим нас в непроходимый лес, в сторону от заново открытых Фрейдом стоиков и эпикурейцев. Даже и без всяких психологических травм и мучений, перенесенных в детстве, мы страдаем под грузом собственных неукротимых желаний и влечений.

Отстаивая здесь эпикурейскую аскезу, я имею в виду нечто более существенное, чем плоская критика консюмеризма. Сам я, к примеру, страстный поклонник продукции Apple. Я влюблен в их простую и ясную эстетику и не устаю радоваться элегантным решениям, которые их разработчики находят для любых, даже самых мелких жизненных ситуаций. Я могу во время езды на автомобиле сделать заметку для памяти, не снимая рук с руля, или послать жене снимок из супермаркета, чтобы она помогла мне выбрать стейк к ужину. И уж конечно, мой смартфон не раз выручал меня в трудных ситуациях, когда, скажем,

---

1 К подобному выводу приходит и Барри Шварц (*Schwartz B.* The Paradox of Choice: Why More is Less. New York: Ecco, 2004); аналогично, нобелевский лауреат Даниел Канеман наряду с другими авторами показал, что человеческая природа просто не приспособлена для постоянного ощущения счастья; ср.: *Kahneman D.* Objective happiness // Well-Being: The Foundations of Hedonic Psychology / Ed. E. Diener, N. Schwarz. New York: Russell Sage Foundation, 2003. P. 3–25.

куда-то пропадала сделанная для доклада презентация. Разумеется, я прекрасно знаю, что продукты Google и Microsoft многие из этих функций выполняют не хуже. Но я извлекаю удовольствие именно из своего чисто эстетического предпочтения гаджетов Apple — и при этом полностью отдаю себе отчет в том, что сознательно становлюсь пешкой в маркетинговой стратегии этого концерна. Как и сотни миллионов других людей, я в 2013–2014 годах с нетерпением ожидал выпуска iPhone 6. Я поддался мессианской ауре, которой Apple окружает свои продукты. Надо сказать, что неомарксистские проклятия в адрес сравнительно безобидных удовольствий убеждают меня так же мало, как и рекомендация поменьше заниматься житейской болтовней или презрительные насмешки над тем энтузиазмом, который у многих людей вызывает дорогая их сердцу корпорация, или над тем, как я убиваюсь, когда Роджер Федерер, уроженец моего родного города Базеля, в который раз проигрывает финал Большого шлема Новаку Джоковичу.

Аскеза, о которой я веду речь, проистекает не из августинианских проклятий в адрес плоти, меченной жупелом первородного греха. Но она должна стать ответом на иск о пошлости, предъявленный западной массовой культуре Мишелем Уэльбеком или Джоном Греем. О том, что мы все нуждаемся в таком ответе, свидетельствует не в последнюю очередь и то, что 25% граждан Запада страдают от патологического ожирения. Эта тяга к перееданию, я считаю, лишь один из многих признаков хронической внутренней пустоты, от которой страдает большое количество людей. Думается, мы здесь имеем дело с симптомом болезни, характерной для нашего общества изобилия: основные потребности людей удовлетворены, на Западе никто не голодает, и все же налицо чувство пустоты, незаполненности. Признать правомерность этого чувства, понять, что ожидание счастья, будто бы изна-

чально навсегда положенного каждому, есть просто-напросто химера, — в этом состоит великий вызов нашего времени. Если мы этот вызов не примем, то нынешний, эпохи позднего модерна, Запад окажется не в состоянии остановить тенденцию, ведущую к инфантилизму и политической апатии, а наши граждане так и не уразумеют, что́ им делать со свободой, которую мы с таким трудом завоевывали на протяжении столетий и столетий нашей истории.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ И БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ

Мысль о том, что сама экзистенция человека сущностно структурирована глубокими конфликтами, которые мы не в состоянии разрешить и с которыми нам приходится жить, была подхвачена и развита экзистенциалистами. Истоки этого воззрения лежат в XIX веке — в трудах философов Кьеркегора и Ницше и таких писателей, как Достоевский, но систематически эту тему стали разрабатывать лишь в первой половине XX века. Наиболее влиятельными представителями экзистенциализма стали Мартин Хайдеггер и Жан-Поль Сартр. Хайдеггер приобрел известность в 20-е годы и вплоть до настоящего времени считается одним из крупнейших мыслителей XX века. Жан-Поль Сартр, в отличие от него, не только философ, его поистине можно назвать культурным феноменом нашего времени. Неслучайно биограф Сартра Бернар-Анри Леви дал своей книге о нем подзаголовок «Философ XX века»[1]. В апреле 1980 года на похоронах Сартра за его гробом следовало более пятидесяти тысяч человек, все они пришли попрощаться с мыслителем, влияние которого на французскую культуру невозможно переоценить. В сердцевине всех родов экзистенциальной мысли лежит представление о том, что *conditio humana* отмечена печатью фундаментальной трагичности, разрешить которую невозможно, а возможно лишь — самое большее — попытаться ее игнорировать[2]. Суть этой трагичности, согласно Хайдеггеру и Сартру, в том, что мы — в силу того, что наделены сознанием — способны

---

1 *Lévy B.-H.* Sartre. Der Philosoph des 20. Jahrhundert. München: Hanser, 2002.

2 Более подробный анализ этой темы см.: *Strenger C.* Individuality, the Impossible Project: Psychoanalysis and Self-Creation. Madison: International Universities Press, 1998.

и, больше того, вынуждены выработать свое отношение к этому факту своей конечности. С одной стороны, в нашей жизни есть много переменных величин, которые мы сами не можем наполнить содержанием. Мы, например, появляемся на свет в результате сексуальной встречи двух людей, которых мы сами не выбирали себе в родители. И эти не выбранные нами родители растят нас в языковой среде и культуре, которые мы так же мало можем поменять, как свой биологический пол или цвет нашей кожи или волос. Говоря словами Хайдеггера, мы вброшены в бытие (Existenz). Больше того, каждый из нас в каждый момент времени уже имеет позади себя свою историю, череду решений, которые мы однажды приняли и уже не можем отменить, — они навсегда ушли в прошлое, и в будущем нам предстоит с этим жить. Эту сквозную ответственность за наше бытие (Existenz), которое Хайдеггер обозначил чеканной формулировкой «вынесенность в Ничто», выдержать чрезвычайно трудно. Если бы мы жили в ежемоментном сознании этой своей сквозной ответственности, наше существование превратилось бы в сплошной страх, который бы окончательно нас искалечил и вогнал в безумие[1].

Поэтому, считает Сартр, мы почти всегда неминуемо впадаем в состояние, которое он называет *mauvaise foi*, то есть «неискренность»[2]. Речь идет о ложном сознании, лишающем нас выбора, ведь так-то и так-то «люди не поступают», а поступать они должны вот этак, то есть совсем иначе. Мы идентифицируем себя с нашей социаль-

---

1 В своем основательно аргументированном исследовании, проведенном главным образом в русле философии К. Ясперса, Луи А. Сасс весьма убедительно проводит эту мысль, см.: *Sass L.A.* Madness and Modernism. Insanity in the Light of Modern Art, Literature, and Thought. New York: Basic Books, 1993.

2 *Sartre J.-P.* Das Sein und das Nichts. Versuch einer phänomenologischen Ontologie. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1993 [1943].

ной ролью, чтобы не взваливать на себя гнетущий груз свободы. Самоочевидность, свойственная повседневности, избавляет нас от жизни в неизбывном экзистенциальном страхе[1]. В моих лекциях об экзистенциализме я иллюстрирую эту мысль таким наглядным примером. Я спрашиваю студентов, почему они сидят здесь, в этой, прямо скажем, не очень приглядной аудитории, вместо того чтобы радоваться жизни, потягивая кофе в каком-нибудь кафе и закусывая круассаном. Почему бы вам, говорю я, не пошвырять свои лэптопы в мою постную физиономию и гурьбой не выбежать на свежий воздух? Обычно они встречают такой мой вопрос дружным хохотом, но я-то хорошо вижу, что подобная мысль не раз приходила им в голову еще до того, как я ее высказал.

Насколько невыносимо жить в постоянном осознании своей абсолютной свободы, не в последнюю очередь видно на примере даже таких крупных мыслителей, как Хайдеггер и Сартр, которые сами были не в состоянии полностью с ней справиться и поэтому — каждый на свой лад — допускали политический или моральный срыв. Так, мы знаем, что Хайдеггер по меньшей мере в известный период свой жизни был убежденным нацистом[2]. В своей речи при вступлении в должность ректора Фрайбургского университета он бескомпромиссно присягнул в верности национал-социализму, идеологии, как он считал, судьбоносной для немецкого народа. Хайдеггер не пошевелил пальцем, чтобы поддержать коллег-евреев, в частности своего учителя и наставника в философии Эдмунда Гуссерля, когда тех изгоняли из университета. Его друг и близкий мыслитель Карл Ясперс,

1 *Heidegger M.* Sein und Zeit. Tübingen: Mohr, 1927.
2 *Assheuer Th.* Er schreibt vom Rasseprinzip // Zeit Online. 2013. Dezember 27; URL: http://www.zeit.de/2014/01/ heidegger-antisemitismus-nachlass-schwarze-hefte/komplettansicht (Stand Oktober 2016).

напротив, сохранял выдержку и человеческое достоинство и в конце концов сам был уволен из-за еврейки-жены. Впоследствии Хайдеггер не счел нужным произнести хоть какие-то слова раскаяния за свои действия в период национал-социализма. Он предпочел замкнуться в молчании, вследствие чего Ясперс, и не он один, порвал с ним отношения. Долгое время моральное банкротство Хайдеггера объясняли его беспринципностью и нехваткой мужества, но после опубликования его «Черных тетрадей»[1] пропала всякая возможность свести его пронацистские симпатии к временным срывам и заблуждениям. Хайдеггер попросту был антисемитом. В поисках экзистенциальной основы своей жизни он надеялся обрести ее в идеализированной самобытности немецкой нации.

Жан-Поль Сартр бежал от свободы на других идеологических путях. Рожденный в буржуазной французской семье, рано потеряв отца, он рос рядом с матерью и ее родителями и уже в юности стал испытывать глубокое презрение к буржуазии. В его глазах она воплощала в себе *mauvaise foi*, то есть стремление схорониться за частоколом социальных норм, отрицание свободы. Достигнув финансового успеха и получив возможность жить писательским трудом, он не спешил делаться публичной фигурой, чтобы как можно дальше отмежевываться от буржуазного образа жизни. Он продолжал жить рядом с матерью и позднее, хотя литературный успех сделал из него состоятельного человека, снимал скромное жилье в Париже, где десятилетиями жил в открытых отношениях с Симоной де Бовуар.

Презрительное отношение Сартра к буржуазии выразилось главным образом в его все более безоговорочной

1 *Heidegger M.* Überlegungen XII–XV (Schwarze Hefte 1939–1941) // Gesamtausgabe. Bd. 96. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2014.

и догматической приверженности к идеологии коммунизма. Ввиду постоянно множащихся признаков того, что СССР являет собой вовсе не рай на земле, но, напротив, тоталитарный ад, ближайшие друзья и единомышленники Сартра, такие как Альберт Камю, Морис Мерло-Понти, Раймон Арон, отмежевались от его политического фанатизма, а в результате и от его дружбы: Сартр с порога отвергал критику своих политических убеждений. Когда же стало долее невозможно игнорировать факты сталинских преступлений, он перенаправил свои симпатии на маоизм. До самой смерти Сартр отказывался признать, что политика коммунизма не способна разрешить всех человеческих проблем.

Обозревая жизненный путь Хайдеггера и Сартра, неизбежно задаешься вопросом: как случилось, что два крупнейших теоретика человеческой свободы могли столь драматично ошибаться в своих политических выводах и действиях? Характерный пример несрабатывания двух философских подходов: то, что оба оказались способны предпринять столь глубокий анализ человеческой экзистенции, не уберегло их от действия описанного ими самими психологического механизма защиты, жертвой которого они оба пали. Как и самый «обыкновенный» обыватель, они воспользовались в качестве защиты известными типами мировоззрения, почерпнув в них жизненный смысл для себя.

Сказанное выше составляет главную мысль рожденного в США и малоизвестного в немецком культурном пространстве антрополога Эрнста Беккера, чье творчество легло в основу современной экспериментальной экзистенциальной психологии[1]. Беккер строит свою теорию, опираясь на работы ученика Фрейда Отто Ранка, который исходит из того, что человеческая психика

---

1 *Becker E.* The Denial of Death. New York: Free Press, 1974.

в принципе не способна принять факт своей смертности и потому пускает в ход защитные механизмы, вытесняющие из сознания реальность собственной недолговечности[1]. Беккер показал, что одна из существеннейших функций любой культуры состоит в том, чтобы создать иллюзию бессмертия: каждый из нас принадлежит к какой-нибудь культурной традиции, возникшей задолго до нашего рождения и внушающей нам мысль, что она надолго продлится и после нас. Принадлежность к традиции гарантирует человеку, что после своей физической смерти он не исчезнет бесследно с лица земли, но в некотором смысле продолжит свое существование. Так, растя своих детей, мы передаем некоторые свои черты следующему поколению и тем обеспечиваем себе место в их воспоминаниях. Попытки воплотить символическое бессмертие в разного рода ритуалах и предметах надежно документированы и являются, можно сказать, антропологической константой. Во всех культурах можно указать ритуальные практики и предметы, назначение которых — поддерживать живую память о мертвых в семье, роде, религиозной общине или нации. Могильные плиты, фотографии умерших, памятники — все это лишь самые современные способы увековечения умерших[2]. Уже герои гомеровской «Илиады» шли на смерть, чтобы быть воспетыми грядущими поколениями, сам Гомер достиг этой цели, создав эпос, до сих пор имеющий своих читателей. И тем не менее все эти средства в конечном итоге не избавляют нас от глубокого экзистенциального страха. Мы не хотим ни стареть, ни умирать, и даже те из нас, кто воздвигает

---

1 *Rank O.* Seelenglaube und Psychologie. Eine prinzipielle Untersuchung über Ursprung, Entwicklung und Wesen des Seelischen. Leipzig; Wien: Franz Deuticke, 1930.

2 *Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S.* The Worm at the Core.

для себя гигантские мавзолеи, впадают в панику, сто́ит им заглянуть смерти в лицо.

В конце 1980-х группа социальных и личностных психологов создала на основе идей Беккера новую исследовательскую парадигму, получившую название «теория управления ужасом»[1]. Эта парадигма, которую я буду называть просто «экзистенциальная психология», постепенно получила широкое распространение в мире и показала исключительную продуктивность при исследовании самых разнообразных явлений. В особенности успешно эта парадигма применяется, когда речь идет о выявлении истоков той огромной притягательной силы, которой обладает религиозный фундаментализм какой бы то ни было конфессии с его притязанием на абсолютную власть и апокалиптическим мировидением[2]. Я уже более десяти лет состою членом исследовательской группы Всемирной федерации ученых, занимающейся анализом мотиваций фундаменталистски настроенных террористов. Что побуждает людей вступать в организации типа Исламского государства (ИГ)? Многие распространенные объяснительные модели при ближайшем рассмотрении обнаруживают свою несостоятельность. Показательный пример — утверждение, что подобным образом, как правило, поступают люди обделенные, лишенные жизненной перспективы. Однако, например, к преступникам, организовавшим теракт 11 сентября 2001 года, это объяснение совершенно неприменимо. Многие из них были студентами, происходили из семей среднего достатка, которые были в состоянии финансировать их пребывание в западной стра-

1 Handbook of Experimental Existential Psychology / Hrgs. J. Greenberg, S.L. Koole, T. Pyszczynski. New York: Guilford Press, 2004.

2 *Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S.* In the Wake of 9/11: Rising Above the Terror. Washington, D.C.: American Psychological Association, 2003.

не. Ключевые лица джихадистских организаций — это нередко врачи и инженеры, перед которыми, стоит им только захотеть, открыты все карьерные возможности. Террористами делает людей не бедность и отчаяние, а другое — глубокая потребность обрести абсолютный жизненный смысл. Это звучит как парадокс, ведь поиск смысла жизни мы привыкли рассматривать как нечто позитивное. Как же получается, что подобные поиски приводят людей в ИГ?[1]

В современных обществах каждый из нас имеет целый набор идентификаций. Я, к примеру, имею швейцарское и еврейское происхождение, профессор, психоаналитик, любитель ездить на мотоцикле, левый либерал, женат, люблю стейки, классическую музыку, люблю Париж и многое другое. Ни одна из этих идентификаций не определяет меня полностью. Либеральный общественный порядок именно тем и характеризуется, что каждый из нас имеет право, я бы даже сказал, обязанность в каждой ситуации решать, что для него важнее всего и какая ценность для него в данный момент центральная. Это — идеал автономного человека, выработанный западной культурой за последние столетия. И как раз эта свобода, а заодно и психологические сверхнагрузки, которые от нее неотделимы, — бельмо на глазу людей из ИГ[2] и фундаменталистских сообществ всех других религий. Как показал нобелевский лауре-

---

1 Американский антрополог Скотт Атран уже многие годы разрабатывает объяснительную модель этого феномена, см.: *Atran S.* Talking to the Enemy: Faith, Brotherhood, and the (Un)Making of Terrorists. New York: HarperCollins, 2010.

2 Интересно, что подобную цель преследуют не только мужчины. Коллега Скотта Атрана Лидия Уилсон исследует этот захватывающий феномен в женской психике. Некоторые женщины, зачастую выросшие даже не в мусульманской среде, пристают к ИГ, поскольку надеются обрести в нем достаточно надежные смысл, родину и мужа.

ат по экономике Амартия Сен[1], установка подобных движений состоит в том, чтобы создать идентичность, снимающую все конфликты и ясно предопределяющую в любой ситуации, что конкретно следует делать. Это же мнение высказал Эрих Фромм, рассуждая о фашизме в своей книге «Бегство от свободы», вышедшей еще в 1942 году. Применительно к исламизму можно добавить, что для многих молодых людей привлекательно выглядит возможность беспрепятственно убивать других и иметь над ними неограниченную власть. Как бы то ни было, мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что в последней глубине всех бесчеловечных акций лежит страх свободы.

Выражением этого страха свободы и вообще всяких смысловых альтернатив, которые могут подвергнуть сомнению собственную веру субъекта, является слепая ярость разрушения, свойственная ИГ, иначе вряд ли объяснимая. Жертвой этого безумия стал не только североиракский город Нимрод, столица Ассирийской империи, вместе с археологическими памятниками трехтысячелетней давности, но и бесценные руины Хатры и Пальмиры. Еще прежде этого афганские талибы взорвали изваяния Будды неизмеримой культурной ценности — и это потому, что, согласно фундаменталистскому пониманию ислама, все следы других религий должны быть стерты с лица земли. Если кто-то попытается найти здесь другой смысл, он окажется на ложном пути. Люди, которые разрушают подобные культурные ценности, страдают, и это главное, катастрофической интеллектуальной ограниченностью, проистекающей из их глубинной потребности в смысловой цельности, абсолютной и безальтернативной. у них нет ни малейшего представления

1 *Sen A.* Die Identitätsfalle: Warum es keinen Krieg der Kulturen gibt. München: DTV, 2010 [2006].

о том, что великие произведения прошлого суть ничем не заменимые памятники истории — истории по определению неповторимой.

В последние пятнадцать лет стало привычным отождествлять эту ограниченность с исламом как таковым, но это опасная мысль. Нельзя забывать, что ислам отнюдь не обладает монополией на иконоборчество, неистовую страсть к разрушению зримых образов. У нас имеется недостаточно исторических свидетельств, чтобы сказать, сколько уникальных памятников католической культуры было уничтожено протестантскими иконоборцами в XVI веке. Мысль о разрушенном погружает меня в тоску — и вовсе не по религиозным причинам: несмотря на мое ортодоксально-иудейское воспитание, я — убежденный атеист и тем не менее высоко ценю католическое искусство. Росписи Джотто, мессы Жоскена Депре, *Te Deum* Антона Брукнера — все эти произведения католического искусства меня пленяют. И совсем не обязательно разделять мировоззрение этих художников, чтобы ими восхищаться. Но именно этой способности лишены приверженцы ИГ. В тех великих произведениях культуры, которые не отвечают их религиозным убеждениям, они видят для себя угрозу, достаточно большую, чтобы желать их уничтожения.

С психологической точки зрения речь здесь идет, если воспользоваться понятием Ницше, в основном о ресентименте. Поскольку хорошая жизнь недостижима без деятельного упорства, мужества и предельных нагрузок, но даже и при наличии этих условий успех не бывает гарантирован, многие впадают в деструктивность, хотя и приукрашивая ее какой-нибудь фанатической идеологией. И тем не менее все это — лишь едва прикрытый ресентимент тех, кто не смог или не захотел пойти на риск свободной жизни. Потребность такого бегства от свободы, очевидно, сильна. Социолог Ханс-Петер Мюллер

справедливо охарактеризовал ИГ как «самую крупную в новейшей истории мусульманскую программу смысловой накачки»[1]. Возрождение халифата, при всей нереалистичности этого проекта, — не что иное, как попытка представить триумфом (хотя бы в воображении) те трудности, с которыми сталкиваются исламские государства в современную эпоху.

Упомянутые выше случай Хайдеггера и случай Сартра напоминают нам, однако, что религия ни в коем случае не монополизирует притязание на абсолютную значимость и власть, зачастую со значимостью связанную. Величайшие трагедии XX века были вызваны двумя секулярными идеологиями, национал-социализмом и коммунизмом. Гитлер, Сталин, Мао Цзэдун и Пол Пот были убеждены, что политические учения о всеобщем счастье оправдывают уничтожение миллионов человеческих жизней, из-за чего Эрик Фёгелин[2] назвал эти тоталитарные системы «политическими религиями». Угроза возрождения правого популизма, нависшая над Западом с недавних пор, наталкивает на очевидную мысль, что подобные политические религии нисколько не менее опасны, чем стремительный подъем фундаментализма в последние десятилетия.

Учитывая все изложенное, надо помнить, что критическая мысль ни в коем случае не должна испытывать робость, сталкиваясь с политически корректным требованием — уважать веру других людей в любых ситуациях. Что мы действительно должны уважать — и это положение я подробно обосновываю в книге «Цивилизованная

---

1 *Müller H.-P.* Europas Jugend und der Jihad. Faszination, die ihren Preis haben muss // Neue Zürcher Zeitung. 2014. November 20; URL: http://www.nzz.ch/feuilleton/europas-jugendund-der-jihad-1.18428076.

2 *Voegelin E.* Die politischen Religionen. Paderborn: Wilhelm Fink, 2007 [1935]. 3. Auflage.

ответственность»[1], — так это право каждого верить в то, во что он желает верить. А вот предмет веры мы, напротив, уважать совсем не обязаны, особенно если эта вера сопряжена с нетерпимостью, фанатизмом и бесчеловечностью. Вопрос в том, сможем ли мы в условиях растущего исламского и европейского правого радикализма сохранить разум и спокойствие, равно как возбудить в себе боевой дух, столь необходимый, чтобы в бодрости защищать либеральный порядок перед лицом возникающих новых угроз.

1 *Strenger C.* Zivilisierte Verachtung. Eine Anleitung zur Verteidigung unserer Freiheit. Berlin: Suhrkamp, 2015.

НЕ ТОЛЬКО ШЕКСПИР: ВЕЛИЧИЕ, ТРАГИЗМ, КРУШЕНИЕ КАК ТЕМЫ КИНЕМАТОГРАФА

Как говорилось выше, мы вполне располагаем способами и средствами, чтобы уяснить себе наше положение в мире и распознать в разного рода политических, религиозных и терапевтических теориях всеобщего счастья то, чем они в конечном счете являются: попытки идеологической защиты от страха свободы. Фанатизм немногих не должен нас убеждать, что мы принципиально не способны справиться с подобного рода страхом. В этой главе я надеюсь показать, что значительные произведения, тематизирующие чреватую конфликтами трагичность человеческого существования, создаются и в сфере популярной культуры.

Очень удачно иллюстрируют сказанное некоторые выдающиеся кинофильмы сравнительно недавнего времени. К числу режиссеров, особенно увлекательно воплотивших на экране исполненную трагизма человеческую экзистенцию, можно отнести Мартина Скорсезе и Пола Томаса Андерсона. Скорсезе довольно рано обеспечил себе место в кинематографическом пантеоне, в первую очередь — фильмом «Бешеный бык» (1980). Основанная на действительных событиях, эта черно-белая картина повествует о жизни боксера Джейка Ламотты, импульсивного человека со сложным характером, неуверенного в себе, который борется за звание чемпиона мира в средневесовой категории. Исполнитель главной роли Роберт де Ниро сам предложил этот материал Скорсезе. Тот, будучи далек от спорта, не проявил к нему никакого интереса, однако позже осознал, что бокс можно понять как аллегорию человеческого су-

ществования[1]. В любом случае бокс — трагический вид спорта. Лишь ничтожное число профессионалов делают в нем настоящую карьеру, и все, кто этого добился, хорошо знают, что времени у боксера всегда в обрез. Человеческий организм не может вечно держаться на высоком атлетическом уровне, тем более в таком жестком виде спорта, как бокс. И трагизм этой ситуации усугубляется тем, что большинство боксеров не имеют ни малейшего представления о коммерческой стороне спорта. Деловую функцию управления боями часто берут на себя персонажи с очень сомнительной репутацией. Бокс стал столь беспощадно-жестоким и одновременно захватывающим видом спорта, потому что наряду с чисто атлетическими способностями и спортивной техникой решающими факторами успеха в нем являются неукротимая воля к победе и умение переносить ошеломляющую боль. Де Ниро — и это принадлежит к крупнейшим достижениям в истории кино — придает характеру Ламотты такие черты, как ранимость, неспособность до конца поверить в любовь собственной жены. Пароксизмы ревности приводят его к разрыву с Джоуи, его братом и менеджером. После этого его спортивная карьера начинает сходить на нет. В 1951 году в жестоком бою он уступает свой титул Леонарду Шугару Рэю. После переезда в Майами его бросает жена. Заключительная сцена: 1964 год, Ламотта стоит на сцене ночного клуба и в очередной раз прогоняет перед зрителями свой заученный конферанс. Весит он теперь килограммов на тридцать больше себя же тридцатилетнего и живет одними лишь воспоминаниями о своих лучших годах.

В фильме «Бешеный бык» весьма выразительно обрисована одна из главных тем человеческой экзистенции:

---

1 *Thompson D.* Scorsese on Scorsese. London: Faber and Faber, 2004, überarbeitete Fassung.

потребность признания и риски, которые мы на себя берем в борьбе за это признание. Разумеется, большинство людей не идут на столь большой риск, как профессиональный боксер, и все же каждому из нас рано или поздно приходится решать: что мы готовы поставить на карту ради удовлетворения своих амбиций? Кому не хватило смелости пойти на риск, тот, вероятно, еще раскается, что даже не сделал попытки; те же, кто все-таки решил попытать счастья, в большинстве своем тоже не обретают чаемого; но даже если ты, как Ламотта, достиг жизненной вершины, очень сомнительно, что тебе удастся долго наслаждаться успехом (чего, между прочим, зачастую не понимают боксеры, не желающие вовремя завершить свою карьеру). Жизнь Ламотты Скорсезе представил как олицетворение тех метаморфоз, которые непременно постигают каждого, кому не довелось умереть молодым: это постепенная телесная деградация, утрата сексуальной привлекательности, ослабление умственных способностей и осознание того, что профессиональный успех, столь важный для нашей самооценки, понемногу уходит в прошлое.

Другой крупный трагик новейшего кино — американский режиссер Пол Томас Андерсон. Второй его фильм, «Ночи в стиле буги» (1997), представляет историю Эдди Адамса, пропащего молодого человека, который живет вместе со своей матерью-выпивохой и вечно мрачным отчимом в калифорнийском городе Торрансе, где работает в ночном клубе. Здесь юношу (актер Марк Уолберг) замечает некий режиссер порнографических фильмов и очень скоро заключает с ним как обладателем, выясняется, непомерно огромного члена договор о найме. Эдди становится в Лос-Анджелесе 70-х звездой экрана под псевдонимом Дирк Дигглер. Андерсон пустил свой фильм по категории Б, чтобы тем нагляднее продемонстрировать убожество порноиндустрии. В отличие

от Джейка Ламотты, чей инфантилизм и импульсивность достигают едва ли не мифологического масштаба, персонажи «Ночей» возбуждают кто жалость, кто смех. И все же зрителю ничего не остается, как сочувствовать героям. Тут и помощник режиссера Маленький Билл (Уильям Мейси), который, не в силах смотреть, как его жена-порноактриса прямо на вечеринке отдается какому-то парню, убивает обоих любовников, а потом и себя; тут и Эмбер Уэйвз, блестяще сыгранная Джулианной Мур кинопартнерша Эдди, которая мечется между работой и наркотиками, пытаясь удержаться на жизненных виражах; и, конечно, нельзя не назвать самого Эдди, который пребывает в иллюзии, будто добился своего звездного статуса собственными силами, и лишь в конце вынужден признать, что его карьера целиком зависит от режиссера Джека Хорнера (Берт Рейнольдс). Схватка между двумя персонажами превращает Эдди в наркомана, который держится на плаву лишь тем, что пускается в проституцию. В итоге Эдди примиряется с режиссером, его карьера продолжится — разумеется, лишь в той мере, в какой ему удастся сохранять надежную эрекцию в нужных сценах.

Андерсоновские «Ночи» особенно тесно связаны с творчеством художников и теоретиков модернизма, о которых у нас шла речь: обнаженность бытия представлена в этом фильме столь же беспощадно, как и утлость самого человека. Как зрители мы не можем не разделить муку Эдди, когда какой-то уличный подонок заставляет его мастурбировать за небольшую подачку, а потом вместе с дружками до полусмерти его избивает. Нас глубоко волнует не только падение шекспировских королей и принцев, но и таких людей, как Эдди Адамс, простой парень, который всего лишь возжелал утвердиться в этой жизни. Его амбиции кажутся нам не слишком прекрасными и возвышенными, и все же в самом существенном он похож на всех нас: мы все пы-

таемся использовать наилучшим образом то, что нам дано судьбой, — в надежде отыскать себе место под солнцем. И пусть наша карьера не зависит впрямую от нашей сексуальной потенции, на нашу любовную жизнь последняя влияет очень существенно. Хотя мы не зависим от воротил порноиндустрии, у большинства есть работодатели, деловые партнеры, клиенты, с которыми приходится как-то ладить. Возможно, мы оцениваем свое положение не так наивно, как Эдди, но от просчетов не застрахован никто, а людям, потерявшим в результате жизненной ошибки свое достояние, статус или самооценку, просто нет числа.

Андерсон и в более поздних своих фильмах очень волнующе передает трагическую и смешную стороны жизни. За «Ночами» последовала «Магнолия» (1999). Джейсон Робардс представляет умирающего старика Эрла Патриджа, бывшего телевизионного продюсера, человека, потерпевшего полный крах в роли отца и мужа, но пожелавшего перед смертью в последний раз увидеть сына. Сын — его играет Том Круз — зарабатывает на жизнь тем, что ведет мастер-классы, на которых обучает неуверенных в себе мужчин, как с помощью самонадеянной мужской брутальности завлекать женщин в постель. Когда Фрэнк, так его зовут, видит своего отца, никогда не ценившего и не любившего его, на смертном одре, в нем как будто что-то ломается. Его «фасад», который он столь виртуозно отстраивал на сцене, крошится в мелкие щепки. Перед нами — одинокий, нелюбимый ребенок, жаждущий признания и пытающийся привить робким мужчинам самосознание рыцарей в сияющих доспехах. «Магнолия» буквально наводнена персонажами, вся жизнь которых — сплошной стыд, вина и неудача. Лишь один человек, больничный санитар (Филип Сеймур Хоффман), спокойный, неприметный и скромный, похоже, доволен своим местом в жизни.

И снова большинство зрителей отказываются причислять себя к какому-либо из представленных людских типов. Среди нас много преданных и добропорядочных родителей; многие владеют куда более респектабельной профессией, чем торговля дешевыми иллюзиями; у нас нередко хорошие жены и любовницы. И все же: кому не знакомо болезненное подозрение, что в душе мы гораздо неувереннее в себе, чем пытаемся показать? И даже если количество жизненных крушений в «Магнолии» начинает зашкаливать, нам все эти сюжеты слишком хорошо знакомы. Надеюсь, что глубина страданий, которую промеряет Пол Томас Андерсон, большинству из зрителей неведома, но ценность этой вещи — в том, что она в гипертрофированной форме передает трагизм, неизбежно встроенный в нашу экзистенцию, причем передает так, что мы, с одной стороны, чувствуем себя более защищенными, чем антигерои «Ночей в стиле буги» и «Магнолии», с другой — все же находим и себя среди персонажей этих фильмов.

Режиссеры, подобные Скорсезе и Андерсону, напоминают о том, что́ часто бывает вытеснено самой нашей культурой: наша свобода не только подарок, но и задача, над которой приходится упорно работать, хотя в итоге нас все равно ждет крушение. Наши амбиции и желания по большей части метят выше, чем позволяют наши возможности. Даже и не побывав на вершине счастья, мы все равно терпим крах — как супруги, родители, дети своих родителей, как профессионалы и специалисты, потому что не существует никакой возможности противостоять страданию старости и избежать связанных с нею потерь. Иллюзия, будто счастье — это нечто вполне естественное и мы имеем полное право на него рассчитывать, этими фильмами рассеивается как дым.

Я далек от того, чтобы утверждать, что мы должны постоянно помнить о трагизме нашего существования,

как персонажи фильмов Ингмара Бергмана. Как раз поэтому мы не хотели бы каждый вечер смотреть фильмы Бергмана, Скорсезе и Андерсона, а скорее что-нибудь вроде тех частей серийного блокбастера «Миссия невыполнима», где действие носит не чересчур напряженный, безобидный и развлекательный характер — и не в последнюю очередь оттого, что Том Круз здесь не горемыка, который терпит неудачу за неудачей, а, наоборот, выходит молодцом из всех трудных ситуаций. И точно так же я не говорю, что осознание своей экзистенциальной свободы непременно предполагает, что мы должны презирать буржуазию за ее фальшь, и не призываю к звериной серьезности. Как раз напротив: одним из великих достижений западного модерна является то, что мы обрели возможность гораздо более утонченных развлечений, чем какое-либо из прежних поколений. Нас очень даже может забавлять *mockumentary* (ироническая псевдодокументалистика) — «Religulous» [«Религиотизм»] Билла Мара, весело порывающая с религией, да и Джон Стюарт уже много лет радует нас своей блестящей политической сатирой. Вуди Аллен обратил в комедию нашу смертность и комплексы неполноценности, и все это смешит нас, а не вгоняет в депрессию. Комедии ситуаций вроде «Сайнфелда» и «Друзей» превращают наши повседневные страхи и сомнения в материал для комических эпизодов. В отличие от граждан многих других государств мы на Западе не боимся высмеивать политиков любого ранга. Практически нет ни одной священной коровы, кого мы не могли бы критиковать и вышучивать. Меня очень радуют фильмы этих комиков, и думаю, Вуди Аллен очень проницателен, изображая своих экзистенциальных горемык в юмористической модальности. Хочу только заметить, что такой подход стал возможным лишь благодаря цивилизационным достижениям, которые мы никак не можем считать само собой разумеющимися.

Свобода смеяться не потребительский товар, а завоевание нашей цивилизации, и защита этого завоевания составляет нашу общую ответственность.

СВОБОДА И ДЖИХАД

Сказанное возвращает нас к центральной теме настоящего очерка — тревожному ощущению, что Западу не хватает духовных и культурных сил, чтобы защитить его собственные базовые ценности. Опираясь на достижения мыслителей-модернистов и экзистенциальных философов, имея также в виду фильмы таких режиссеров, как Мартин Скорсезе и Томас Андерсон, я сформулировал, в чем, собственно, заключается основная слабость Запада. Чтобы продолжать жить, осознавая свою смертность и уязвимость, люди нуждаются в идеологической броне. Между тем либеральный порядок, созданный Западом, основан на том, что вопрос о Большом смысле перенаправлен в персональное ведение каждого человека. В контексте либерального порядка ни одна институция, ни одна группа и ни один индивид не могут и не имеют права претендовать на монопольное владение этим смыслом, всякое насилие в вопросе веры расценивается как нарушение нашего основного права на личную свободу. С точки зрения экзистенциально-психологической эта свобода, с одной стороны, — наше завоевание, с другой — тяжелый груз. В отличие от наших предков мы сегодня не можем принять какую бы то ни было смысловую систему как самоочевидную. Отсюда, в частности, следует, что уже существующие подобные системы, прежде всего религиозные, сталкиваются со все возрастающими трудностями при выполнении своих изначальных защитительных функций. Для верующих евангелической церкви, радикальных мусульман, ультраортодоксальных иудеев-националистов существование вещей, за которые можно пойти на смерть, более или менее очевидно: в этом состоит священный долг верующего. Однако для поддержания своих абсолютных притязаний систе-

мы подобного рода должны быть полностью отрешены от окружающего мира. Фундаментализм любого толка всегда бывает одержим страхом, что его адепты могут утратить веру, а вместе с ней и готовность к послушанию в результате соприкосновения с другой культурой, прежде всего — с культурой либерального Запада. Порой это приводит к причудливым следствиям. Так, некоторые толки ультраортодоксального иудаизма запрещают своим приверженцам пользоваться интернетом. Что, естественно, создает практические проблемы, поскольку многие ортодоксальные евреи не могут на своей работе обойтись без смартфонов и компьютеров. Реакция рынка на это ограничение выражается в создании таких телефонов и компьютеров, в которых доступ к «опасным» сайтам блокирован.

Тому, кто живет вне такого замкнутого мира, приходится понять, что ни одна религиозная система не обладает монополией на абсолютную истину. Даже естественные науки сегодня уже не воспринимаются как незыблемая защитная стена, поскольку они, начиная самое позднее с первой половины XX века, эпохи открытий, утвердивших физику на новых основаниях, сами перестали претендовать на то, что обладают незыблемым и окончательным знанием, — главным образом потому, что и вообще не занимаются утверждением каких-либо смыслов.

Те из нас, кто открыт миру, не вхожи в сферу иммунизирующих идеологий, но свою свободу и плюрализм такие люди покупают дорогой психологической ценой. Уход в частную жизнь, боязнь проблематики Большого смысла — это почти неизбежные следствия плюрализации крупнейших мировоззренческих систем. В результате все больше наших соотечественников уже не находят других аргументов для оправдания и защиты либерального порядка, кроме жалкой ссылки на его экономическую эффективность.

Едва ли среди мыслителей XX века найдется такой, кто столь же ясно отдавал себе в этом отчет, как родившийся в Риге в 1909 году Исайя Берлин, который сделал плюрализм исходной точкой своей политической философии. Берлина многие считают самым крупным либеральным теоретиком XX столетия, при этом он обладал иммунитетом против любых посулов коммунизма, а фашизм видел как верную дорогу в пропасть. В известном смысле показательно, что Берлин не создал сочинения масштаба *opus magnum*, а рассеял свои мысли по многочисленным статьям, всякий раз открывающим какую-то новую перспективу мысли.

Берлин всячески защищал идеалы Просвещения: любая попытка ограничить в чем-либо свободу человека, считал он, должна быть строжайшим образом проверена на предмет ее правомерности. При этом он настаивал: Просвещение ни в коем случае нельзя трактовать в духе теологии освобождения, иначе ему грозит переродиться во что-то вроде поисков «окончательного решения», как Берлин это сформулировал в своей знаменитой лекции «Две концепции свободы» (1958). Моральное и гносеологическое зерно либеральной политической теории сводилось для Берлина к положению, что мы, во всяком случае, всегда можем попытаться действовать максимально по-человечески и в то же время максимально прагматично и эффективно. Вот один из примечательнейших аспектов современной политической философии, как ее понимает Берлин:

> Есть одно убеждение, которое более всех остальных ответственно за массовые человеческие жертвы, принесенные на алтарь великих исторических идеалов: справедливости, прогресса, счастья будущих поколений, священной миссии освобождения народа, расы или класса и даже самой свободы, когда она требует пожертвовать отдельными людьми ради свободы общества. Согласно этому убеждению, где-то — в прошлом или будущем, в Божественном Откровении

или в голове отдельного мыслителя, в достижениях науки и истории или в бесхитростном сердце неиспорченного доброго человека — существует окончательное решение. Эту древнюю веру питает убеждение в том, что все позитивные ценности людей в конечном счете обязательно совместимы друг с другом и, возможно, даже следуют друг из друга. «Природа словно связывает истину, счастье и добродетель неразрывной цепью», — говорил один из лучших людей, когда-либо живших на земле[1].

Берлин неслучайно и отнюдь не по наивности использовал идиому «окончательное решение»: в 1958 году память о нацистском слогане «Endlösung» была еще слишком жива. Любая попытка обосновать «теорию спасения», считал Берлин, — не более чем шаг по пути к близкой катастрофе. Джон Грей считает Берлина, быть может, единственным по-настоящему последовательным либеральным мыслителем — и в первую очередь потому, что тот ни разу не провозгласил никакой «спасительной» программы[2]. Грей обозначил позицию Берлина как «агональный плюрализм».

Берлин исходил из того, что моральные и политические ценности, будучи объективно легитимными, все же находятся в постоянном взаимном конфликте. Классический пример, который он приводит: целеполагание, предусматривающее равенство возможностей, необходимым образом ограничивает какую-то часть свободы личности, и обратно: свобода с необходимостью ограничивает требование установить равенство возможностей. По этой причине Берлин констатирует даже чисто логическую неосуществимость любой «теории спасения»:

---

1 *Berlin I.* Zwei Freiheitsbegriffe. S. 250. Цит. по: Современный либерализм, М.: Издательство ДИК, 1998, Переводчик Л.Б. Макеева. С. 19–43.
2 *Gray J.* Isaiah Berlin. Interpretation of his Thought. Princeton: Princeton University Press, 1995.

в мире не может существовать такого политического порядка, который не потребовал бы заплатить за себя известную цену. Берлин не дожил до наступления катастрофических последствий политики рыночного фундаментализма, но сама идея, что рынок может стать единым средством спасения от всех бед, была ему не менее чужда, чем коммунистическая утопия. Он видел неустранимую уязвимость проекта «свобода», поскольку свобода не может быть достигнута иначе как частично:

> Быть может, идеал свободного выбора целей, не претендующих на вечность, и связанный с ним плюрализм ценностей — это лишь поздние плоды нашей угасающей капиталистической цивилизации: этот идеал не признавали примитивные общества древности, а у последующих поколений он, возможно, встретит любопытство и симпатию, но не найдет понимания. Быть может, это так, но отсюда, мне кажется, не следует никаких скептических выводов. Принципы не становятся менее священными, если нельзя гарантировать их вечного существования. В действительности желание подкрепить свою веру в то, что в некотором объективном царстве наши ценности вечны и непоколебимы, говорит лишь о тоске по детству с его определенностью и по абсолютным ценностям нашего первобытного прошлого. «Осознавать относительную истинность своих убеждений, — говорил замечательный писатель нашего времени, — и все же непоколебимо их держаться — вот что отличает цивилизованного человека от дикаря». Возможно, требовать большего — глубокая и неустранимая метафизическая потребность, но позволять ей направлять наши действия — симптом не менее глубокой, но куда более опасной нравственной и политической незрелости[1].

---

1 *Berlin I.* Zwei Freiheitsbegriffe. S. 255. Цит. по: Современный либерализм, М.: Издательство ДИК, 1998, Переводчик Л.Б. Макеева.

Здесь Берлин очень близко подходит к позиции Фрейда (которого он лично не переносил и чью теорию отвергал): мнение философа о том, что мы проявляем нравственную зрелость, лишь когда осознаем, что любая ценность может иметь не более как относительную легитимность, близко соответствует выводу психоаналитика: целью терапии может быть лишь «расширение душевной свободы». И Фрейд, и Берлин были убежденными сторонниками либеральной идеи, гласящей: окончательный ответ на вопрос о Большом смысле в нашу эпоху модерна более не существует.

Я также не верю в существование некоего хитроумного трюка, с помощью которого мы могли бы вернуть себе цену, уплаченную за обретение свободы. И этого положения не меняют все многочисленные проекты спасения, наводнившие рынок и посредством посулов вовлекающие в свою орбиту миллионы людей: вспомнить хотя бы технологический утопизм таких приверженцев трансгуманизма, как Рэй Курцвейл[1]. Сам я как сторонник идей западного модерна разделяю бескомпромиссный отказ Зигмунда Фрейда и Исайи Берлина от архаизирующих «спасительных» фантазий и фундаментализма любого цвета и оттенка. В приведенном выше фрагменте Исайя Берлин цитирует великого ученого-экономиста и социального мыслителя Йозефа Шумпетера: «Осознавать относительную истинность своих убеждений и все же непоколебимо их держаться — вот что отличает цивилизованного человека от дикаря». Слова Шумпетера кажутся мне сегодня более актуальными, чем когда-либо. С одной стороны, мы стали свидетелями нового подъема варварства — террористические организации вроде Исламского государства или Боко харам рушат спокой-

1 Более подробное освещение этого вопроса см.: *Strenger C.* Die Angst vor der Bedeutungslosigkeit. Insbes. Kapitel 2 und 3.

ную жизнь целых регионов, в Саудовской Аравии пытают и бросают в тюрьмы блогеров и интеллектуалов, а в странах с преобладанием индуизма или в буддийской Мьянме вырезают мусульман. С другой — авторы вроде Мишеля Уэльбека, Джона Грея или Дэвида Фостера Уоллеса снова и снова обращают наше внимание на то, что люди Запада все реже проявляют способность справляться с задачами и дилеммами, которые ставит перед ними наше время. Идея о том, что ради свободы нужно напрягать душевные силы, не вызывает в нашем обществе прежнего энтузиазма. Напрячься для карьеры — да! Для спортивных достижений — ОК! Но сто́ит ли наших усилий свобода? Сохранение культурных основ, необходимых для ее обеспечения?

Уверенность в том, что свобода сводится к возможности выбора между разными товарами, а счастье причитается нам задаром, сделала непопулярной другую мысль: чтобы приобрести независимость, человеку приходится над собой работать. А ведь сегодня эта идея имеет ничуть не меньшее значение, чем в пору ее расцвета, в буржуазном XIX веке и в первой половине века XX. Напротив, в западном мире больше половины молодых людей имеют возможность получить высшее образование, но, похоже, они совершенно забыли, что университетское образование должно предусматривать воспитание гражданской ответственности.

История Запада не сводится к последовательному ряду побед истины и справедливости. В США вплоть до 60-х годов была узаконена расовая сегрегация; в Швейцарии понадобились серьезные усилия, чтобы — лишь в 1971 году — утвердить избирательное право для женщин; в Европе еще и в 70-е годы продолжали существовать режимы военной диктатуры, да и сегодня в мире не счесть тяжелых проблем, достаточно вспомнить тюрьму в Гуантанамо, африканские диктатуры, разграбление

полезных ископаемых мультинациональными концернами, невыносимые условия труда на многих китайских фабриках — производителях наших смартфонов и кроссовок. Запад по-прежнему далек от стандартов, им самим утвержденных.

Из всего сказанного следует, что история вызревания либерального порядка должна быть изложена с обязательным учетом заблуждений, моральных грехопадений и интеллектуальных провалов. Кондорсе, Гегель, Маркс, Спенсер и многие другие авторы, изображавшие ее как процесс неукоснительного саморазвития разума, ошибочно интерпретировали Просвещение как «идеологию спасения», которой предопределено разом решить все мировые проблемы. Однако именно этого либеральный порядок сделать не может, и не для этого он приспособлен. Конститутивный признак либерального порядка состоит в его открытости для критики и в присущей ему воле постоянно корректировать себя под влиянием эмпирической реальности. Это идеальное состояние Карл Поппер обозначил как «открытое общество»[1]. Поэтому развитие либерального порядка ни в коем случае не должно преподноситься в агиографическом стиле, напротив, его следует излагать как рискованное приключение: череду непрекращающихся попыток справедливо и рационально интерпретировать сложную органику человеческой экзистенции, как предприятие, успех которого никогда не будет гарантирован. И как раз потому, что либерализм вполне может потерпеть крах — чему XX век дал чудовищное подтверждение, — именно поэтому потребительское отношение к жизни, столь сейчас распространенное, представляет собой большую проблему. Запад, каким мы его знаем, не выживет, если его

1 *Popper K.R.* Die offene Gesellschaft und ihre Feinde. Tübingen: A. Francke, 1970 [1945].

граждане будут воспринимать либеральный порядок как непреложный закон природы вроде закона всемирного тяготения и если открытое с его помощью свободное пространство будет восприниматься лишь как свободное поле для карьеры и развлечений. Вопреки этому мы должны воспитывать молодое поколение в духе готовности к активной защите либеральных ценностей.

За последние двадцать лет появилось множество превосходных работ, чьи авторы настойчиво подчеркивают, что идеальную цель при воспитании юношества составляет свобода, и этой задачей нельзя пренебрегать. Юрген Хабермас, Марта Нуссбаум, Чарльз Тейлор, Питер Гэй, Джонатан Исраэль и другие авторы убедительно показывают, что либеральную культуру возможно будет спасти, лишь если нам удастся снабдить наших студентов интеллектуальными средствами, необходимыми для критического усвоения западной традиции. Они настаивают, что мы ни в коем случае не должны уступать принципам неолиберального мышления, которое ко всему подходит с экономическими мерками и уже привило многим студентам уверенность в том, что образование сводится к получению специализированных знаний, могущих помочь в отыскании выгодной профессии.

Что есть знание? Что есть справедливость? Каково соотношение веры и знания? Из чего складывается легитимность политического, религиозного, научного авторитета? и как воспрепятствовать тому, чтобы авторитет не поступил в распоряжение тоталитарной системы[1]?

---

1 Разумеется, эти вопросы обдумывались не только на христианском Западе, они также составляли предмет политической и философской мысли в русле великой арабской традиции, особенно в период X–XIV веков. Параллельно этой линии, находящейся под влиянием эллинистической классики, развивалась конфуцианская культура, которая по сей день определяет индивидуальность китайской мысли, и индий-

Разъяснение основ либеральной культуры хорошо укладывается в университетскую программу, как показывает и мой личный тридцатилетний опыт преподавания. Студенты часто делятся со мной наблюдением, что курсы подобной тематики помогают им глубже осознать свою культурную и политическую идентичность и вооружают интеллектуальными средствами для критических дискуссий по этим вопросам. Вдобавок эти курсы порождают тот эффект, что молодые люди перестают воспринимать либеральный порядок как некий продукт, годный для потребления, но начинают видеть в нем наследие, которое мы все должны непрерывно усваивать, если хотим справиться с вызовами современности: терроризмом, сокращением населения, экологическими катастрофами.

Названная программа, естественно, обладает известной изощренностью. Основополагающие тексты не могут быть сформулированы на птичьем языке WhatsApp'a или Twitter'a, погружение в глубины профильной литературы требует концентрации — качества, теперь не слишком распространенного. Плюс ко всему постижение классических произведений предполагает объем знаний, выходящий за пределы исторического момента, а процесс усвоения знаний сам по себе требует больших затрат времени и значительной интеллектуальной энергии. В рамках неолиберальных представлений об эффективности и экономическом росте подобные требования едва ли оправданны, поскольку никак не корреспондируют с карьерными устремлениями и ростом производительности. По этой причине гуманитарные науки в западном мире сегодня везде подвергаются нападкам. Доводы о том, что либеральная демократия в конечном итоге зависит от качества публичного дискурса, а тот,

---

ская философия, имеющая много общего с европейской, прежде всего классической греческой философией.

в свою очередь, — от уровня гражданского образования, сегодня воспринимаются как старомодные и чересчур абстрактные.

Оправданно ли утверждение Уэльбека о том, что западная цивилизация потеряла жизнеспособность, или опасение Грея, что мы сами торопим собственную гибель? Ни убедительно подтвердить, ни опровергнуть эти мысли невозможно. Но те, кто из-за многочисленных проблем, с которыми сталкивается западный модерн, не мудрствуя лукаво выносит ему окончательный приговор, полагая, что он тонет в болоте бездумных развлечений и неудержимого потребительства, не отдают себе отчета в том, что никаких гарантий успешного завершения приключения под названием Свобода не существует. Либерализм — это не спасительное учение, долженствующее завершиться раем на земле. Я считаю, что перед лицом альтернативы либерализму, каковой является варварство, умение жить, мирясь даже и с лишениями, которые несет свобода, — это великое цивилизационное завоевание. Удастся ли нам привить последующим поколениям способность переносить страдания, сопряженные со свободой, и познать красоту этого приключения, зависит только от нас.

ЦИВИЛИЗОВАННОЕ ПРЕЗРЕНИЕ

Как нам защитить свою свободу. Руководство к действию

Четверть века, прошедшие с момента падения Берлинской стены, ясно показали, что конец истории снова откладывается. Конца не случилось, зато другое событие того же 1989 года дотянулось до нас своей длинной тенью: через 26 лет после объявления фетвы против Салмана Рушди мы в очередной раз — после нападения на редакцию сатирического журнала *Charlie Hebdo* — были поставлены перед вопросом: как Запад может осознанно защитить свои ценности перед лицом фундаменталистов, или популистов, или антизападной риторики политиков вроде Владимира Путина? Пока многие левые и либералы остаются по рукам и ногам скованы требованиями политической корректности, роль защитников Запада берут на себя такие деятели, как Марин Ле Пен или активисты Пегиды.

В этой ситуации Карло Штренгер отстаивает позицию «цивилизованного презрения», которая вновь ставит просвещенческий принцип толерантности с головы на ноги: вместо того чтобы культивировать уважение ко всем без исключения жизненным укладам и конфессиональным типам, мы должны вспомнить, что никто и ничто не могут быть застрахованы от аргументированной критики: «Если мы откажемся от права критиковать другие культуры, то не сможем защитить свою собственную».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Замысел этого очерка, посвященного праву и обязанности свободного мира защищать свои цивилизационные ценности, впервые зародился у меня несколько лет назад, а в своем окончательном виде текст сформировался на исходе лета 2014 года. Изначальной целью было оспорить релятивистскую практику политкорректности, основанную на убежденности, что всякая идейная позиция, любая религиозная догматика или жизненный уклад одинаково заслуживают нашего уважения. Подобного рода уважение, зачастую бездумное, лишает, как я считаю, многих либерально настроенных людей решимости энергично отстаивать фундаментальные ценности открытого общества — свободу, критичность и открытую дискуссионность. Опасность, дававшая о себе знать прежде и тем более актуальная сейчас, состоит в том, что вакантное место защитников свободного мира стали занимать правонационалистические партии и группировки, между тем нуждающиеся в защите ценности эпохи Просвещения, которые на протяжении столетий гуманизировали наши западные общества, терпят ущерб из-за ксенофобских настроений и раздувания страхов. 7 января 2015 года братья Шериф и Саид Куаши ворвались в редакцию сатирического журнала *Charlie Hebdo*

и расстреляли одиннадцать человек — карикатуристов, редакторов, колумнистов и одного телохранителя. Во время бегства они убили также полицейского Ахмеда Мерабе. Спустя два дня Амеди Кулибали при захвате заложников в кошерном супермаркете убил еще четырех человек. К тому времени я уже очень далеко продвинулся в написании этого текста и у нас с моим издательским редактором возникло одинаковое чувство: что «Цивилизованное презрение» именно и пишется о таких чрезвычайных ситуациях — нападениях на газеты и нападках на свободу слова, но также и о постыдных стараниях правонационалистических политиков, как Марин Ле Пен, или исламофобских группировок, как Пегида, использовать трагедии, подобные теракту в *Charlie Hebdo*, как инструмент для достижения своих целей.

Из всех лозунгов на многочисленных демонстрациях солидарности, проходивших в те январские дни во Франции и в других странах, меня глубже всего тронул плакат с такой надписью:

ЯШарли
ЯАхмед
ЯЕврей

Эти слова ясно говорят, что свобода и право на критику и сатиру не принадлежат какой-то одной нации, этносу или религии, но всему человечеству в целом.

Эту книгу я посвящаю жертвам парижского теракта.

ЗАПАДНАЯ КУЛЬТУРА: ЗАБИВАЯ ГОЛ В СВОИ ВОРОТА

11 сентября 2001 года западный мир вновь столкнулся с вопросом, о котором мы думали, что он уже потерял актуальность: как нужно и как возможно защищать ценности свободного мира? Окончание холодной войны у многих пробудило надежды, что история, понятая как борьба между разными пониманиями истины, разными идеологическими системами, осталась позади и либеральная демократия вот-вот ненасильственно овладеет всем миром. Однако это пророчество, возвещенное американским политологом Фрэнсисом Фукуямой после падения Берлинской стены[1], не осуществилось. Новая эра вечного мира так и не настала, вместо нее началась новая кровавая бойня, хотя и под другими флагами: распавшаяся на части Югославия стала ареной этнических чисток, достигших чуть ли не уровня геноцида, как это произошло в 1994 году в Руанде и было показано в прямом эфире новостного канала CNN. Мирный процесс на Ближнем Востоке, инициированный, казалось, договором в Осло, подписанным среди прочих Ицхаком Рабином и Ясиром Арафатом, рухнул, не успев начаться, из-за фанатизма израильских поселенцев, не пожелавших поступиться ни пядью библейской земли, и пыла хамасовцев, бившихся за каждый сантиметр Большой Палестины. Пятью годами позже еврейская и палестинская кровь полилась потоком. Одновременно исламский мир разрывают фундаменталистские движения суннитского и шиитского толка, в неимоверных количествах гибнут люди в ходе гражданских войн в Сирии и Ираке. Столь свойственная человеку потребность в четкой самоидентификации и обладании

---

1 *Fukuyama F.* Das Ende der Geschichte. Wo stehen wir? / aus dem Engl. von Helmut Dierlamm. München: Kindler, 1992.

абсолютной истиной окончательно вытеснила надежду на наступление новой, космополитической эры. Религии возвратились на театр мировой истории, и прогноз Сэмюэла Хантингтона о том, что холодная война должна смениться борьбой (религиозно маркированных) культур[1], представляется несколько более реалистичным, чем тезис Фукуямы, согласно которому история политических идей подошла к концу и либеральная демократия как воплощение человеческого разума справляет свой триумф.

Конфликты между представителями различных мировоззренческих принципов вновь выходят на первый план: экспансионистская политика Владимира Путина до сих пор не встречает достойного сопротивления со стороны западного мира. Джихадистские организации, как Аль-Каида и Исламское государство, официально объявили войну Западу, а Китай по многим признакам претендует на господство над всей Юго-Восточной Азией. Между тем многие политологи считают, что нас ждет конкуренция с государствами различных специфических режимов[2], такими как автократия путинского типа, капитализм в рамках однопартийной системы, теократические государства кланового правления (Саудовская Аравия, государства Персидского залива), умеренные автократии типа Сингапура, неосоциалистические варианты правления в Латинской Америке и т.п. — все они, как бы то ни было, предпочтительнее тотального хаоса, постигшего большие регионы Африки и Центральной Америки, где властвуют генералы и мафиозные структуры. Идеи либеральной демократии и универсальных прав человека, претендующие на общезначимость независи-

1 *Huntington S.* Kampf der Kulturen. Die Neugestaltung der Politik im 21. Jahrhundert / aus dem Engl. von Holger Fließbach. München: Goldmann, 2002 [amerikanische Orig. 1996].

2 См., например: *Kupchan Ch.* No One's World. The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn. Oxford: Oxford University Press, 2012.

мо от таких категорий, как национальность, пол, сексуальная ориентация и проч., так и не завоевали мир, хотя в 90-е годы еще казалось, что эффект домино, сопровождающий процесс демократизации, уже неостановим[1]. (И это при том, что большинство людей на Земле охотно поменялись бы местами с беднейшими и самыми беспомощными из европейцев, американцев, канадцев или австралийцев, из-за чего десятки тысяч ежедневно рискуют жизнью, чтобы перебраться из Африки в Европу.)

Учитывая сказанное, вызывает удивление, с какой неохотой многие представители свободного мира (прежде всего левой части политического спектра) включаются в то, чтобы всерьез отстаивать свой жизненный уклад. Порой складывается впечатление, что единственная зримая заслуга Запада состоит в том, что он помогает развивающимся странам и установил у себя такой доход на душу населения, о котором остальные страны, включая Китай, могут только мечтать. Разумеется, время от времени мы наблюдаем спорадические попытки самозащиты, однако, как показывает следующий пример, здесь возникает много вопросов.

Я испытываю гордость за политическую культуру Швейцарии, страны, в которой я родился и гражданство которой ни в коем случае не хотел бы потерять. Когда в 2007 году ксенофобски настроенная Швейцарская народная партия (ШНП) инициировала общественное движение против строительства минаретов, я едва ли мог вообразить, что швейцарцы одобрят этот запрет (в стране тогда было всего три минарета), что они, однако, и сделали в 2009 году. Была в этом какая-то неясность: неужели граждане Швейцарии настолько не уверены в своей

1 Добротный обзор тогдашних надежд и разочарований см.: *Kissinger H.* Weltordnung / aus dem Engl. von Karlheinz Dürr und Enrico Heinemann. München: Bertelsmann, 2014.

политической культуре и национальной идентичности, что почувствовали реальную угрозу от какой-то пары минаретов (изображенных на плакате инициативного комитета в виде ракет)? Но напрасно я удивлялся. Мне стоило вспомнить, что Швейцарская народная партия с 2003 года составляет самую крупную фракцию в Национальном совете, и в этом отношении Швейцария — далеко не единственный случай. Так, на президентских выборах 2002 года политик правоэкстремистских взглядов Жан-Мари Ле Пен в первом же туре оставил позади социалиста Лионеля Жоспена и вышел во второй тур с Жаком Шираком. И пусть во втором туре он проиграл, однако ему удалось доказать, что его партия уже не является маргинальной, доказательством чему — дальнейшее ее развитие, уже под руководством дочери Ле Пена, Марин, заявившей серьезные претензии на пост президента страны. Правый тренд в Европе нельзя недооценивать: враждебное отношение к иностранцам, исламофобия, глубокий страх перед будущим — сегодня эти явления можно наблюдать по всей Европе. Книга Тило Саррацина «Германия. Самоликвидация»[1], автор которой, в частности, утверждает, что через пару десятилетий мусульмане составят в Германии демографическое большинство, вышла в 2010 году тиражом полтора миллиона экземпляров, став в литературе нон-фикшн самым успешным бестселлером за всю историю ФРГ. Страхи Саррацина не вполне лишены оснований, поскольку население Германии (равно как и большинства европейских стран) постоянно сокращается, и это означает, что ее экономика не может функционировать без иммигрантов. Вместе с тем многие тезисы, выдвигаемые Саррацином (в частности, о генетической «неполноценности» иммигрантов-му-

1 *Sarrazin Th.* Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München: Deutsche Verlagsanstalt, 2010.

сульман как причине их социальной обездоленности), специалисты признают абсолютно беспочвенными[1]. Саррацин, возможно, затронул действительно важные вопросы, но в конечном итоге успех его книги обусловлен скорее игрой на страхах немцев перед иностранным засильем, чем строгостью и сутью его аргументации.

В этом очерке я исхожу из того, что серьезная неуверенность Запада — прежде всего Европы — в своих силах, неуверенность, которая выражается в усилении правых партий, исламофобии и растущей неприязни к иностранцам, имеет под собой глубокое основание. Большинство европейцев, таково мое убеждение, уже не могут выдвинуть в защиту своей культуры более сильных аргументов, чем эффективность экономики и постоянство политического и социального мира, который поддерживается в Западной и Центральной Европе с конца Второй мировой войны. Но если Запад окончательно утратит способность аргументированно защищать присущий ему образ жизни, это откроет дорогу реакционным правым партиям, чьи программы основаны на убежденности, что Германия должна принадлежать немцам, Франция — французам, а Швейцария — швейцарцам. Я бы ни в коем случае не хотел оспаривать чье бы то ни было право любить свою культуру и заботиться о ее сохранении, но полагаю, что национализм не образует ядро западной культуры, а, напротив, представляет собой одно из наиболее деструктивных ее изобретений.

Само понятие «Запад» возникло в эпоху, когда западная часть Римской империи с центром в Риме отделилась от восточной ее части с центром в Константинополе, и в силу такого своего происхождения содержит в себе как

1 См.: Der Mythos vom Niedergang der Intelligenz: Von Galton zu Sarrazin: Die Denkmuster und Denkfehler der Eugenik / hrsg. M. Haller, M. Niggeschmidt. Wiesbaden: Springer VS, 2012.

религиозную, так и политико-культурную компоненту[1]. С распространением ислама, география которого в пору его расцвета охватила страны от Испании и Магриба до Центральной Азии и Афганистана, понятие «Запад» стало практически синонимом христианства, и этот сопутствующий религиозный смысл до сих пор имеет чрезвычайно важное значение. Вместе с тем внутренний смысл этого понятия, равно как самопонимание обозначаемого им региона, начиная с XVIII века претерпели глубокие изменения. Просвещение как элитарное явление, чьи корни восходят к Ренессансу, кристаллизировалось в XVII—XVIII веках. Центральным его стержнем, как то афористически сформулировал Кант, является выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он пребывал по собственной вине. Говоря словами Эрнста Блоха, речь идет о процессе, в ходе которого человек отбрасывает страх и зависимость в отношении внешних авторитетных инстанций, религиозных и политических, провозглашает свою автономию и обретает «прямую осанку». Менталитет подчиненности сменяется духом критики. Элитарный феномен Просвещения глубинным образом трансформировал Запад к XIX столетию: сферой его неоспоримого успеха, обосновавшего его притязания на универсальную значимость, стала научная революция, которая не оставила камня на камне от прежнего мировоззрения и — благодаря своему технологическому могуществу — за два века вывела Запад из состояния угрожаемой цивилизации, возведя его в господствующий ранг. К концу XIX века западные страны контролировали три четверти земной суши, а их морское господство было вообще неограниченным. Но за двести лет до этого такое казалось крайне маловероятным: в 1683 году войска Османской империи осадили Вену. Правда, в 1798 году

---

1 *Braudel F.* Grammaire des civilisations. Paris: Arthaud, 1987.

египтянам пришлось бессильно наблюдать, как небольшой корпус Наполеона завоевывает всю их страну, а спустя три года британские войска вытеснили французов при полном неучастии Египта в этой борьбе[1]. Техническое и организационное превосходство западных армий обеспечило им доминирование такого рода, что, скажем, британцы были в состоянии посредством незначительных издержек военного и административного характера контролировать весь Индийский субконтинент.

Но самосознание Запада базировалось не только на технологическом и военном превосходстве. Знаменитое стихотворение Редьярда Киплинга говорит о «бремени белого человека», чувствующего свою обязанность одарить весь мир благами западной цивилизации, — эту убежденность разделяли с Киплингом все колониальные державы. Нам теперь вся эта моралистически-цивилизаторская самоуверенность представляется химерой. Но нельзя забывать о том, что Просвещение фактически притязало на универсальную значимость, идет ли речь о поисках истины или о стремлении к созданию справедливого политического порядка. Как будет более подробно изложено ниже, это просвещенческое стремление к истине и справедливости было — ввиду катастрофы Второй мировой войны и процесса деколонизации — интерпретировано многими как откровенная рационализация империалистической эксплуатации мира белым человеком. После 1945 года начинается процесс самоуничижения[2]: универсалистские претензии Просвещения как ложные культурные предпосылки были дискредитированы. Западу вменялась работа над греха-

---

1 *Lewis B.* Der Untergang des Morgenlandes: Warum die islamische Welt ihre Vormacht verlor / aus dem Engl. von Friedel Schröder und Martina Kluxen-Schröder. Bergisch Gladbach: Lübbe, 2002.

2 *Bruckner P.* Der Schuldkomplex. Vom Nutzen und Nachteil der Geschichte für Europa / aus dem Franz. von Michael Baye. München: Pantheon, 2008.

ми — он не только должен был принять ответственность за несчастья деколонизированного «третьего мира», но и начать уважать все жизненные и конфессиональные особенности, которыми живут разные этнические, религиозные и культурные общности. Именно в этот миг родилась политкорректность, чьи основные принципы: паритет всех культур, конфессиональных изводов и жизненных укладов, а также принципиальный запрет на моральную и гносеологическую критику любой культуры[1]. Согласно этому принципу, к чему может быть призван западный человек, так это лишь к монетарной форме расплаты за грехи прошлого — помощи развивающимся странам. Допускается, правда, также критика собственных политиков, но речь в таких случаях может идти только о вопросах управления. Кардинальные же вопросы рационально дискутировать нельзя, поскольку все мнения и все религиозные вариации заслуживают, считается, равного уважения. Политическая корректность вскоре стала основополагающим принципом почти всех европейских и части американских левых, что выливается в интеллектуальное запугивание, породившее столь многочисленные проблемы. В университетах на многих социологических и гуманитарных факультетах западная культура привычно и уничижительно преподносится как «фаллогоцентричная» (от греч. *phallus* — пенис и *logos* — мысль, понятие). В такой трактовке она очевидным образом представляет собой наследие «dead white man», мертвого белого человека, и хочет доминировать не только над другими культурами, но и над женщинами, а также над всеми, кто не соответствует стандартам гетеросексуальности[2].

---

1 *Finkielkraut A.* Die Niederlage des Denkens / aus dem Franz. von Nicola Volland. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1989.

2 *Bloom H.* The Western Canon // The Books and School of Ages. New York: Houghton Mifflin, 1994.

Далее последовал ряд чрезвычайных событий, поставивших западный мир перед вопросом: как и на каких правовых основаниях он может защитить свои ценности и свой жизненный уклад? 11 сентября 2001 года в результате крупнейшего за всю историю теракта были разрушены башни-близнецы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, террористы превратили два пассажирских авиалайнера в орудия массового поражения. 11 марта 2004 года другой теракт, на мадридском железнодорожном вокзале Аточа, где были взорваны пассажирские электрички, унес жизни 191 человека и причинил ранения еще почти двум тысячам. 7 июля 2005 года в Лондоне в результате скоординированных взрывов в метро и в автобусе погибли 56 человек. Консервативное правительство США под управлением Джорджа У. Буша отреагировало на теракт 11 сентября оперативно и внятно: террору и так называемой «оси зла», посягнувшей на свободный западный мир, была объявлена война. Уже через несколько недель после 9/11 режим талибов в Афганистане был свергнут. Под тем предлогом, что диктатор Ирака Саддам Хусейн развивает тайную программу по производству оружия массового поражения, американские и британские войска вместе с примкнувшей к ним «коалицией согласных» вторглись в Ирак, невзирая на протесты в большинстве европейских стран.

Итог последующих 15 лет ясно показал, что война Буша с террором обернулась полным провалом. Афганистан погружен в хаос, Ирак на грани развала, в результате — опасный вакуум власти. Сегодня Ирак и Сирия образуют региональный эпицентр, где в большом количестве расплодились радикально-исламистские террористические группировки, далеко превзошедшие Аль-Каиду образца 2001 года и дальностью своего влияния, и силой, и широтой подконтрольных территорий (да и сама

Аль-Каида сегодня организована гораздо лучше, тем в те времена, и действует на всем протяжении от Йемена до Центральной Азии), отряды Исламского государства контролируют весь коридор от Ирака до внутренних областей Сирии. Преемник Буша Барак Обама вынужден был продолжать борьбу с террором, но он ограничился воздушными атаками управляемых дронов. Но и Обама, как выяснилось, достиг не бо́льших успехов, чем Буш с его стратегией сухопутного вторжения.

Вопрос, как быть с исламистским террором, чрезвычайно сложен. Сам я принимал участие в двух проектах, нацеленных на изучение динамики развития этих террористических организаций и мотивов поведения их членов, и, надо сказать, наши результаты не слишком вдохновляют: до сегодняшнего дня никто не представил методику действий, которая позволила бы прекратить экспансию этих групп, поэтому свободному миру еще долго придется иметь с ними дело.

Центральный вопрос, поставленный в этой книге: каким образом Запад может укрепить и защитить систему собственных ценностей, не поступаясь своими идеалами в ходе конфликта? В том, что эти опасения отнюдь не беспочвенны, мы убедились на примерах Гуантанамо, Абу-Грейба, а также изучая шпионскую деятельность секретной службы АНБ. Если Запад надеется отстоять свои ценности и свой образ жизни не только военными, но и содержательно-смысловыми методами, то единственную возможность сделать это даст ему обращение к принципам Просвещения. Дух критики, твердая автономность индивида, отказ от любых властных притязаний, ставящих себя вне договорных обязательств и дискурсивных обоснований легитимности, право на «прямую осанку» — все это идеи, которые хотя и были сформулированы Западом, но по своей сути не ассоциированы ни с каким этносом, цветом кожи или религией.

То обстоятельство, что крупные мыслители незападного происхождения сегодня принимают участие в работе над проектом просвещенческого склада, достаточно ясно показывает, что названные принципы становятся непреложными — или по меньшей мере привлекательными отнюдь не только для Европы и Северной Америки. Однако идеология политической корректности привела к тому, что очень и очень многие европейские и американские левые уже не хотят с чувством собственного достоинства и гордости защищать эти стержневые начала Просвещения[1]. Вместо этого они продолжают бичевать себя за грехи, которые Запад — и это несомненно — совершил когда-то в прошлом.

В результате защита нашей культуры фактически оказалась отдана на откуп политически правым силам. После 9/11 Джордж Буш без всякого стеснения говорил о «нашей свободе» и «нашем образе жизни». У европейцев, похоже, в этой роли естественно чувствуют себя только правые. Последствия этого — самые губительные, поскольку, говоря так же, правые вовсе не имеют в виду основные принципы Просвещения, а подразумевают национальную принадлежность и национальные интересы и тем самым пускают в ход ровно ту тактику, которая в первой половине XX века ввергла Европу в бездну бесчеловечности. Угроза, исходящая от исламского терроризма или агрессивной внешней политики России, — это одна сторона, но и то, как мы сами обходимся с внешними и внутренними опасностями, чревато многими рисками. Мы должны научиться так реагировать на опасность, чтобы в итоге не дать выигрыша политическим правым с их ненавистью к иностранцам,

1 *Lévy B.-H.* Left in Dark Times. A Stand Against the New Barbarism / aus dem Franz. ins Engl. übertragen von Benjamin Moser. New York: Random House, 2008.

расизмом и высокомерием в отношении различных национальных, религиозных и культурных групп. Но предотвратить это можно лишь в том случае, если левые и центристы объединят свои усилия по защите основных принципов свободного мира. Однако в течение уже нескольких десятилетий именно левые сковывают себя требованиями политической корректности: всякая критика в адрес другой культуры немедленно вызывает подозрение в европоцентричном империализме. Главное, что я утверждаю этим очерком: настаивая на соблюдении норм политкорректности, мы выбрасываем за борт фундаментальный принцип Просвещения, а именно: никто и ничто не может стоять выше критики. Идеология политкорректности представляет собой, как будет показано ниже, гротескное искажение просвещенческого принципа толерантности. Этот принцип нацелен на то, чтобы оградить индивида от посягательств государства и церкви, но он никогда не мыслился как поощрение всех без разбора религиозных, мировоззренческих и культурных практик. Истолковав, однако, этот принцип в превратном смысле, левые обессилили сами себя, ибо если мы откажемся от права критиковать другие культуры, то не сможем защитить свою собственную. Вера в то, что политкорректность сможет гарантировать гармоническое сосуществование различных культур, обнаружила свою иллюзорность[1]. Давно выяснилось, что долго сохранять подобное состояние психологически невозможно. Люди не могут искренне уважать то, что в душе считают аморальным, иррациональным или попросту глупым. Неминуемый результат — потеря аутентичности. Есть много примеров несовместимости разных культур в рамках

1 *Taylor Ch.* Multikulturalismus und die Politik der Anerkennung / aus dem Engl. von Reinhard Kaiser, mit Kommentaren von Amy Gutmann, Stephen C. Rockefeller, Michael Walzer, Susan Wolf und einem Beitrag von Jürgen Habermas. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2009 [1994].

единой политической системы. Бывшая Югославия в результате этнических чисток раскололась на относительно гомогенные государства, даже мирная Чехословакия распалась надвое. Миллионы беженцев-мусульман не находят себе места в Европе, мигранты второго, а то и третьего поколения отправляются в «джихад-туризм» по Сирии и Ираку. Практика мультикультурализма («мультикульти») себя не оправдала, как вынуждены были признать Ангела Меркель и ее британский коллега Дэвид Камерон. Неоднократно приводившийся контрпример — США, однако, по мнению политолога Сэмюэла Хантингтона, эта страна никогда не была мультикультурной: белые англосаксы-протестанты всегда там доминировали, остальные этнические группы лишь тогда могли влиться в общее население, если они принимали и успешно усваивали «правила игры» доминирующей культуры, что хорошо удалось сначала евреям, а в последние десятилетия и выходцам из Восточной Азии[1].

К сказанному надо добавить, что доктрина политической корректности довела Запад до такой ситуации, когда уже не все стороны располагают одинаковыми средствами борьбы. Ее идеологическое обоснование не в последнюю очередь коренится в представлении, что продолжается время, когда бывшие колониальные державы должны каяться в грехах империализма, рабовладения и расизма. Белый мужчина (еще один грех: белая женщина недооценена!) до сих пор не оказал другим культурам должного уважения, и это необходимо исправить. Демонстрация этого уважения, хотя бы в форме неупотребления формулировок, могущих быть истолкованными как уничижительные или дискриминирующие, явля-

---

1 *Huntington S.* Who are we? Die Krise der amerikanischen Identität / aus dem Engl. von Helmut Dierlamm und Ursel Schäfer. München: Goldmann, 2006 [2004].

ется абсолютно непременным правилом хорошего тона в университетской жизни, политическом и медийном дискурсе[1]. Но тут сразу же возникает эффект бумеранга: представители культур, не принадлежащих к Западу в узком смысле этого слова, зачастую даже не думают соблюдать названные правила игры. Владимир Путин пренебрежительно отзывается о Западе как об окончательно выдохшемся и интерпретирует легкость, с которой ему самому удалось аннексировать Крым и расширить свое влияние в Восточной Украине, как свидетельство слабости либеральных государств. Мусульманские проповедники и ультраортодоксальные раввины не смущаясь возводят клевету на светский либерализм, представляя его аморальным, пустым и тщетным, при этом они весьма обидчиво реагируют на критику в адрес их собственных догм и их образа жизни и считают вполне естественным и нормальным ответное насилие, к которому в этих случаях прибегают их приверженцы. Иными словами, мы оказались в абсурдной ситуации, когда Запад, считающий себя терпимым, справедливым и восприимчивым к культурному разнообразию, становится жертвой той самой нетерпимости, которую он надеялся одолеть с помощью политической корректности. Именно этот феномен и обозначен у меня фразой «забить гол в свои ворота».

В следующих главах я развиваю концепцию цивилизованного презрения как альтернативу политике корректности. Я определяю цивилизованное презрение как позицию, с которой можно и даже должно презирать те религиозные догматы, стандарты поведения и ценностные установки, которые мы — на существенных

---

1 *Bruckner P.* Das Schluchzen des weißen Mannes. Europa und die Dritte Welt. Eine Polemik / aus dem Franz. von Christiane Kayser. Berlin: Rotbuch, 1984 [1983].

основаниях — считаем иррациональными, аморальными, темными или бесчеловечными. *Цивилизованным* это презрение будет при двух условиях. Во-первых, оно должно быть аргументированным, то есть подразумевать, что презирающий отрефлексировал свое отношение всерьез, с учетом актуального состояния соответствующих областей науки, — это принцип ответственного суждения. И, во-вторых, презрению можно подвергать мнения, содержательные стороны религии, те или иные ценности, но не людей, которые эти ценности отстаивают. Достоинство и основные права людей необходимо уважать и ограждать от любых посягательств. Цивилизованное презрение — это способность презирать без ненависти и унижения. И это — принцип человечности. Цивилизованное презрение фундаментально отличается от принципов инквизиции или проповеди иранских аятолл тем, что полностью исключает лишение свободы, пытки и тем более смертную казнь людей как наказание за приверженность какой бы то ни было вере, ценностям или мнениям. Это понятие предполагает скорее способность соблюдать цивилизованные нормы по отношению и к тем людям, чьи религиозные и ценностные установки ты не разделяешь.

Принцип цивилизованного презрения имеет далекие психологические, культурные и политические импликации[1]. С психологической точки зрения этот принцип несколько более аутентичен, чем политкорректность. Он не требует лицемерно оказывать уважение тому, кто этого не заслуживает. Не склоняет к аморальным концепциям, бесчеловечным действиям, иррациональным убеждениям или нецивилизованному поведению только лишь потому, что другая культура или другая религия их предпи-

1 *Strenger C.* The Fear of Insignificance. Searching for Meaning in the Twenty-first Century. London: Palgrave Macmillan, 2011.

сывает. На уровне культурного дискурса или искусства этот принцип позволяет придать презрению — но лишь тщательно обоснованному — ясное выражение, если только это не связано с насилием и унижением кого бы то ни было. Но способность к таким высказываниям дается лишь нелегким тренингом. В политическом плане принцип цивилизованного презрения позволяет эффективно защищать основные ценности западной культуры — во всяком случае, гораздо эффективнее, чем беря на вооружение нормы политической корректности. Образцовый случай, ярко высветивший эту проблему, — дело Салмана Рушди, которое мы разберем далее.

ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ: ФЕТВА ПРОТИВ САЛМАНА РУШДИ

14 февраля 1989 года аятолла Хомейни, политический и религиозный лидер Исламской Республики Иран, провозгласил фетву, в которой призвал всех правоверных мусульман казнить британского писателя Салмана Рушди и вместе с ним всех причастных к публикации его романа «Сатанинские стихи»[1], начиная с издателей. Эта книга, как пояснил Хомейни, бросает вызов исламу, пророку Мухаммеду, Корану и оскорбляет религиозные чувства всех мусульман. Чуть позже один из иранских фондов назначил плату за голову Рушди в размере одного миллиона долларов США. Этот религиозный указ полностью изменил жизнь Рушди: ему пришлось прятаться, годами жить под защитой полиции, скрываться в различных тайных убежищах. Его японский переводчик был убит, итальянский переводчик — тяжело ранен, норвежский издатель выжил после ранения только потому, что преступник принял его за мертвого[2].

Нас в избранном контексте будет интересовать прежде всего то, как реагировал на дело Рушди Запад. Естественно было бы ожидать, что Великобритания и другие государства, чей суверенитет был затронут фетвой Хомейни, ответят на этот акт самым жестким образом. Но нет, — если не считать первоначальной резкой риторики, реакция была относительно мягкой: возобладала за-

---

1 *Rushdie S.* Die Satanischen Verse. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 2006 [1988]; впервые книга была опубликована в Германии в октябре 1989 года в издательстве «Artikel 19 Verlag», специально для этой цели созданном. Имя переводчика на немецкий язык не указано и до сих пор остается неизвестным.

2 К биографии Рушди см.: *Rushdie S.* Joseph Anton / aus dem Engl. von Verena von Koskull und Bernhard Robben. München: Bertelsmann, 2012.

бота о том, как бы не слишком возбудить страсти. В известном отношении причина очевидна — политикам часто приходится идти на компромиссы, чтобы обеспечить безопасность своих граждан и сохранить общественный порядок. В Великобритании уже тогда жили миллионы мусульман, и дальнейшей эскалации желательно было избежать. К тому же отношения между Западом и Ираном и без того были омрачены и никто не был заинтересован в том, чтобы дополнительно их отягощать. Ситуация Рушди осложнялась еще и тем, что бульварная пресса постоянно сообщала своим читателям, во что защита писателя обходится британским налогоплательщикам, и это также побуждало политиков по возможности спустить дело на тормозах и переждать бурю. И тем не менее все надежды хоть как-то замять скандал с самого начала оказались безосновательными: понадобился почти год, пока иранское правительство дистанцировалось от фетвы Хомейни.

Но куда более неожиданной и разочаровывающей, чем поведение политиков, оказалась реакция на происходящее многочисленных коллег писателя. Главным и последовательным критиком позиции Рушди стал эссеист Кристофер Хитченс (ум. 2011), до этого близко с ним друживший[1]. Вообще говоря, интеллектуалы на Западе находятся в привилегированном положении, они не несут политической ответственности и могут открыто высказываться по всем ключевым вопросам. Международная писательская организация ПЕН не сразу и с трудом выработала свою позицию по этому вопросу. Большое внимание привлекла точка зрения писателя, автора политических триллеров Джона Ле Карре, который осудил публикацию «Сатанинских стихов». «Никто не получил от Бога права публично оскорблять великую мировую

1 *Hitchens Ch.* The Hitch: Geständnisse eines Unbeugsamen / aus dem Engl. von Yvonne Badal. München: Blessing, 2011 [2010].

религию и остаться безнаказанным», — написал Ле Карре и добавил, что куда больше беспокоится о девушке-упаковщице в издательском отделе рассылок, которой может взрывом оторвать руки, чем о гонорарах Рушди. Перепалка между писателями разгорелась в 1997 году, когда в Ле Карре полетели стрелы за использование некоторых антисемитски выглядевших клише, Рушди же в газетной колонке заявил, что ему трудно сочувствовать человеку, который еще недавно участвовал в подобного рода кампании против собрата-писателя. В ответ на это Ле Карре возобновил свои упреки и особо подчеркнул, что хотел тогда придать дискуссии «не столь колониалистский и самоуверенный тон»[1]. Тем, что ПЕН в конце концов решительно встал на сторону Рушди и осудил фетву Хомейни как неприемлемую попытку ограничить право на свободное высказывание, мы обязаны главным образом Сьюзен Зонтаг, занимавшей в ту пору должность президента Американского ПЕН-Центра[2].

С культурно-исторической точки зрения случай «Сатанинских стихов» симптоматичен, причем я сразу же хочу твердо подчеркнуть, что не собираюсь отстаивать европоцентричную позицию и совершенно ни под каким видом не ставлю пра́ва и мировоззрение белых христиан или атеистов выше соответствующих категорий, свойственных другим нациям и религиям. Достаточно принять во внимание происхождение главных героев рассматриваемой исторической коллизии, как все становится предельно ясно. Салман Рушди родился

1 Эпистолярная баталия, в которую включился и Кристофер Хитченс, разразилась на страницах газеты *Guardian*, публиковавшей письма на своей веб-странице, сканы переписки доступны по ссылке: URL: http://www.theguardian.com/theguardian/from-the-archive-blog/2012/nov/12/salman-rushdie-john-le-carre-archive-1997. В 2012 году стороны пришли к примирению.

2 См.: *Hitchens Ch.* Op. cit. Кап. «Salman».

в 1947 году за несколько недель до раздела Британской Индии в индийском Бомбее (ныне Мумбаи). Вскоре после его рождения семья перебралась в мусульманский Пакистан. В 14 лет он начал учиться в Англии, стране, где несколько десятилетий спустя королева удостоила его рыцарского звания. Итак, Рушди ни в коей мере не может считаться представителем европейского империализма, его комплексная идентичность в равной мере несет на себе печать индийской и западной культур. Семья Рушди принадлежала мусульманскому вероисповеданию, имя его отца при рождении — Ходжа Мухаммад Дин Халик Дехлави. Впрочем, отец рано отошел от ислама, стал атеистом и уже во взрослом возрасте назвался Анис Рушди — в честь высокопочитаемого им испано-арабского врача и философа Ибн Рушда, известного на Западе как Аверроэс. Ибн Рушд, родившийся в 1126 году в Кордове, был автором, в частности, высокоавторитетного комментария к сочинениям Аристотеля. Рационализм Ибн Рушда, сформированный логикой греческого философа, постоянно приводил его к конфликтам с тогдашними правителями мусульманской Испании. Труды Ибн Рушда имеют огромное значение для исторического развития философии, поскольку в то время писания Аристотеля достигали Европы лишь обходным путем, через арабские переводы, которые между прочим легли в основу учения величайшего иудейского философа Средневековья Маймонида. Выдающийся христианский мыслитель того времени Фома Аквинский также вынужден был частично опираться на латинские переводы с арабского.

В своей автобиографии под названием «Джозеф Антон» Рушди пишет, что его фамилия — первый большой подарок, полученный от отца. Он сам воспринимал эту фамилию как судьбоносное наследие, поскольку она предопределила его путь — путь свободной мысли, не

боящейся никаких противоречий. Жизненный труд Рушди — это исполненный любви, но и беспощадной критики процесс осознания себя в отношении страны своего рождения, Индии, и взросления, Пакистана. «Дети полуночи», роман, принесший Рушди мировую известность, а в 1981 году — престижную Букеровскую премию, — это аллегория, в духе магического реализма, рождающейся Индии; «Стыд» (1983) — углубление в историю Пакистана; «Сатанинские стихи» — роман об исламе, религии, в которой был рожден его отец, покинувший ее, но на всю жизнь ею плененный, и эту очарованность Салман от него унаследовал. «Клоун Шалимар» (2005) — повествование о Кашмире. Рушди никогда не отрекался от своей любви к обеим родинам, хотя посвятил свою жизнь роману — литературной форме, ведущей происхождение из Европы. Он снова и снова берет темой своих произведений трагические взаимоотношения Индийского субконтинента и британского колониализма, но при этом избегает приевшегося описания Индии и Пакистана как жертв империализма.

Рушди изучал историю в Королевском колледже Кембриджа. Когда из-за нехватки желающих был отменен курс, посвященный Мухаммеду и ранней истории ислама, Рушди стал активно протестовать, и в конце концов его научным руководителем согласился стать великий историк Артур Хибберт, который в персональном порядке прочел ему спецкурс, уделяя особое внимание роли воображения в научном исследовании. Именно тогда Рушди впервые познакомился с версией, согласно которой известные коранические стихи о трех богинях были продиктованы Мухаммеду не архангелом Джебраилом, а сатаной. Эта история навеяла Рушди название романа, который навсегда перевернул его жизнь и на годы обрек на подпольное существование. Когда подобный образ жизни сделался для него окончательно невыносим и Рушди

счел, что стал обузой для Британии, он в 2000 году перебрался в Нью-Йорк.

Уже здесь, если не раньше, обнаруживаются определенные параллели между биографией Рушди и историей жизни Айаан Хирси Али[1]. Эта женщина родилась в 1969 году в столице Сомали Могадишо в мусульманской семье. Ее отец, оппозиционный политик, вскоре после ее рождения был заключен в тюрьму. Во время его отсутствия бабка Айаан, правоверная мусульманка, настояла на том, чтобы девочке было сделано женское обрезание. Она была воспитана в строгих мусульманских традициях и во взрослой жизни могла рассчитывать самое большее на секретарскую должность. Когда ей исполнился 21 год, отец попытался выдать Айаан замуж за дальнего родственника, жившего в Канаде; о самом его существовании она даже не знала. Во время поездки в Канаду девушка, воспользовавшись небольшой остановкой в Германии, бежала в Нидерланды и попросила там убежища. При этом она умолчала, что прежде жила в Кении, а в Нидерланды перебралась из Германии, — промах, который потом обошелся ей довольно дорого. В 1997 году Айаан Хирси Али получает гражданство Нидерландов, выходит из ислама и начинает активно его критиковать, в 2003-м избирается в парламент этой страны от праволиберальной партии. В следующем году совместно с режиссером Тео ван Гогом она создает фильм «Покорность» (часть I), обличающий притеснение женщин в мусульманском мире. В ноябре 2004 года Тео ван Гог на глазах у оживленной улицы среди бела дня был убит исламским фундаменталистом-марокканцем. Преступник приколол ножом к груди Тео записку, содержащую угрозу в адрес Хирси Али.

1 *Hirsi Ali A.* Ich bin eine Nomadin. Mein Leben für die Freiheit der Frauen / aus dem Engl. von Norbert Juraschitz. München; Zürich, 2010.

К этому времени женщина уже не единожды получала угрозы и давно жила в засекреченном месте. И подобно тому, как это было с Рущди, через некоторое время был поднят вопрос о цене, в которую обходится ее охрана. До сих пор не вполне ясно, стало ли это одной из причин, по которым Рита Вердонк, тогдашний министр интеграции и иммиграции, в мае 2006 года объявила гражданский статус Хирси Али незаконным и в кратчайший срок лишила ее гражданства, обосновав эти действия ложными данными, которые женщина сообщила о себе при запросе убежища. Сама Хирси Али, по крайней мере, многократно называла именно эту причину в разговорах с членами правительства и с однопартийцами. Публичную известность это дело приобрело с 2002 года[1]. Хотя отказ в гражданстве вскоре был отменен, Хирси Али в итоге эмигрировала в США, где получила должность в консервативном исследовательском центре Американского института предпринимательства. В 2011 году Хирси Али вышла замуж за британского историка Нила Фергюсона, преподавателя Гарвардского университета, в 2003-м она получила американское гражданство.

Оба случая — Рущди и Хирси Али — вызывают целый ряд вопросов. Почему и тот и другая в Европе были подвергнуты критике за их общественную позицию, которая недвусмысленно защищена правом на свободу слова? и Британия, и Нидерланды вздохнули свободнее, когда Рущди и Хирси Али эмигрировали в США. И почему Америка, напротив, с готовностью предоставила этим людям защиту и стала для них новой родиной, тогда как европейские государства, чье гражданство они уже имели, не справились с этой ролью? Но не стоит удивляться тому, с какой опаской европейские политики

1 *Hirsi Ali A.* Ich bin eine Nomadin. Mein Leben für die Freiheit der Frauen / aus dem Engl. von Norbert Juraschitz. München; Zürich, 2010..

подступаются к столь противоречивым и взрывоопасным темам. В Западной Европе доля мусульманского населения составляет в среднем около пяти процентов. Их чувства, равно как и чувства всех остальных социальных групп (неважно, больших или малых), непременно следует уважать. Либеральный общественный порядок зиждется на главном принципе: праве на свободное изъявление мнений, и защита этого права является важнейшим долгом либеральной демократии. В своей автобиографии «Джозеф Антон» Рушди не раз подчеркивал, что «Сатанинские стихи» нельзя трактовать как оскорбление ислама, ведь речь идет о сложном и многослойном произведении искусства, романе. Это, конечно, правда, но главная суть не в этом. Идея либеральной демократии и основные принципы Просвещения неотделимы от права на открытое применение интеллектуальной критики и публикацию сатиры, и то обстоятельство, что этими действиями могут быть оскорблены чувства критикуемой стороны, ни в малейшей степени не затрагивают этого права, более того, даже составляет его известный элемент. Европе понадобилось не одно столетие, чтобы облечь эту идею в юридическую и политическую форму. В 1600 году инквизицией был сожжен на костре Джордано Бруно. Спиноза в 1656 году был исключен из еврейской общины Амстердама. Вольтеру приходилось скрываться от французских властей из-за острой критики, которой он подверг Церковь и саму монархию: многие люди считали себя обиженными его сочинениями, и лишь в 1770-х годах, когда идеи Просвещения обрели распространение, он смог возвратиться в родной Париж, который устроил ему триумфальную встречу[1].

---

1 См.: *Pearson R.* Voltaire Almighty. A Life in the Pursuit of Freedom. London: Bloomsbury, 2006.

В судьбе Айаан Хирси Али есть еще одно знаменательное обстоятельство. Почему ее — буквально с распростертыми объятиями — принял в число своих сотрудников именно Американский институт предпринимательства, откровенно консервативное заведение, имеющее тесные связи с Республиканской партией? Не вызывает ли беспокойства, что как раз правые партии и организации все более активно изображают себя поборниками свободы слова, которая, как утверждается, терпит значительный ущерб из-за неверно понятого принципа уважения и политической корректности? Нидерландский правый популист и критик ислама Герт Вилдерс уже несколько раз был удостоен наград за свою деятельность в защиту свободы выражения мнений[1]. Основанная им в 2006 году «Партия свободы» сегодня представляет собой третью по величине политическую силу Голландии. Создается впечатление, что защита свободомыслящего Запада поручена правым, и такое развитие событий должно бы внушать опасения левому лагерю — и не в последнюю очередь потому, что критика ислама в Европе выходит за пределы цивилизованного дискурса взвешенных аргументов. Вместо этого мы видим быстрый рост правых и ксенофобских партий и группировок, культивирующих демагогически оформленную исламофобию (вспомним хотя бы упомянутый выше швейцарский плакат, на котором минареты изображены в виде ракет).

1 *Mittelstaedt J. von.* Der Angsthändler // Der Spiegel. 2009. № 46. S. 09–112.

РОЖДЕНИЕ ПРИНЦИПА ТОЛЕРАНТНОСТИ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Политкорректность все чаще оборачивается для нас, так сказать, голом в собственные ворота, который мы методически забиваем сами себе, наблюдая, как этот принцип парализует левые да и центристские политические силы. Чтобы понять, как же мы это допустили, нужно проследить возникновение центрального принципа Просвещения, который часто путают с политкорректностью. Речь о принципе толерантности, который некогда был выдвинут для защиты личности от политического и религиозного принуждения[1]. Сразу оговорюсь: если в дальнейшем я уделяю основное внимание истории европейского Просвещения, это не означает, что в других культурах в другие эпохи не могли совершаться подобные процессы. Можно указать на первую волну Просвещения, имевшую место в Индии V века до н.э. и в известных аспектах напоминающую эпоху расцвета древних Афин; или на то, как в X и XII веках ислам открылся навстречу философии классической Греции; или на Акбара Великого с его толерантной религиозной политикой, правящего в Северной Индии во 2-й половине XVI века[2]. Я здесь ограничиваю свое рассмотрение просвещенческими процессами современной эпохи, происходящими в Европе и США, главным образом по той причине, что именно в данном контексте разворачивались те понятия, идеи, институции и практики, которые характерны для современных либеральных обществ. Просвещение как исторический процесс имеет, в сущности говоря, два корня: это стре-

---

1 *Walzer M.* On Toleration. New Haven: Yale University Press, 1997.

2 *Sen A.* The Argumentative Indian: Writings on Indian History, Culture and Identity. New York: Picador, 2006.

мительный научный прогресс и Реформация. Процесс Реформации начиная с XVI века подорвал всевластие римско-католической церкви в западноевропейском христианстве. Результатом стали религиозные войны, длившиеся дольше столетия и достигшие своей кульминации в ужасах Тридцатилетней войны, в ходе которой (с 1618 по 1648 год) население Европы катастрофически сократилось, в некоторых областях — на 75 процентов. Конец этому бедствию положил Вестфальский мир, которым, с одной стороны, была установлена государственная структура современного мира, с другой — задано четкое разделение политических и религиозных интересов[1].

Чтобы принцип толерантности получил повсеместное распространение и нашел отражение в конституциях стран и в политической практике, понадобилось еще долгое время, о чем можно судить хотя бы по сочинению Спинозы *Tractatus theologicopoliticus*, написанному в 1670 году. Даже в Нидерландах, самом либеральном государстве XVII века, пришлось печатать этот трактат тайно и переправлять через границу в двойном дне рыбных бочек, словно контрабанду. Распространять его путем открытой продажи было невозможно. Для существовавшего тогда политического порядка книга имела абсолютно подрывной характер: Библия, писал Спиноза, как и всякий другой текст, подлежит историческому осмыслению, анализу и пониманию. Ни одно государство не имеет права принуждать своих граждан к той или иной религиозной вере, поскольку вера есть личное дело каждого. Основание любого государства, по Спинозе, составляет общественный договор, посредством которого

1 К этому и последующему см.: *Israel J.I.* Radical Enlightenment. Philosophy and the Making of Modernity. 1650–1750. Oxford; New York: Oxford University Press, 2001.

суверенные граждане передают исполнительной власти (будь это монархия или другая форма правления) право и обязанность обеспечивать их безопасность, свободу и владение собственностью, — мысль, унаследованная Спинозой от его великого предшественника Томаса Гоббса. Сегодня эти идеи кажутся нам абсолютно очевидными, но в те времена они звучали как провокация. Именно как атеист Спиноза для многих современников был прямо-таки бельмом на глазу. Джон Локк, один из крупнейших апологетов принципа толерантности, автор «Письма о веротерпимости» (1689), исключил атеизм из круга приемлемых позиций, а беспощадный враг клерикализма Вольтер видел в нем опасность для культуры и цивилизации. Радикальное Просвещение, дорогу которому открыл Спиноза, Просвещение, устремленное к разделению религии и политики, оставалось вплоть до конца XVIII века явлением подспудным, и лишь в результате Французской революции оно стало допустимым, что называется, «в приличном обществе».

Принцип толерантности в сфере религии никогда не вошел бы в политическую реальность, когда бы не настоящее культурное землетрясение, произведенное научно-технической революцией в ту эпоху[1]. На протяжении одного столетия в науке произошел качественный скачок, который полностью перевернул наши представления о природе. Ньютонова оптика, его же три закона классической механики, прорывы в области химии, анатомии и физиологии — все это в XVII и XVIII веках положило начало процессу, с ошеломительной быстротой выявившему законы, которым подчиняется природа. Все отчетливее оформлялся вывод, что вера и наука — две абсолютно разные формы познания, на чем особо настаивал Кант,

---

1 *Randall J.-H.* Career of Philosophy in Modern Times: 2 Bd. New York: Columbia University Press, 1962–1965.

великий философ и систематик 2-й половины XVIII века. Ход истории, равно как и происхождение мира и природы, уже нельзя было объяснить, ссылаясь на буквальное понимание Библии. Если Библия исчисляла возраст Земли несколькими тысячелетиями, то геология уже в конце XVIII века заговорила о сотнях миллионов лет, сегодня называют цифру 4,5 миллиарда лет. С возникновением биологической теории эволюции пал последний бастион авраамических религий — тезис о метафизически выделенном месте человека во Вселенной. Наука рассматривает человека как часть природы, подчиненную ее общим законам[1]. Католическая церковь, которая еще в 1633 году заставила Галилео Галилея отречься от коперниканского понимания законов космоса, а в 1663-м наложила посмертный запрет на труды философа Рене Декарта, вынуждена была согласиться, что в данном случае защищает иллюзорные рубежи. Как устроен мир, как он движется и функционирует, уже нельзя было объяснять посредством библейской экзегезы — но лишь с помощью телескопов, лабораторных исследований и математических уравнений. Если в XVIII веке отдельных ученых-одиночек соединяли лишь неформальные связи, то уже век XIX дал рождение крупным университетам как исследовательским центрам, авторитетно утвердившим, что отныне выявление законов природы должно вестись лишь научными методами. Дух просветительской критики возобладал над авторитетом церковного предания. В ходе промышленной революции этот перелом сказался в виде радикальной трансформации экономики и самого общества. Принцип толерантности зиждется на трех основах. Это, во-первых, оттеснение на задний план религиозных (в Европе читай: церковных) авторитетов во

1 *Gillispie Ch.C.* The Edge of Objectivity. An Essay in the History of Scientific Ideas. Princeton: Princeton University Press, 1960.

всех вопросах мироустройства, во-вторых, тезис о свободе и автономности личности, который Кант поместил в центр своей моральной философии, а Джон Стюарт Милль считал стержневой ценностью политики: каждый индивид должен быть защищен от государственного и церковного произвола, и, в-третьих, убежденность, что никакая форма критики не может быть подвергнута репрессии и умолчанию. И относится это не только к главным представителям Просвещения, философам, но и к любым авторам критических высказываний в романе, пьесе или сатирической газетной заметке. Литература и театр — от едкой сатиры Свифта и Вольтера до стендап-комедий Ленни Брюса и нынешних сатирических журналов — играют важнейшую роль в развитии и утверждении либерального общественного порядка.

КОЛОНИАЛИЗМ И ДВЕ МИРОВЫЕ ВОЙНЫ

Идеалы Просвещения воплощались в реальность не без помех и отступлений. Французская революция очень скоро из торжества свободы, равенства и братства переродилась в тиранию[1] — современное понятие «террор» отсылает прежде всего к Робеспьеру, который методически использовал террористическую практику как средство для поддержания власти. В конце концов не кто иной, как короновавший сам себя император, принялся внедрять принципы Просвещения в Европе (и Северной Африке) своими военными походами. В XIX веке либеральная демократия распространялась в мире отнюдь не с быстротой лесного пожара. Историко-политическая наука приходит к выводу, что в XX веке образовалось всего восемь подлинно демократических государств. Даже промышленная революция не всегда приводит к приоритету прав человека. Романы Чарльза Диккенса наглядно рисуют людские бедствия в промышленных городах, где угнетенных рабочих мирят с жизнью только неиссякающие струи джина.

Тягчайший грех Запада, мнящего себя вполне просвещенным и цивилизованным, состоит в том, что даже и в XX веке он крайне неравномерно распространял по миру ценности свободы и прав человека. Еще в XVI веке Португалия, Испания, Британия и даже либеральная Голландия не подвергали никакому сомнению свое право делить между собой регионы Земли, о которой они только и знали, что она представляет собой подобие шара. Цель (состоявшую в экспорте христианства и импорте сырья) оправдывала практически любые сред-

1 *Israel J.* Revolutionary Ideas. An intellectual History of the French Revolution from the Rights of Man to Robespierre. Princeton: Princeton University Press, 2014.

ства. Население целых континентов было порабощено или жестоко уничтожаемо: инки и ацтеки Центральной и Южной Америки, индейцы Северной Америки, коренные африканцы. Последних именно из-за их цвета кожи с помощью поверхностно-рационалистического толкования некоторых библейских положений легко и просто зачисляли в категорию недочеловеков[1]. В самой Европе дискриминировали евреев, во многих странах их репрессировали и преследовали. Даже в XIX веке, проникнутом идеями Просвещения, эти тенденции продолжали крепнуть и развиваться: с какой-то лихорадочной поспешностью были колонизованы последние белые пятна на карте мира, а их население подвергнуто самой губительной эксплуатации. Достаточно вспомнить чудовищное разграбление, учиненное Бельгией в Конго. Что же касается США, первой страны Нового времени, осознанно положившей в основу своей государственности идеи Просвещения, то она вплоть до второй половины XX века ввозила на свою территорию рабов из Черной Африки.

Если же отвлечься от этих «частностей», Европа переживала в XIX веке пору своего расцвета. В 1815 году на Венском конгрессе были заложены основы для беспримерной политической стабильности, колонизация и промышленная революция довели общее благосостояние до прежде небывалого уровня. В большинстве стран буржуазия постепенно перенимала у аристократии политическую власть. Высокая культура больше не зависела от благосклонности церковных покровителей и меценатствующих аристократов, повсюду создавались симфонические оркестры, в крупных европейских городах строились оперные театры неслыханного великолепия. С появлением новых университетов образовалась ин-

1 *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. Antisemitismus, Imperialismus, totale Herrschaft. München: Piper, 2008 [1951].

ституциональная инфраструктура, которая обеспечила бурный рост самых разных наук, от физики и медицины до новых дисциплин, как, например, сравнительная филология. Запад мог теперь по праву гордиться тем, что не только превратился в недосягаемый центр силы, но и создал высочайшую цивилизацию в истории человечества, то есть воплотил предвидения мыслителей эпохи Просвещения[1].

Самодовольство, однако, слетело с Европы в ходе двух мировых войн и начавшегося распада колониальной системы. По замечанию историка Нила Фергюсона, чтобы наглядно убедиться в этом, достаточно бегло сравнить атлас мира по состоянию на 1914 и 1980 годы. В начале XX века под управлением стран Запада было около двух третей всей земной суши, и хотя Португалия и Испания потеряли свои колонии в Южной Америке, западные державы по-прежнему правили в Африке, Австралии, Индии, а равно и в Юго-Восточной Азии. Семьюдесятью годами позже от этих империй практически ничего не осталось. Потеря Великобританией в 1977 году китайского Гонконга стала символическим концом колонизационного процесса.

Но не только свертывание колониальной империи, а с тем и потерю силы и влияния пришлось пережить Западу в XX веке. По нарциссическому автопортрету центра мировой цивилизации поползла глубокая трещина. «Великая война» 1914—1918, как именовали Первую мировую вплоть до 40-х годов, явила Европу уже не как недосягаемую культурную державу, а как очаг шовинизма и технологического варварства — поля Европы до глубины пропитались кровью миллионов солдат. Вскоре Великая война по необходимости была перекрещена в «Пер-

1 *Hobsbawm E.* Das imperiale Zeitalter 1875–1914 / aus dem Englischen von Udo Rennert. Frankfurt am Main: Campus, 1987.

вую мировую»: Вторая оказалась еще ужаснее своей предшественницы, она стоила жизни гораздо большему числу людей, среди которых преобладало гражданское население. Европа десятилетиями с огромным трудом пыталась вписать эту катастрофу в общее представление о самой себе. И в первую очередь это относится к зачинщице бедствия Германии. Если также принять во внимание, что студенты Гарварда, Оксфорда и Йельского университета еще в 20-е и начале 30-х только и мечтали о Тюбингене, Гейдельберге и Берлине, где преподавали многие лауреаты Нобелевской премии, то станет окончательно ясно, что в 1945 году Германия была не только физически разрушена бомбардировками, но и потеряла статус ведущей культурной державы. Многие видные немецкие ученые эмигрировали в США. Перед разделенной надвое страной стояла не только задача восстановления экономики, но и необходимость осознанного преодоления преступлений, совершенных нацистами. Историк Тони Джадт убедительно показал[1], что Германия вовсе не была единственной страной, которой пришлось осознавать свою национальную вину: для Франции это был вишизм и коллаборация с нацистами при уничтожении французских евреев, для Италии — собственное фашистское прошлое и союзничество с Германией, для Австрии — восторженное приятие аншлюса, Нидерланды также запятнали себя коллаборационизмом, Польша — убийством миллионов евреев еще во времена оккупации. Этот список можно продолжить. Ко всему этому нужно добавить, что западноевропейские страны не своими силами сбросили с себя ярмо национал-социализма, для этого понадобилась помощь Америки.

---

1 *Judt T.* Geschichte Europas von 1945 bis zur Gegenwart / aus dem Engl. von Matthias Fienbork und Hainer Kober. Frankfurt am Main: Fischer, 2009 [2005].

Европейский континент как целое предстал перед кардинальным вопросом: если Кант, Гете, Шиллер и Бетховен не смогли уберечь нас от воцарения нацистов, а офицеры СС услаждали себя фугами Баха, если Декарт, Расин, Вольтер и Виктор Гюго не помешали режиму Виши и если оказалось мыслимым, что Данте, Микеланджело, Монтеверди и Пуччини как-то ужились с Муссолини, то какие же у нас основания приписывать западной культуре какую бы то ни было высокую ценность? Ведь по замыслу гуманистический образовательный идеал — это не просто статусный символ высших слоев общества; западная высокая культура от Платона до Брамса была призвана не только развивать людей интеллектуально и эстетически, но и воспитывать в них нравственное начало[1]. И неслучайно британцы — с долей самолюбования — говорили о «бремени белого человека», видевшего свой долг в том, чтобы осчастливить «дикарей» плодами западной культуры. Даже Джон Стюарт Милль, один из крупнейших мыслителей либерального толка, возражал против снятия британского господства в Индии, поскольку считал, что ее население не сможет своими силами поддержать тот цивилизационный уровень, на который англичане подняли эту страну. После 1945 года эта взятая на себя европейцами внешне самоотверженная миссия была окончательно дискредитирована как фальшивый повод для политической и экономической эксплуатации других стран: белый человек оказался хуже всякого зверя.

1 *Gadamer H.-G.* Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1965.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РОСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ

К числу тех немногих, кто хоть отчасти достоверно мог утверждать, что, во всяком случае, не принимал участие в этом шабаше зла, принадлежат коммунисты, которым удалось остановить фашистскую машину в Западной Европе. Их моральное самодовольство поддерживается тем фактом, что Красная Армия приняла решающее участие в победе над Гитлером и заплатила за это дорогую цену. Коммунисты изначально скептически относились к буржуазной культуре и отказывались видеть в ней гарант гуманизма и цивилизованности. С марксистской точки зрения эта культура — лишь надстройка над базисом, задающим отношения экономической эксплуатации и скрытым под ложным сознанием, словно под тонким слоем лака. Неслучайно в Советском Союзе буржуазное искусство рассматривалось как декадентское и было вытеснено социалистическим реализмом, воспевающим пролетарскую революцию и трудовой народ. Как бы то ни было, марксизм-ленинизм сделался — по неувядаемой формуле Раймона Арона — опиумом для западных интеллектуалов[1], которые после своего морального банкротства во Второй мировой войне принялись судорожно искать истину, в которую они могли бы поверить. Некоторые корифеи мысли, в их числе Сартр, усмотрели в социализме единственную морально-политическую систему, способную привести человечество к истине и справедливости. Левые заняли позицию моральных проповедников и начали внушать Западу, как мало тот сделал, чтобы уберечь мир от бездны, разверзшейся

1 *Aron R.* Opium für Intellektuelle oder Die Sucht nach Weltanschauung. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1957 [1955].

перед ним в эпоху фашизма. Марксистский опиум настолько замутил сознание изрядного числа левых интеллектуалов, что они не прислушались ни к такому проницательному мыслителю, как Артур Кестлер, который уже в 40-е годы предупреждал об ужасе сталинизма, ни к Ханне Арендт, выявившей глубинную связь между фашизмом и коммунизмом. Но потом левые словно прозрели и сменили вектор на беспощадное обличение Запада в коррумпированности — с марксистских позиций.

В 60-е и 70-е годы эта практика начинает давать слабину. Даже те, кто пропустил мимо ушей хрущевские разоблачения Сталина, не могли не признать, прочитав «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына (1973), что идеализированный ими Советский Союз в действительности никакой не рай, а — если повторить немецкий перевод названия другой его книги — «Первый круг ада». Немалое число западных коммунистов отреагировали на эту ситуацию тем, что сползли еще левее и предались маоизму, хотя для этого им пришлось сильно сгладить ландшафт маоистского Китая: забыть о миллионах жертв политики Большого скачка, о пытках и лагерях перевоспитания, учрежденных китайской культурной революцией. Все это не могло продолжаться слишком долго, и уже в поздние 60-е годы интеллектуалы и честные люди из левых сочли для себя невозможным оставаться в рядах коммунистов. Однако многие из них настолько сжились с ролью беспощадных критиков Запада, что не смогли так просто выбросить ее за борт вместе с марксизмом. Но что еще оставалось делать левым интеллектуалам, если они решили больше не обличать западную культуру в том, что она зиждется на ложном сознании, самообмане и нелегитимных властных структурах? С каких позиций можно было ее критиковать, если теперь и марксизм утратил доверие и моральный авторитет? Существует ли вообще какая-либо альтернатива либеральной, капита-

листической демократии? В образовавшемся вакууме постмодернистский релятивизм многим стал казаться единственной приемлемой позицией. Все системное уже не годилось. В постмодерне, согласно Жану Франсуа Лиотару, осталось единственное — скепсис по отношению ко всем вообще большим нарративам[1]. В их число входил и нарратив Просвещения, гласивший, что человек Запада уже три столетия всё освобождает себя и остальных землян от несовершеннолетия, затянувшегося по их собственной вине, и уже принес миру прогресс, безопасность и благополучие. Постмодернисты видели во всем этом лишь очередной пример удобной лжи, выдуманной Западом. История Просвещения и прогресса — как прежде христианство — предстала гигантским обманом, нацеленным на то, чтобы отстоять и утвердить господствующее положение белого мужчины в мире[2]. Можно ли было отыскать лучшее подтверждение этой мысли, чем то, что все произведения западной культуры, считавшиеся великими (включая «Капитал»), были созданы белыми европейцами да, пожалуй, еще американцами? И в этой ситуации, когда даже марксизм как альтернатива капитализму оказался непригоден, многие интеллектуалы сочли своим священным долгом беспощадно изобличить ложь Просвещения и мифа об универсальном разуме, заклеймить «фаллогоцентризм» как властную фикцию.

Эта тенденция вышла за пределы Европы и охватила также США, несмотря на то что в XX веке последние не единожды выступали спасителями европейской цивилизации. Без вмешательства Соединенных Штатов, без принесенных ими жертв владычество Гитлера в Европе,

1 *Lyotard J.-F.* Das postmoderne Wissen. Ein Bericht / hrsg. von Peter Engelmann, aus dem Franz. von Otto Pfersmann. Graz; Wien: Böhlau, 1987 [1979].

2 *Habermas J.* Der philosophische Diskurs der Moderne. Zwölf Vorlesungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985.

вероятно, не было бы порушено; без воздушного коридора над Берлином этот город мог бы полностью отойти к Советскому Союзу. При всем этом тогдашнюю политику США никак нельзя назвать безупречной, она была полна постыдных эпизодов. В итоге начиная с 1960-х американские левые интеллектуалы присоединились к критике западной культуры, постепенно ее наращивая[1]. По всему миру левые силы выражали солидарность с борьбой афроамериканцев за равные гражданские права. Марксистское отождествление капитализма с империализмом позднее, с расширением студенческих беспорядков в 1968 году, вошло в моду и по ту сторону Атлантики, и эта тенденция лишь набирала силу во время Вьетнамской войны, а также в результате участия ЦРУ в свержении правительства Сальвадора Альенде в Чили и американского сотрудничества с режимом Пиночета.

С эмпирической точки зрения эта критика нередко была хорошо обоснованной: рабство афроамериканцев и их длительная законодательно закрепленная дискриминация — это и в самом деле было весьма постыдной практикой. Феминистская критика потребительской культуры, которая запирает женщину в золотой клетке пригородного домика, наделив ее нейлоновыми чулками, стиральной машиной и баночкой успокоительного диазепама («мамочкин помощничек»), оказалась чрезвычайно убедительной. (Популярный в США сериал «Mad Men» («Безумцы») изображает все это весьма наглядно.) Не нужно было становиться коммунистом, чтобы разделить взгляды экономиста Джона Кеннета Гэлбрейта, пришедшего к выводу, что военно-промышленный комплекс США кровно заинтересован в продолжении холодной

1 Одним из самых заметных критиков политики США стал Ноам Хомский, пишущий на эту тему уже не одно десятилетие; собрание его трудов см.: *Chomsky N.* Die Herren der Welt. Essays und Reden aus fünf Jahrzehnten / aus dem Engl. von Gregor Kneussel. Wien: Promedia, 2014.

войны, или задуматься над тем, как вышло, что такое множество американцев, поддавшихся чарам рекламной индустрии, испытывают райское блаженство при виде сигарет «Мальборо», новейшей марки олдсмобиля или стиральной машины фирмы «Дженерал моторс»[1]. В результате большая часть американской интеллигенции присоединилась к европейскому хору, клянущему западную культуру. Ведущие гуманитарные факультеты американских университетов начали критиковать Запад в постмодернистском ключе, заимствовав стиль критики главным образом во Франции. Таким образом, США стали главным поборником идеологии политической корректности; многие ученые в сфере гуманитарных и общественных наук фактически редуцировали канон западной культуры к списку «мертвых белых мужчин». Западное наследие было представлено как традиция угнетения чужих культур, женщин и гомосексуалистов. Единственная осмысленная операция, которой эта культура заслуживала, была ее азартная деконструкция.

Нечего и говорить, что мы обязаны этой стратегии множеством ценных наблюдений. Так, Мишель Фуко показал, что психиатрия, наука, собственное душевное здоровье которой во многих отношениях весьма сомнительно, квалифицирует людей определенных категорий как больных, чтобы поддержать и рационализировать общественный порядок[2]. Особенно убедителен в этом плане пример отношения к гомосексуальности, которая еще в начале 70-х рассматривалась как психическое расстройство и во многих странах подвергалась уголовному преследованию. Лишь политический нажим привел

1 *Galbraith J.K.* Die moderne Industriegesellschaft / aus dem Engl. von Norbert Wölfl. München; Zürich: Droemer; Knaur, 1968 [1967].

2 *Foucault M.* Die Regierung des Lebendigen. Vorlesungen am Collège de France 1974—75 / aus dem Franz. von Andrea Hemminger. Berlin: Suhrkamp, 2014.

к тому, что это явление было постепенно декриминализовано и уже в вышедшем в 1980 году третьем издании учебника «Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders», признанной библии Американской психиатрической ассоциации, оно не было упомянуто. Параллельно этому процессу развивается — от Симоны де Бовуар до Наоми Вульф — феминистская литература, которая помогла поколениям женщин обрести доселе невиданную свободу, деконструировав систему рационалистических аргументов, мотивировавших подчиненное положение женщины в политическом, экономическом и культурном аспектах.

Проблема состоит в том, что эти очень значимые побуждения оказались затенены туманной, но при этом весьма могущественной идеологией, предлагавшей нечто гораздо более простое и радикальное, чем сложно устроенные сочинения представителей постмодерна: истины, как гласит известная максима, не существует. Существуют лишь аспект и перспектива. Всякий раз, когда теория, фактическое или нормативное утверждение претендует на объективность, это — нас уверяют — не что иное, как попытка закрепить свою позицию во властной структуре[1]. Но тогда у нас нет права утверждать, что та или иная форма знания, как, скажем, современная наука, превосходит другие системы мировоззрения. Всякая картина мира претендует на равную с другими значимость, и никто в принципе не может ее критиковать, и меньше всего — Запад, в течение столетий порабощав-

1 Мишель Фуко, зачастую ошибочно воспринимаемый как релятивист, определенно отверг такое представление в своей работе «Что такое Просвещение» (1984), см.: *Foucault M.* Was ist Aufklärung? / aus dem Franz. von Hans-Dieter Gondek // Foucault M. Dits et Ecrits. Schriften. 4 Bd.: 1980–1988 / hrsg. von Daniel Defert und François Ewald unter Mitarbeit von Jacques Lagrange. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. S. 687–707.

ший и систематически разорявший другие народы и этносы[1]. Отныне императив состоит в том, чтобы уважать все верования и системы ценностей — хотя бы уже потому, что они являются составной частью той или иной культуры, того или иного народа или религии и как таковые определяют идентичность соответствующей людской общности.

В отношении к принципу толерантности, выработанному Просвещением, все названные посылы имели разрушительные последствия. Ведь первоначально этот принцип был сформулирован, чтобы уберечь отдельную личность от политического и церковного принуждения во всем, что касается вопросов мировоззрения. Кроме того, он предполагает, что вера и знание принадлежат различным ментальным порядкам. Научные и технологические достижения эпохи Просвещения не в последнюю очередь стали результатом решительного отказа от следования традиционным авторитетам. Никто и ничто не должны иметь защиты от критики. Принцип политической корректности переворачивает это центральное положение с ног на голову. Внезапно создалась ситуация, когда уже ничто, кроме западных институций, не могло стать легитимным объектом критики, и в особенности — все культурные категории «незападного» происхождения. Любые возражения в этом направлении автоматически деконструировались и отвергались как проявление европоцентризма[2]. Принцип универсальной критики оказался вытеснен принципом универсального уважения. Было бы очень соблазнительно истолковать эту замену как закономерное расширение просвещенческого принципа толерантности: разве сама идея Просвещения не взывает к уважению всех верований? В действительности речь не

---

1 *Bruckner P.* Der Schuldkomplex.

2 *Finkielkraut A.* Die Niederlage des Denkens.

идет о том, чтобы уважать каждую веру и каждое мировоззрение, подчеркивается лишь право каждого жить и верить согласно своему разуму и совести. Итак, защищен должен быть индивид, а не его вера, которая вполне подлежит критике, если она смутна, абсурдна, а то и смехотворна.

Изначально рассадниками культуры политкорректности были социальные и гуманитарные университетские факультеты, но начиная с 70-х годов она стала выразительницей духа времени и начала распространяться по миру со скоростью лесного пожара. Целое поколение школьников и студентов было воспитано в атмосфере пренебрежения к положительному знанию. Их больше учили критиковать теории, в которых они зачастую толком и не разбирались. Он росли в убеждении, что высокая репутация как таковая — в университетской ли среде, в медицине, в юриспруденции — обязательно нелегитимна. Идея культурной и интеллектуальной иерархии считалась пережитком прошлого, рудиментом реакционной структуры и была выброшена на свалку истории. С какой стати вообще именно западная культура взяла на себя право решать, что имеет ценность, а что не имеет[1]? Новые гуру, преподающие бессвязную мешанину из индийской мысли, каббалистической метафизики и этики сексуального освобождения (последнее часто — с привлечением к практическим занятиям женского состава аудитории), имели репутацию, во всяком случае не уступающую авторитету таких бесцветных и сухих рационалистов, как Спиноза, Кант или Ницше (хотя последний, пусть и сомнительно интерпретированный, был отчасти приемлем). Мысль о том, что си-минорная месса Баха

---

1 *Bloom A.* Der Niedergang des amerikanischen Geistes. Ein Plädoyer für die Erneuerung der westlichen Kultur, mit einem Vorwort von Saul Bellow aus dem Englischen von Richard Giese. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1988 [1987].

превосходит расхожую песенку или музыку с африканскими ритмами, тут же захлестывалась волной праведного негодования из лагеря политкорректности[1].

Все это вело к интеллектуальному параличу: если нечто, пусть даже никак не обоснованное, запрещено критиковать, любое мнение становится легитимным. Хотя политкорректность имеет «левые» корни, все же скоро и правые группировки почувствовали ее преимущества[2]. Так, в США в 1970-х годах народилась новая волна фундаменталистского протестантизма; церкви множились как грибы после дождя, через несколько лет некоторые из них приобрели статус мощных экономических метрополий с миллионами приверженцев. Учения, которые они проповедовали, взгляду со стороны представлялись туманными и запутанными, возглавляли их нередко люди с сомнительной репутацией и замечательно тонким политическим нюхом, позволявшим им держаться под сенью принципа политкорректности, имея иммунитет против критики. Ведь никто не волен оспаривать право человека проповедовать свою собственную доктрину спасения и попутно извлекать нешуточные суммы из карманов своих почитателей только на том основании, что он (речь, как правило, шла о мужчинах) еще несколько лет назад продавал подержанные машины и не имеет теологического или философского образования. Вот так идеология политкорректности привела к извращенному союзу крайне левых и крайне правых. Первые критиковали академических и культурных мэтров за то, что те подавляют этнические, культурные, расовые или сексуальные меньшинства и выдвигают западные формы жизни в ущерб всем другим. Вторые отвергали любые требования о разумном обосновании фактических утвержде-

1 *Strenger C.* The Fear of Insignificance.

2 См.: *Jacoby S.* The Age of American Unreason. New York: Pantheon, 2008.

ний, заявляя, что никто не имеет права критиковать их верования, да и вообще — подобные требования доказательств суть лишь выражение либеральной гегемонии тех духовно оскудевших псевдоэлит, которые контролируют главные университеты Восточного побережья.

Разумеется, в это время раздавались и другие голоса. Большинство ученых, в том числе в области социальных и гуманитарных наук, никогда не впадали в релятивистское умонастроение политкорректности. Однако трезвость тех, кто упорно продолжал взятый на себя непрестанный труд рационального обоснования фактологических утверждений и теорий, отнюдь не облегчала задачу мыслить, верить и говорить, не поддаваясь сексапильности новой свободы, сулившей наслаждение и удовлетворенность. Дух времени был исполнен эгалитарности и популизма, а требования интеллектуальной или художественной доброкачественности расценивались как симптом традиционного элитизма. Мы и сегодня по-прежнему во многих отношениях настроены против элит, и это имеет далеко идущие последствия.

ОТВЕТСТВЕННОЕ СУЖДЕНИЕ: МЕДИЦИНСКИЙ ТЕСТ

Эгалитаристская установка, обрушившая все авторитеты и уравнявшая по значимости мнения всех людей без различия, имела серьезные последствия: похоже, что сегодня даже в высокоразвитых западных странах большинство граждан уже не имеют достаточных интеллектуальных средств, чтобы составить собственное мнение по важным вопросам (или, аккуратнее, они этими средствами не пользуются). Несколько лет назад американская писательница Сьюзен Джейкоби в своей книге «Век американского безумия» собрала устрашающее количество свидетельств этого положения[1]. Джейкоби провела исследование, по результатам которого 70% граждан США в 2003 году не смогли найти Ирак на карте мира. Еще более удручающим стало открытие, что примерно столько же опрошенных придерживаются мнения, что конкретные знания об Ираке совсем необязательны, чтобы составить мнение о том, что должно произойти в этой стране. Так на чем же еще могут быть основаны наши политические оценки? Дискуссии на эту тему не проясняют дела. Многие политики и комментаторы правых СМИ, таких как, скажем, Fox News, утверждали, что подлинные американцы несут в себе глубоко усвоенные ценности, которые могут служить не менее прочной основой для политических суждений, чем предметная компетентность и научные выводы. Но особое недоумение вызывало то, что подобные представления задавали тон не только в публичной среде Америки, но и в администрации Джорджа У. Буша. Это подтверждается детальными описаниями того, как принималось решение о вторжении в Ирак. Одно из таких свидетельств

1 *Jacoby S.* The Age of American Unreason.

принадлежит журналисту Бобу Вудворду, тогдашнему сотруднику Белого дома (лично подтвердившему мне его аутентичность)[1]. Да и сам Буш продемонстрировал свою глубоко укорененную веру — решение типа «Let's do this» было принято на основе моральной уверенности. Последствия такой его неосведомленности в сложнейших этнических и религиозных проблемах Ирака мы наблюдаем до сих пор: прогноз о том, что падение Саддама Хусейна вызовет своего рода эффект домино и приведет к демократизации Ближнего Востока, оказался сверхнаивным[2]. Произошло как раз обратное: Ирак, который до 2001 года не имел никаких дел с Аль-Каидой, сегодня является оплотом джихадистских группировок.

Склонность следовать внутренним убеждениям, а не строго обоснованным доводам глубоко иррациональна. В конце концов, посылка американских войск в Ирак — это вопрос жизни и смерти, и разве долг любого политика не состоит в том, чтобы со всей ответственностью тщательно и обоснованно взвешивать подобные решения? Чтобы точнее уяснить, как и какие аргументы следует учитывать при выработке плана действий, я хотел бы ввести в оборот очень простой принцип «медицинского теста». Представим себе, что тяжело заболел кто-то из очень близких нам людей; чего в этом случае мы ожидаем от лечащего врача? Что вы скажете, если врач выберет тот или иной метод лечения рака желудка, руководствуясь своей верой, а не результатами специальных клинических исследований? Как вы это воспримете? Лично я уверен, что даже американские правые,

---

1 *Woodward B.* Der Angriff: Plan of Attack / aus dem Engl. von Hans Freundl. Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 2004.

2 Фрэнсис Фукуяма, которому совершенно безосновательно приписывают это неоконсервативное пророчество, на самом деле остро его критиковал: *Fukuyama F.* Scheitert Amerika? Supermacht am Scheideweg / aus dem Engl. von Udo Rennert. Berlin: Propyläen, 2006.

отрицающие факт глобального изменения климата, хотя 97% мировых экспертов его признают[1], заявят о халатном и пренебрежительном отношении такого врача к своим профессиональным обязанностям. Другая сфера, где, как правило, люди не согласны терпеть никакого релятивизма; это деньги. Допустим, что директор банка, где лежат ваши деньги, в один прекрасный день объявит вам, что состояние вашего счета определено его внутренним убеждением, а не точным учетом приходно-расходной документации, — подозреваю (да и знаю по опыту), что даже самый бедный человек такого не стерпит и немедленно заявит об этом в полицию. В контексте того, что мы назвали цивилизованным презрением, принцип медицинского теста означает, что люди морально обязаны подходить к решению ключевых вопросов политики, права или сосуществования разных культур с теми же эпистемологическими мерками, что используются в медицине и финансовой сфере. Те, кто этого не соблюдает, фактически исповедуют двойную мораль и подлежат критике с позиций цивилизованного презрения.

Таким образом, культура цивилизованного презрения основана на интеллектуальной самодисциплине, которая обязывает собирать и тщательно взвешивать информацию, а также на готовности твердо и последовательно придерживаться этой дисциплины. И в этом, собственно говоря, состоит принцип ответственного суждения. Цивилизованное презрение уместно по отношению к тем, кто уклоняется от этих требований, полагая более комфортным для себя принять ту фактологическую версию, которая лучше приспособлена к их эмоциональным и мировоззренческим предпочтениям, хотя бы даже оче-

---

1 *Nuccitelli D.* 97% global warming consensus meets resistance from scientific denialism // The Guardian. 2013. May 28. URL: http://www.theguardian.com/environment/climate-consensus-97-per-cent/2013/may/28/global-warming-consensus-climate-denialism-characteristics.

видны были признаки того, что эта версия неадекватна. Тенденция к когнитивному искажению прослеживается во всех политических лагерях. Так, в специфическом случае американской политики враждебность правых к интеллектуальным элитам объясняется очень просто: демографические исследования ясно показывают, что среди ученых разных специальностей, но прежде всего среди естественников, специалистов по общественным наукам и гуманитариев, значительный численный перевес — на стороне либерального лагеря[1]. С социологической точки зрения это связано с тем, что тематические рамки научного исследования, как правило, имеют глобальный масштаб и потому сами ученые в основном бывают настроены универсалистски, ведь получаемые ими результаты претендуют на общезначимость. Мысль о том, что якобы существует немецкая, американская или еврейская наука, бытовала в фашистских режимах, например в Третьем рейхе; также и в сталинскую эпоху в Советском Союзе господствовал тезис о различии социалистического и буржуазного искусства. В наше время подобные взгляды выглядят абсолютно неприемлемо, они расценивались бы как недопустимое вмешательство в область, где политическим аргументам места нет (правда, при полном осознании того факта, что стопроцентный политический нейтралитет как регулятивный идеал недостижим).

Как бы то ни было, универсалистский характер исследовательской работы порождает склонность американских правых приписывать ученым принципиальную враждебность к их, правых, позициям. Это привело к тому, что — главным образом во второй половине

---

1 *Kurtz H.* College faculties a most liberal lot, study finds // Washington Post. 2005. Mai. 29. URL: http:// www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A8427-2005Mar28.html.

XX века — стали плодиться исследовательские центры консервативного толка, противостоявшие гегемонии элитарных университетов как центров либерализма, и это очевидным образом способствовало лучшей проработке консервативной политической повестки[1]. К сожалению многих консерваторов, это никак не повлияло на то, как ученые-естественники и обществоведы оперировали фактами. Получилось, что американские правые совершенно упустили из виду то обстоятельство, что научные исследования, как правило, мотивированы не политически, а содержательно. Результаты научной работы практически не подвергаются манипуляциям. Поэтому гнев, который обрушивается на научное исследование как таковое, зачастую проистекает из раздражения невозможностью активного участия в дискуссиях, если у тебя нет для этого соответствующих интеллектуальных возможностей, — и политическая ориентация не имеет тут никакого значения.

Самообман, порождаемый ресентиментом (и зачастую поддержанный настроением политкорректности), нередко возникает в связи с необходимостью сделать интеллектуальное усилие и приобрести нужные знания, тем самым удовлетворив критерию ответственного суждения. Если верх берет уверенность, что все мнения — будь они предметно обоснованы, выведены из глубоко обдуманных положений или просто человек «так чувствует», — заслуживают одинакового уважения, уровень дискуссии неизменно падает до нуля. Лучший пример этому — споры о глобальном потеплении[2]. В Америке правые уже много лет без устали повторяют, что тезис, согласно которому изменение климата имеет антропогенный характер, — это выдумка леволибераль-

1 *Jacoby S.* The Age of American Unreason.

2 См. об этом и подобных исследованиях: *Nuccitelli D.* Op. cit.

ной коалиции, поставившей целью упразднить свободный рынок. И даже довод, что 97% ученых-климатологов придерживаются такого же мнения, отметается как политически манипулятивный. Вот именно такое ничем, кроме личной убежденности или коммерческого интереса, не мотивированное неуважение к научным данным и есть классический пример позиции, заслуживающей нашего цивилизованного презрения.

Другой пример — отрицание связи между вирусом иммунодефицита и СПИДом[1]. Ведущие африканские политики, в их числе бывший президент Южно-Африканской Республики Табо Мбеки, упорно заявляют, что подлинной причиной СПИДа является бедность, а теория иммунодефицита придумана Западом с целью усиления своего контроля над Африканским континентом. Если придерживаться политической корректности, можно расценить это нежелание взглянуть правде в глаза как проявление чужой культуры и отнестись к этому с уважением. Если же исходить из логики цивилизованного презрения, то нужно, напротив, заклеймить это суждение, приведшее среди прочего к тому, что за последние 20 лет тысячи девочек-подростков были ВИЧ-инфицированы из-за того, что инфицированные мужчины вступали с ними в половую связь, надеясь — согласно народным поверьям — излечиться этим от своего заболевания.

Главное, что нужно теперь сделать, — это выработать критерии, позволяющие установить минимальный уровень компетенции, который давал бы возможность участвовать в специальных дискуссиях. Если кто-то хочет вникнуть в ход дебатов вокруг проблемы изменения климата или причин распространения СПИДа, ему придется овладеть статистическими методами, с помощью

---

1 *Barnett T., Whiteside A.* AIDS in the Twenty First Century. Disease and Globalization. New York: Palgrave, 2006.

которых можно эмпирически проверить предложенные гипотезы, но которые, со своей стороны, предполагают знание математики. Сверх того, он должен обладать некоторыми специальными знаниями. В наш век узкоспециализированных и сверхсложных систем знаний это во многих случаях уже невозможно; лишь очень немногие люди, не обладающие специальной подготовкой, способны понять аргументацию сторон по вопросам климата, или генетической природы тех или иных заболеваний, или существования бозона Хиггса, не говоря уже о том, чтобы эти аргументы проверить. И проблема эта отнюдь не ограничена кругом естественных наук: даже представителям социальных наук, если они не экономисты, трудно определить, какая из спорящих сторон права в экономических дебатах, которые непосредственно касаются нас как граждан. В наше время наиболее релевантным примером можно считать полемику между учеными неолибералами и неокейнсианцами по вопросу о преодолении финансовых кризисов: следует ли во время кризиса стабилизировать государственный бюджет посредством экономии или, напротив, входить в новые долги и оживлять экономику с помощью конъюнктурных программ.

Можно ли отсюда сделать вывод, что критерий ответственного суждения принципиально невыполним? Быть может, большинство людей в нашем сверхсложном обществе просто обречены на невежество? Мне этот вывод представляется неверным. На протяжении последних десятилетий мы наблюдаем, как интенсивно развивается особая культура распространения специальных знаний среди широкой публики[1]. Выдающиеся ученые, такие как физик Стивен Хокинг, эволюционный биолог Ричард До-

1 *Brockman J.* Die dritte Kultur. Das Weltbild der modernen Naturwissenschaft / aus dem Engl. von Sebastian Vogel. München: Goldmann, 1996 [1995].

кинз, нейрофизиолог Эрик Кандель, экономисты Джозеф Стиглиц и Пол Кругман, подняли это искусство на новую высоту. Нечто подобное происходит в сфере гуманитарных дисциплин — истории, философии или библейской археологии. В последнее время интернет неизмеримо облегчил людям доступ к знаниям, и не в последнюю очередь бла годаря этому заинтересованные непрофессионалы получили новые возможности для усвоения информации и обоснования своей политической позиции. Конечно, было бы иллюзией считать, что политические взгляды могут быть научно обоснованы в каждом конкретном случае. Так не бывает ни в экономике, ни в той отрасли, в которой работаю я (исследование терроризма)[1]. Но что действительно возможно сделать — это использовать имеющиеся научные результаты для опровержения различных догм. Так, например, правые политики на Западе утверждают, что ислам по самой своей структуре невосприимчив к демократическим ценностям и больше тяготеет к насилию, чем другие религии. В качестве доказательства часто приводят такие термины, как *джихад* или *шахид* (последнее слово означает в арабском языке мученика, принявшего смерть в борьбе за ислам). Забавно видеть, как легко защитникам этого тезиса удается не заметить того факта, что самые большие людские массы в мировой истории были истреблены христианскими народами, а вовсе не мусульманами[2]. Нет нужды в особо сложно научном инструментарии, чтобы выяснить, скажем, что организация «Тамильские тигры» (национальное повстанческое движение в Шри-Ланке, вообще не имеющее никакого отношения к исламу) долгие годы лидировала среди всех подобных группировок по числу терактов, совершаемых

1 *Atran S.* Talking to the Enemy: Religion, Brotherhood, and the (Un)Making of Terrorists. New York: Ecco, 2011.
2 Ibid.

смертниками. Так же обстоит дело с уже упомянутым утверждением Тило Саррацина, что иммигранты-мусульмане генетически обречены существовать в Германии на нижних этажах общества, — тезис, опровергнутый учеными как абсолютно недоказанный[1].

И пусть даже состояние науки во многих важных областях еще не дает однозначного ответа на вопрос о том, какие действия предпочтительны на практике, все же некоторые закоренелые предрассудки вполне могут быть опровергнуты. Именно по этой причине многие столь враждебно относятся к науке. Коллективные идентичности основаны на мифах, не выдерживающих критической верификации[2]. Это утверждение можно проиллюстрировать двумя смежными примерами. Большинство израильтян начиная с 1948 года воспитывались в убеждении, что проблема палестинских беженцев (сегодня, после двух войн 1948 и 1967 годов, в граничащих с Израилем землях насчитывается примерно четверть миллиона палестинцев, лишенных гражданских прав) лежит целиком на совести арабских лидеров конца 40-х годов[3]: именно они будто бы призвали палестинцев оставить свои дома, чтобы освободить место для наступления объединенных армий Сирии, Иордании, Ирака и Египта. После провала этой военной операции арабские государства — так говорится — уже не давали беженцам гражданства, чтобы иметь аргументы, отрицающие право Израиля на существование.

Этот сюжет в конце 80-х был поставлен под вопрос израильской стороной. Группа историков, и среди них

1 Der Mythos vom Niedergang der Intelligenz.

2 *Gellner E.* Nationalismus: Kultur und Macht / aus dem Engl. von Markus Schupfner. Berlin: Siedler, 1999 [1989].

3 См. исчерпывающее исследование на эту тему: *Morris B.* Righteous Victims: A History of the Israel-Arab Conflict, 1881–1999. New York: Knopf, 1999.

Бенни Моррис, получив доступ к израильским архивам, пролили свет на то, как действовало правительство Бен-Гуриона во время основания государства в мае 1948 года. Давид Бен-Гурион прекрасно понимал, что объявление независимости Израиля развяжет наступательную кампанию арабских государств. Его правительство втайне вынашивало план в неразберихе грядущей войны изгнать из страны как можно больше палестинцев. Стратеги исходили из того, что лишь массовыми этническими чистками можно было добиться преобладания в стране еврейского населения, а это служило главной предпосылкой построения в стране демократического правления. Бенни Моррис, Ави Шлаим и другие ученые, входившие в группу «новых историков», в 1988 году положили начало серии книг, документально утверждающих, что израильская армия систематически приводила в исполнение так называемый «План Д» и посредством истребления, запугивания и других видов насилия обратила в бегство 750 тысяч палестинцев. Израильская общественность, разумеется, приняла работы новых историков без малейшего воодушевления. Идентичность страны покоилась на господствующем нарративе о том, что Израиль морально безупречен, а еврейский народ имеет неопровержимое право жить на своей родине, которую он покинул после разрушения Иерусалимского храма римскими войсками в 70 году н.э. Исходный лозунг сионизма «Земля без народа — для народа без земли» абсолютно игнорирует арабское население Палестины. Новые историки были заклеймены в качестве антисионистов и ненавистников Израиля, а их лидер Бенни Моррис столкнулся с трудностями при получении профессорской кафедры. По сей день многие израильтяне ощущают несовместимость этих исторических фактов с картиной страны, которую они себе создали, а правые политики отчаянно пытаются оберечь свою прежнюю позицию, исполненную самоуверенности. Последствия

известны. До сих пор ни одно израильское правительство не решилось пойти на радикальный шаг: выполнить резолюцию 242 Совета Безопасности ООН и покинуть все территории, захваченные в ходе Шестидневной войны, тем самым открыв путь для образования независимого палестинского государства.

Ссылаясь на упомянутые документы, я вовсе не утверждаю, что исторические исследования предоставляют нам патент на урегулирование израильско-палестинского конфликта, однако этот пример наглядно выявляет центральную роль принципа ответственного суждения в процессе принятия политических решений и показывает, что результаты научных исследований могут поставить под вопрос коллективную идентичность, построенную на предрассудках. Самоуверенный израильский нарратив удручающим образом почти зеркально отражается в политическом нарративе палестинцев, который некритически усвоили себе, да еще и заострили, многие левые течения в Европе и Америке. В этом варианте палестинцы предстают исключительно как жертвы, неспособные как-либо повлиять на свою судьбу. Здесь не требуется масштабных исторических исследований, чтобы заметить: эта версия точно так же игнорирует исторические факты. Уже в 1920-е годы палестинцы предпочли антисемитский и националистический клан Хусейни семье Нашашиби, настроенной скорее космополитически и уже столетиями бережно хранящей ключ от храма Гроба Господня[1]. При Амине аль-Хусейни палестинское руководство поддерживало связь с нацистской Германией, сам он с 1941 года до окончания войны жил в Берлине, откуда формировал мусульманские подразделения вермахта и войск СС, имея от Гитлера обещание «окончательно

1 *Nusseibeh S.* Es war einmal ein Land. Ein Leben in Palästina. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2009 [2007].

решить еврейский вопрос» в Палестине[1]. В 1947 году палестинские лидеры отвергли предложенный ООН план раздела Палестины, который предусматривал передачу палестинцам почти половины подмандатной территории (за вычетом Трансиордании) — гораздо большей по площади, чем сегодня обсуждается в контексте проекта двух государств. К тому же основные фигуры в палестинском руководстве активно участвуют в создании антисемитской мифологии. Махмуд Аббас, с 2005 года председатель Палестинской национальной администрации, защитил в 1982 году в Москве кандидатскую диссертацию, в которой утверждал, что сионисты сотрудничали с Третьим рейхом, помогая ему в окончательном решении «еврейского вопроса», с тем чтобы побудить европейских евреев бежать в Израиль. Оценка числа убитых во время Холокоста евреев — 6 миллионов, — считал он, откровенно завышена[2]. Последнее утверждение не только противоречит фактам, но и сильно отдает антисемитизмом, правда, следует оговориться, что позднее Аббас открестился от своей диссертации и признал Холокост величайшим преступлением в истории человечества[3]. И, чтобы привести последний пример, «Хартия Хамаса» недвусмысленно призывает убивать евреев и солидаризуется с теорией заговора мирового еврейства, опираясь, в частности, на так называемые «Протоколы сионских мудрецов», наукой давно признанные подложным до-

---

1 *Mallmann K.-M., Cüppers M.* Halbmond und Hakenkreuz: Das Dritte Reich, die Araber und Palästina. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006.

2 *Myre G.* Soft-spoken but not afraid to voice opinions // New York Times. 2003. Mar. 11. URL: http://www.nytimes.com/2003/03/11/international/middleeast/11ABBA.html.

3 *Rudoren J.* Mahmoud Abbas shifts on holocaust // New York Times. 2014. Apr. 26. URL: http://www.nytimes.com/2014/04/27/world/middleeast/palestinian-leader-shifts-on-holocaust.html.

кументом[1]. Когда Мусе Абу Марзуку, одному из видных руководителей Хамаса, был задан вопрос, почему «Протоколы сионских мудрецов» были включены в «Хартию», он ответил, что сионисты сами написали этот текст и теперь это отрицают[2]. Проистекающая из всего этого демонизация Израиля, сионизма и евреев эпистемологически несостоятельна, морально неприемлема и, конечно, приводит к тому, что большинство палестинского населения не имеет ни малейшего представления ни об истинном положении вещей в Израиле, ни об умонастроении израильтян.

Подводя итог, можно сказать, что обе стороны, хотя и в неодинаковой мере, не желают или не могут отказаться от доказуемо ложных фактических утверждений, на которых зиждется их самодовлеющий нарратив. Израильско-палестинский конфликт, таким образом, с большой наглядностью показывает, какую конструктивную роль может играть этика ответственного суждения в тех случаях, когда необходимо избежать кровопролития и избавить людей от страданий. Неспособность осознать факты и постичь историю другой стороны углубляет этот конфликт вот уже многие десятилетия и чрезвычайно затрудняет его разрешение.

Принцип ответственного суждения, несомненно, не является панацеей от любых культурных, политических или религиозных конфликтов, с которыми сегодня сталкивается человечество. Но, последовательно применяемый, он мог бы сделать более содержательными многие дискуссии. Беда в том, что и крайне правые, и крайне левые в «первом мире», равно как различные группировки

---

1 *Mishal Sh., Sela A.* The Palestinian Hamas: Vision, Violence and Coexistence. New York: Columbia University Press, 2006.

2 *Cohler-Esses L.* Hamas wouldn't honor a treaty, top leader says // The Jewish Daily Forward. 2012. Apr. 19. URL: http://forward.com/news/155054/hamas-wouldn-t-honor-a-treaty-top-leader-says/.

«третьего мира», не признают его ценности. Приведенные здесь примеры показывают, что для формирования здравого научно обоснованного мнения потребны определенные базовые знания, но для этого людям в развитых странах следует обеспечить принципиальную доступность инструментария, необходимого для поиска информации и критического ее осмысления. Но использовать эти инструменты как полагается они смогут, лишь если вернутся к просвещенческому самосознанию, которое в наше время буквально парализовано идеологией политической корректности. К этой теме я еще рассчитываю вернуться в конце данного очерка.

КАК РЕСЕНТИМЕНТ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ДОБРОДЕТЕЛЬ

Элитам принципиально не доверяют оба лагеря, как правые, так и левые. В широких кругах считается, что специалисты в конкретных областях, будь то экономика, биология, медицина или наука о терроризме, не представляют народных чаяний, так как принадлежат к далекой от народа элите, которая преследует лишь свои собственные интересы. Разумеется, нельзя отрицать, что порой так и бывает, однако применительно к ученым вообще этот упрек несправедлив. Если мы говорим не об экономических или политических элитах, а об элитах меритократических, то есть о людях, статус которых обеспечен их собственными достижениями, то в большинстве случаев этот упрек — следствие ресентимента. По-человечески это очень понятно, но именно поэтому с трудом осознается. Кому не знакомо досадное чувство, когда в споре по какому-либо специальному вопросу тебя не воспринимают как равного собеседника? Приведу пример из личного опыта. В 2003 году, в преддверии парламентских выборов в Израиле, я участвовал в совещаниях стратегической команды партии Авода. Когда разговор шел на тему, по которой я являюсь специалистом, меня слушали внимательно, но стоило нам перейти к принятию важных стратегических решений, как я фактически лишался слова. Я возмущался, воспринимая это как пренебрежительное отношение к моему мнению, но в душе отлично понимал причину происходящего. Наша стратегическая команда состояла из политиков, социологов общественного мнения и PR-специалистов, имевших в багаже уже много подобных кампаний, я же был абсолютным новичком. Мне было очень нелегко справиться со своим ресентиментом, но я по крайней мере старался держать его в узде.

Политическая корректность нацелена помимо прочего на то, чтобы не нанести обиду или не возбудить зависть у тех, кого другие люди в чем-то превосходят. Как ни благородно выглядит эта установка, эффект ее сомнителен. Смешно выглядит, когда про человека низкого роста говорят, что он «vertically challenged», а про лысого (тема, близкая автору настоящего очерка) — «hair-challenged». То, что в этих примерах кажется всего лишь забавным, может принести большой вред, когда затронуты вопросы профессиональной компетенции. В период беспорядков 1968 года считалось в порядке вещей, что учащиеся оспаривают права преподавателей определять, чему им следует учиться и что знать. Нельзя отрицать, что эти требования принесли известную пользу: иерархические отношения стали утрачивать ригидность, профессорам пришлось проявить бóльшую гибкость. Однако тенденция подвергать сомнению любой профессиональный авторитет сказывается в учебном процессе и в наше время: исследования показали, что преподаватели все чаще испытывают давление, вынуждающее их ставить студентам хорошие оценки, так как студенты считают, что таковые причитаются им по полному праву, а не как поощрение за успехи в учебе[1]. Вместе с тем преподаватели многих дисциплин находят все более затруднительным критиковать студентов и требовать от них усидчивой работы. И это тоже имеет прямую связь с политкорректностью. Статистика утверждает, что мера интеллектуальной одаренности (как и большинство других индивидуальных характеристик) в человеческом сообществе подчиняется закону нормального распределения. Попросту говоря, это означает, что не все студенты одинаково талантливы. Поэтому невозможно избежать ситуации, когда боль-

1 *Toby J.* The Lowering of Higher Education in America. Why Financial Aid Should be Based on Student Performance. Santa Barbara: Praeger, 2012.

шинство учащихся испытывают болезненные чувства из-за того, что они уступают кому-то из своих товарищей. Мы соглашаемся с таким положением вещей в футболе, шоу-бизнесе, но также и в некоторых других профессиональных сферах, таких как медицина, юриспруденция или инженерные дисциплины, где успехи и достижения, вообще говоря, допускают более объективную оценку. В более «эластичных» дисциплинах, однако, студентам такое дается труднее. Похожие феномены дают себя знать, когда дело касается распределения доходов. От социализма, куда восходят ее корни, политкорректность унаследовала неприятие такого явления, как предпринимательская одаренность, которая при либеральном устройстве экономики дает одаренным людям большие преимущества. Я здесь не собираюсь защищать непотические элиты и непрозрачные классовые структуры, но давайте осознаем, что политическая корректность преследует цели абсолютно недостижимые: оберечь недостаточно успешных людей от зависти и уязвленности.

В результате мы получили культуру, которая маскирует ресентимент, выдавая его за добродетель[1]. Произошло нелепое смешение двух совершенно разнородных начал. С одной стороны, идеал Просвещения, согласно которому все люди от рождения имеют основные права: право на свободное развитие, на телесную неприкосновенность, свободное выражение мнений, на человеческое достоинство и т.п. Этот идеал постепенно подрывал общественные устои, при которых немногие пользовались привилегиями в силу своего статуса, дворяне унижали и эксплуатировали крестьян и других людей из низких сословий. Отсюда закономерно вытекают до сих пор звучащие в современных демократиях

1 *Sloterdijk P.* Zorn und Zeit. Politisch-psychologischer Versuch. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2006.

призывы к равенству возможностей всех членов общества, имеющие огромное значение как в этическом, так и в практическом плане. Но в перспективе политкорректности — и в этом состоит второе начало — отсюда же вытекает притязание на полное равенство и требование стереть все иерархические структуры и все различия вообще. Просвещенческий идеал равенства оказался смешанным с требованием права на то, чтобы никогда не испытывать обиды и униженности. Но это требование нереализуемо. Каждый человек, кто бы он ни был, уже чисто логически должен уступать кому-либо другому хотя бы в чем-то, идет ли речь о спортивном, артистическом, писательском, математическом или предпринимательском таланте. Ницшевский анализ ресентимента остается в этом отношении абсолютно адекватным: если не удается унять ресентимент средствами культуры, если из него делают добродетель, это достается дорогой ценой[1]: зарождается общественная культура наименьшего общего знаменателя, в которой запрещено все, что может исключить из дискуссии хоть кого-то. Подобная нивелировка культуры зиждется, естественно, на некоем ложном представлении о жизни, ведь никто всерьез не захочет жить внутри культуры, в которой нельзя даже пожелать сотворить что-либо выдающееся. Каждый хочет, чтобы хирург, оперирующий его ребенка, был талантлив и медицински образован, насколько это возможно. Возражение: «Разве это справедливо, что не каждый человек может стать хирургом?» — по справедливости можно считать абсурдным. И уж конечно, если бы высшая школа и система здравоохранения вдруг отказались от строгих критери-

1 *Nietzsche F.* Zur Genealogie der Moral // Nietzsche F. Werke. Kritische Gesamtausgabe / hrsg. von Giorgio Colli und Mazzino Montinari. 2 Bd. 6 Abt. Berlin: de Gruyter, 1968.

ев отбора кандидатов, это решение явилось бы этическим скандалом. Все мы хотим смотреть фильмы гениальных режиссеров, иметь компетентных экономистов во главе центральных банков и чтобы нашим самолетом управляли тщательно испытанные пилоты. Логика политической корректности поэтому просто внутренне непоследовательна: сложные современные общества не могут функционировать, не имея высших достижений[1], и потому всем нам придется как-то справляться с опытом осознания собственной несостоятельности. И тем не менее повсюду мы наблюдаем судорожные попытки затушевать качественные различия и иерархические отношения с целью минимизировать поводы для зависти. И здесь опять-таки возникает основа для нездорового альянса крайне правых политических сил с крайне левыми. Последние подозрительно относятся к высшим достижениям, поскольку с ними почти всегда связаны экономические привилегии, тогда как первые имеют склонность популистски релятивизировать или объявлять нерелевантными специальные знания высококвалифицированных экспертов, предлагая в качестве замены суждения дилетантов из разного рода теплых компаний, их глубоко прочувствованные воззрения, прозрения и интуиции, словом, мнения людей, крепко стоящих на земле обеими ногами. Результат в двух случаях один и тот же: рождаемая ресентиментом тенденция к нивелированию заступает на место ответственного суждения.

Способность обуздывать зависть такого рода — одна из составляющих культуры цивилизованного презрения. Обязанность каждого из нас — развивать эту культуру, поскольку независимо от того, сколько времени ты отдал

1 *Sloterdijk P.* Du mußt dein Leben ändern. Über Anthropotechnik. Berlin: Suhrkamp, 2010.

обучению, упражнению, тренировке, все равно в современных сверхсложных обществах, где наличествует масса отделенных друг от друга профессиональных ареалов, неизбежно будут возникать абсолютно непонятные для тебя дискуссии, в которых ты не сможешь принять участия.

Этика ответственного суждения имеет поэтому не только когнитивные, но и эмоциональные компоненты: мы все должны учиться существовать в состоянии гнева, зависти и ресентимента, не заглушая в себе способности к суждению. Это требует от нас самодисциплины, умения не пасовать перед душевным страданием, вызванным чьим-либо превосходством, но привыкать мириться с этой болью[1]. «Культура восхищения» — несомненно, это определение звучит приятнее, а способность восхищаться великими достижениями и человеческими качествами составляет неотъемлемую часть всякой высокой культуры и свойство всякой развитой личности. Мне же сейчас важно подчеркнуть, что и эта способность не снимает боли, которую причиняет человеку чье-либо превосходство над ним. Для нашего душевного здоровья умение мириться с этой болью имеет центральное значение, о чем говорит следующая аналогия. Кто занимается спортом, знает, как важны после тренировки упражнения на растяжку. Это бывает больно, потому что сжатые мускулы противятся растяжению. Если отказаться эту боль испытывать и пойти домой с судорожно сжатыми мышцами, то они продолжат болеть и вдобавок будут сковывать свободу движений. Но если преодолеть болевое сопротивление, принять его и даже в известном смысле ему порадоваться, то мышцы понемногу обязательно привыкнут к растяжке и к спортсмену вернутся подвижность и хорошее само-

1 *Strenger C.* The Quest for Voice in Contemporary Psychoanalysis. Madison: International Universities Press, 2002. Ch. 6.

чувствие. То же происходит и с душой: кто не выдерживает боли, причиняемой завистью, и отшатывается от нее, тот обрекает себя на душевные судороги, которые находят свое выражение в ресентименте. В результате такой человек не сможет насладиться ни красотой, ни свершениями других людей и так и будет жить с горьким чувством, что ему ничего или почти ничего сделать не удалось. Культура цивилизованного презрения противостоит ресентименту и должна принимать в расчет значительное встречное сопротивление. Одна из наших задач — диагностировать как у себя, так и у других случаи, когда источником того или другого мнения или оценки является ресентимент. Искажение и самообман могут иметь здесь плохие последствия. Когда происходит подобный подрыв авторитета, вступает в силу эпистемологически основной принцип цивилизованного презрения: коль скоро, когда речь заходит о твоем здоровье, деньгах или о твоем доме, ты готов считаться с авторитетом врача, банкира или инженера, то неправильно с твоей стороны будет отрицать такого же рода компетенции в рамках общественной дискуссии лишь на том основании, что иначе ты не сможешь на равных принять участие в обсуждении проблемы. В такой ситуации каждый из нас может оказаться в любой момент. Особенно ярко такое проявляется, когда сами основы личного мировоззрения человека вступают в конфликт с консолидированными данными науки. Такого рода мировоззрения могут формироваться под влиянием многих факторов, однако собранные данные не оставляют сомнений: согласно глобальным научным исследованиям последних лет, более 80% населения планеты считают себя принадлежащими какой-либо религии[1],

1 The global religious landscape // Pew Research Center. 2012. Dec. 18. URL: http://www.pewforum.org/2012/12/18/global-religious-landscape-exec/.

и мы обязаны считаться с тем фактом, что большинство жителей Земли выводят свои убеждения из веры, которая часто входит в противоречие с принципом ответственного суждения.

РЕЛИГИЯ И ЦИВИЛИЗОВАННОЕ ПРЕЗРЕНИЕ

Любое современное общество должно считаться с тем, что религии навсегда останутся важнейшей составляющей социальной жизни. Как сказал Юрген Хабермас, мы живем в постсекулярную эпоху. В религиозном контексте, как ни в каком другом, политическая корректность выглядит совершенно необходимой: о вере не спорят. И разве не разумно было бы принять основания политкорректности, согласно которым мы обязаны уважать веру других людей? Не здесь ли идея цивилизованного презрения обнаруживает свою основную слабость? Как она может помочь мирному сосуществованию людей в обществе? Разве, попросту говоря, она не ведет к обострению конфликтов между разными религиями? Между религиями и либеральными структурами общества? Думаю, что дело обстоит ровно наоборот: принцип цивилизованного презрения помогает нам четче выделить и зафиксировать спорные пункты в противостоянии различных конфессий и секулярного либерализма. Я твердо убежден, что предложенный здесь инструментарий позволяет точнее установить, в каких именно случаях религиозная позиция заслуживает цивилизованного презрения: когда она не выдерживает медицинского теста. Разумеется, религия, как и любой другой тип мировоззрения, имеет право занять собственную позицию по разным социальным вопросам. Но — особенно когда речь идет о благе человека и тем более о его жизни и смерти — это не снимает с нее обязанности формировать ответственное суждение.

Как только возникает тема религии, принцип толерантности упирается, похоже, в свои границы. Снова и снова во весь рост встает вопрос: можно ли мириться с религиозными практиками, которые не разделяют главных

ценностей Просвещения (таких, например, как равенство всех людей перед законом)? Но, как было показано выше, здесь сказывается принципиально ложное понимание принципа толерантности: просветители никогда не утверждали, что мы будто бы обязаны уважать те религиозные догматы, которые мы на доказанном основании считаем иррациональными, аморальными или даже бесчеловечными. Принцип толерантности предполагает, что ни одна церковная, религиозная или государственная инстанция не имеет права насильно обращать человека в свою веру, а каждому человеку должна быть дана возможность прожить свою жизнь согласно собственным представлениям. Один из аргументов, обосновывающих принцип толерантности, сводится к тому, что религиозные догматы не имеют эмпирического или логического основания и потому было бы аморальным принуждать человека к тому, в чем его нельзя рационально убедить. Здесь мы сталкиваемся с противоречием между принципом Просвещения, согласно которому нет такого авторитета, которому позволено быть выше критики, и авраамическими религиями, рассмотрением которых я здесь ограничиваюсь по двум причинам: во-первых, потому что для рассуждения о других религиях мне не хватает знаний, к тому же из бесед с социологами религии я заключил, что само понятие «религия» несет на себе столь явный отпечаток противоречивых взаимодействий иудаизма, ислама и христианства, что, скажем, некоторые азиатские конфессии под него не подпадают. Вторая причина состоит в том, что вопросы, которые нас здесь занимают, касаются прежде всего конфликтных отношений авраамических религий между собой и с государством, и поэтому это ограничение не ослабит убедительной силы наших доводов в плане диагностики нашего времени. Обозначение «авраамическая религия» (относительно новое) восходит к личности Авраама (в исламе — Ибрахим), который иг-

рает существенную роль во всех трех религиях. Тем самым все они определены мифом, отражающим центральный аспект авраамического монотеизма: жертвоприношением Исаака (или, как в исламе, — неназванного сына). Этот сюжет, как известно, сводится к тому, что Бог потребовал от Авраама заколоть его возлюбленного сына, и тот беспрекословно отправляется в путь к месту жертвоприношения — горе Мориа, как она названа в Ветхом Завете. Добравшись до этой горы на третий день пути, Авраам велит воздвигнуть алтарь, чтобы на нем принести в жертву своего сына, которому он ничего не говорит о своем намерении. И лишь в последний момент ангел останавливает руку Авраама с ножом — вместо сына в жертву был принесен овен. Трудно найти миф, который больше противоречил бы этике Просвещения. Начать с того, что Авраам ни о чем не спросил, ни на что не возразил и даже не задумался, уж не был ли голос свыше галлюцинацией. Он не подверг услышанный приказ никакому сомнению, ни на секунду не усомнившись, что слышал именно слово Бога, которому нужно немедленно повиноваться. Я, конечно, прекрасно понимаю, что мой последний тезис представляет собой анахронизм: во времена, когда возникло это повествование и когда оно было записано, критическое умонастроение не имело никакой цены, напротив, в племенных культурах безоговорочное подчинение вере отцов считалось высшей добродетелью. Но теперь мы подходим к моменту, когда нам придется проявить неполиткорректность. То, что в VIII или VII веке до н.э., когда это повествование, видимо, возникло, или в V веке до н.э., когда оно письменно зафиксировано[1], было еще вполне приемлемо, то в XXI веке выглядит в высшей степени сомнительно.

---

1 Достоверность этих временны́х вех в библеистике практически не оспаривается, исчерпывающее исследование на эту тему см.: *Friedman R.E.* Who Wrote the Bible? New York: Harper, 1987.

Почти три тысячелетия назад не было никакого смысла толковать о разделении веры и знания. Для племен, этносов и наций религия играла роль идентификатора; функциональной дифференциации территорий посредством правовых, научных или политических параметров тогда еще не существовало. Это положение радикально изменилось главным образом за последние четыре столетия. В большинстве государств судебная система постепенно освободилась от религиозных институций. Современная наука базируется на предпосылке о существовании рационально постижимых и универсально значимых законов природы. Ее объяснительная сила достигла такого высокого уровня, с которым никакая прежняя мировоззренческая система не идет ни в какое сравнение, не говоря уже о возможностях контроля над природными явлениями, полученных благодаря технологическому прогрессу, начавшемуся в XVII веке. Все это было бы абсолютно невозможно, если бы не действенность принципа, согласно которому ни одна теория, ни одно фактическое утверждение не могут быть выведены из поля критики. Понятие непререкаемого авторитета, не нуждающегося в рациональном обосновании, отпало с приходом Просвещения, тогда как для авраамических религий оно является центральным. Лейтмотивом Ветхого Завета было сопротивление народа Израиля требованию беспрекословного повиновения Божьему слову, весомость которого обеспечивалась преданием, повествованием об откровениях и чудесах, не имевших никаких других свидетельств, кроме зафиксированных в тексте предания. Достоверность чудес была обусловлена доверием к тем, кто об этих чудесах рассказывал[1]. Напротив, общая теория науки, получившая разви-

1 До сих пор непревзойденным остается классический труд Дэвида Юма, содержащий критику понятия чуда: *Hume D.* Dialoge über natürliche Religion / hrsg. und aus dem Engl. von Norbert Hoerster. Stuttgart: Reclam, 1994 [1779].

тие в последние столетия, покоится на предпосылке, что высказывание должно быть структурировано так, чтобы каждый мог самостоятельно его проверить.

Здесь мне могут возразить, что моя аргументация основана на ложном понимании религии: ведь религия как раз и определяется не как знание, а именно как вера. От Тертуллиана с его *Credo quia absurdum*, до Кьеркегора, определявшего веру как иррациональный и экзистенциальный «прыжок», теология в основном и так занимается разграничением знания и веры, и потому мои нападки неуместны. Я охотно соглашусь с этим замечанием, но с одной оговоркой: религиозное предание и высказывания церковных авторитетов не ограничиваются нормативными положениями и метафизическими спекуляциями об отношениях Бога и человека, но включают также постулаты о возникновении Земли и правила повседневной жизни, обоснованные эмпирически (порой косвенным образом). И вот здесь вера и знание входят в конфликт, и я полагаю, что мы имеем полное право требовать, чтобы известные фактические утверждения проходили «медицинское» тестирование. Те из них, которые его не выдерживают, в определенных контекстах не должны иметь веса.

Между тем в рамках трех авраамических религий существуют, естественно, течения (к примеру, реформистский иудаизм или демифологизированные течения протестантского толка), которые удовлетворяют названному требованию, поскольку они практически не включают никаких эмпирических утверждений обозначенного выше типа. Неслучайно, что многие из этих демифологизированных течений эволюционировали в последние 150 лет, когда уже нельзя было отрицать, что современная наука и некоторые типы религиозных нарративов и предписаний стали просто несовместимы в интеллектуальном плане.

Большинство авраамических конфессий и течений, актуальных в наше время, еще не предприняли подобной демифологизации, поэтому многие из отстаиваемых ими позиций не могут пройти медицинского теста. Напрашивается естественный вопрос: а почему вообще они должны воспринимать подобного рода тест как легитимный? Ответ прост: потому что преобладающее большинство их последователей применяют медицинский тест практически во всех сферах жизни — кроме религиозной сферы. В то же время эти религии по-прежнему порождают фактические утверждения, от которых прямо зависит благополучие многих людей, но сами эти религии медицинского теста не выдерживают. Проиллюстрируем это двумя примерами. Ортодоксальный иудаизм отказывает женщинам в праве выступать на суде свидетелями — запрет, основанный в Талмуде на предполагаемом легковерии женщин[1]. В этой пресуппозиции содержится фактическое утверждение, требующее эмпирической проверки. В самом Талмуде, разумеется, нет ссылки на какое-либо исследование вопроса, искать таковое в компендиуме, составленном в первые столетия христианского летоисчисления, было бы анахронизмом. Но в эпоху позднего модерна мы вполне можем требовать от авторитетных представителей (ультра)ортодоксального иудаизма, отстаивающих практику правового ущемления женщин, эмпирически, с помощью доступных им средств обосновать свое требование исключить женщин из общественной жизни. Вряд ли кого-то удивит, что современная иудейская ультраортодоксия не проводит и даже не инициирует исследований, которые могли бы оправдать такое отношение к женщине. При этом в по-

1 *Meacham T.* Legal-religious status of jewish female // Jewish Women's Archive: Encyclopedia. URL: http://jwa.org/encyclopedia/article/legal-religious-status-of-jewish-female.

следние десятилетия появилась огромная научная литература по психологии гендерных различий[1], в которой, однако, нет ни одного доказательства данного талмудического тезиса[2], напротив, многие и многие авторы показывают, что женщины в среднем интеллектуально не уступают мужчинам и не опережают их в легковерии[3]. Вопрос уравнивания женщин в правах с мужчинами затрагивает образ жизни половины человечества, поэтому все утверждения на данную тему должны удовлетворять требованиям принципа ответственного суждения. Ортодоксальные иудеи требуют от своих врачей, чтобы те при лечении использовали терапевтические методы, соответствующие современному состоянию науки, поэтому и мы вправе потребовать от них аналогичной доказательности в разговоре о женской психологии. Эмпирические утверждения, нацеленные на доказательство неполноценности женщин и в корне противоречащие научно обоснованным результатам, становятся легитимным объектом цивилизованного презрения.

Еще один пример. Согласно традиционной позиции католической церкви, использование презервативов считается «развратом», поскольку оно препятствует достижению естественной цели полового акта, размножению.

---

1 Метаанализ существующих исследований на эту тему см.: *Hyde J.Sh.* The gender similarity hypothesis // American Psychologist. 2005. Sept. P. 581–592. URL: http://www.wisebrain.org/papers/GenderSimilarities.pdf.

2 См.: *Hyde J.Sh.* Gender similarities and differences // Annual Review of Psychology. 2014. Vol. 65. P. 373—398.

3 Свод эмпирических результатов по данному вопросу см.: *Colom R., García L.F., Juan-Espinosa M., Abad F.J.* Null sex differences in general intelligence: Evidence from the WAIS-III // The Spanish Journal of Psychology. 2002. Vol. 5. No. 1. P. 29–35; *Aluja-Fabregat A., Colom R., Abad F.J., Juan-Espinosa M.* Sex differences in general intelligence defined as g among young adolescents // Personality and Individual Differences. 2000. Vol. 28. Iss. 4. P. 813–820.

В 1980-е годы, время стремительного распространения СПИДа — главным образом из Африки, во многих регионах которой католическое влияние было определяющим, — поднялась волна противодействия католической церкви. Многие тогда надеялись, что папа Иоанн Павел II, популярность которого в мире была выше, чем у какого-либо понтифика до него, поддержит отчаянные усилия организаций вроде ВОЗ по приобщению африканских мужчин к использованию презервативов, чем будет положен конец распространению вируса иммунодефицита. Однако Иоанн Павел II, как и его преемник Бенедикт XVI, и в этой ситуации поддержали запрет презервативов. Какими же фактическими утверждениями мог быть обоснован этот запрет? Один из возможных аргументов мог состоять в том, что такой запрет вкупе с осуждением внебрачных половых связей сможет затормозить распространение эпидемии — тем, что умерит неразборчивость в сексуальных отношениях. Очень скоро стало ясно, что это предположение эмпирически не оправдалось. Между тем, в ходе своей поездки по Африке в 1993 году Иоанн Павел II заявил, что лишь супружеская верность сможет залечить «трагическую рану», нанесенную СПИДом; и в том же духе высказался Бенедикт XVI в ноябре 2010 года: раздача презервативов и обучение их использованию не только не решат проблему, но, напротив, усилят эпидемию. И лишь в случае мужской проституции использование презервативов может быть оправданно, поскольку здесь оно не служит средством контрацепции[1]. Подобное положение, имеющее столь серьезные следствия для миллионов людей на планете, обязательно должно быть подвергнуто медицинскому тесту. Однако и в этом случае мне неизвестно, чтобы церковь привлекла или сама предприняла ка-

1 Papst will Kondomverbot der katholischen Kirche lockern // Zeit online. 2010. Nov. 20. URL: http://www. zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2010-11/papst-kondome-aids.

кие-то научные исследования на предмет проверки гипотезы о том, что запрет презервативов ведет к сокращению числа внебрачных половых связей. Данные, собранные медицинскими и благотворительными организациями, свидетельствуют скорее об обратном эффекте: поощрительные меры по использованию презервативов приводят к резкому падению случаев заражения ВИЧ[1]. Другой представитель католической церкви высказал по данной теме еще более курьезное соображение: в 2003 году кардинал Альфонсо Лопес Трухильо, в то время председатель Папского совета по делам семьи, заявил, что презервативы не препятствуют заражению ВИЧ, поскольку в них имеются маленькие дырочки[2], — дикое высказывание, противоречащее здравому смыслу.

Итак, позиции Иоанна Павла II, Бенедикта XVI и кардинала Альфонсо Лопеса Трухильо не выдерживают медицинского теста, потому попадают в легитимную сферу цивилизованного презрения. Притом «презрение» здесь — еще довольно мягкое слово: высказывания подобного рода приводят к слишком большим несчастьям. Они вдвойне достойны презрения, поскольку трудно себе представить, что эти понтифики были всерьез убеждены в адекватности этих своих эмпирических высказываний. Скорее всего, они просто верили, что запрет презервативов каким-то образом соответствует Божьему слову и потому не подлежит сомнению. Но в таком случае они должны были бы открыто объявить о чисто религиозных основаниях своих утверждений, а не прикрывать их псевдонаучной аргументацией, тем удерживая от использования презервативов представи-

1 *Weller S.C., Davis-Beaty K.R.* Condomeffectiveness in reducing heterosexual HIV transmission (review) // The Cochrane Library. 2007. Apr. URL: http://apps.who.int/rhl/reviews/langs/CD003255.pdf (accessed Jan. 2015).
2 *Bradshaw S.* Vatican: condoms don't stop AIDS // The Guardian. 2003. Oct. 9. URL: http://www.theguardian.com/world/2003/oct/09/aids.

телей других конфессий. Следовало бы спросить этих церковных деятелей, готовы ли они взять на себя ответственность за те последствия, которые в данном контексте возымели бы их высказывания в среде мусульман и протестантов. Если бы они — в свете медицинских фактов — согласились на это, то снова не прошли бы медицинский тест — теперь уже в буквальном значении этого термина.

Приведены только два примера, но их список можно продолжать сколь угодно долго. Здесь я хочу лишь указать на книги таких авторов, как биолог Ричард Докинз[1], философ Дэниел Деннет[2] или публицист Кристофер Хитченс[3], которые продолжают эту тему. Эти работы получили международное признание, но и вызвали возражение: критики религии, утверждают оппоненты, не понимают истинной природы веры, они не видят, что религия открывает человеку такие смыслы, которых секулярные мировоззренческие системы дать ему не могут, и т.п.[4] Дискуссия эта довольно сложна, многие поставленные в ней вопросы не имеют окончательного ответа. Но именно поэтому я бы предложил применить медицинский тест также и к религиозным позициям, поскольку этот тест представляет собой удобный инструмент, с помощью которого можно выявить степень ответственности и рациональности, свойственных религии, как мы делали это в отношении других общественных институтов. Этим мы не подвергаем сомнению

1 *Dawkins R.* Der Gotteswahn / aus dem Engl. von Sebastian Vogel. Berlin: Ullstein, 2006.

2 *Dennett D. C.* Den Bann brechen. Religion als natürliches Phänomen / aus dem Engl. von Frank Born. Frankfurt am Main: Verlag der Weltreligionen, 2009 [2005].

3 *Hitchens Ch.* Der Herr ist kein Hirte. Wie Religion die Welt vergiftet / aus dem Engl. von Anne Emmert. München: Blessing, 2007.

4 *Eagleton T.* Culture and the Death of God. New Haven: Yale University Press, 2014.

фундаментальное, понятое в духе Просвещения право на свободу вероисповедания, без которого мы скатились бы в эпоху инквизиции и религиозных войн, но отсюда нельзя заключить, что религия стоит выше любой критики. Как только религия выдвигает некие фактические утверждения, которые затрагивают жизнь и достоинство человека, она обязана привести себя в соответствие требованиям, которые большинство верующих предъявляют к представителям той профессии, которой они доверяют свое здоровье. Вот мы и вернулись к медицинскому тесту. Предъявляемые им требования выдержать нелегко. Как мы увидим далее, культура цивилизованного презрения требует от всех нас умения переносить обиду, которую мы непременно ощутим, когда будут критиковать наше мировоззрение.

НАУЧИТЬСЯ ТЕРПЕТЬ ОБИДУ

Случай Салмана Рушди, с которого мы начали наши рассуждения, а также разбор некоторых фактических утверждений, религиозно мотивированных, но в научном отношении сомнительных, подводят нас к еще одному важному принципу, входящему в понятие цивилизованного презрения. Настоящая свобода критики, как бы она ни была выражена — поэтически, научно или сатирически, возможна лишь в том случае, если все члены общества способны выдержать цивилизованное презрение к своим позициям и в известном смысле эту критику принять. Написать такое гораздо легче, чем претворить в жизнь. Все люди и коллективы глубоко укоренены в своей культуре, которая формирует их идентичность и сплачивает их в религиозном, национальном, этническом и политическом аспектах. Не впадать в обиду, когда самые основы твоей культуры подвергаются нападкам или делаются объектом сатиры, бывает для нас очень трудно, а порой просто невозможно. Ничего удивительного, что реакция порой возникает очень тяжелая. Стендап-комик Ленни Брюс был неоднократно арестован и привлечен к суду за то, что бичевал ханжество и расизм, высмеивал священных коров американского общества. Лишь после своей ранней смерти в 1966 году он превратился в икону поп-культуры.

Что же это означает: цивилизованно, а то и презрительно-цивилизованно реагировать на цивилизованное презрение? Попробую проиллюстрировать это на двух примерах. В 1969 году еврейско-американский писатель Филип Рот, тогда 36-летний, издал свой роман «Случай Портного». В документальном фильме 2013 года он вспоминает[1], как перед самой публикацией книги роди-

1 *Karel W., Manera L.* Philip Roth: Unmasked / Dokumentarfilm. USA, 2013.

тели навестили его в Манхэттене и он предупредил их, что этот роман сделает его знаменитым, но и вызовет очень громкий скандал. Позднее отец рассказал ему, что на обратном пути его мать горько разрыдалась — но не потому, что Филип издевательски изобразил еврейскую общину, а потому, что в ту минуту она была уверена, что их сын поражен манией величия. Должно быть, она почувствовала облегчение, когда прогноз сбылся: за год было продано несколько сотен тысяч экземпляров этой книги, англоязычное ее издание с тех пор вышло общим тиражом более двух с половиной миллионов. Но и скандал также не заставил себя ждать. Передавать во всех подробностях, как главный герой романа Александр Портной описывает своему психоаналитику все виды мастурбации, которым он предавался в подростковом возрасте (одним из объектов его страсти стала говяжья печенка, которая затем была подана к обеду), — для Америки шестидесятых это было, как говорится, чересчур. Роман был многими изобличен как порнографический.

Но эпицентром возмущенной реакции стала еврейская община США, которая уже после выхода повести «Прощай, Колумбус!» в 1958 году имела претензии к автору за то, как он представил культуру и семейные еврейские традиции. Уже тогда Рот нарушил табу еврейского местечка: никогда не надо стирать грязное белье перед гоями (то есть неевреями); нам, евреям, нужно терпимее относиться друг к другу. «Как будто гои доставили нам мало неприятностей!»[1] Все эти соображения Рот совершенно отметает. Александр Портной жалуется своему психоаналитику, что из-за чувства вины, которое ему внушили в детстве, и из-за удушающей любви матери он теперь всегда терпит неудачу в постели с еврейскими

---

1 К этому и последующему см.: *Avishai B.* Promiscuous: «Portnoy's Complaint» and our Doomed Pursuit of Happiness. New Haven: Yale University Press, 2012.

женщинами (эти сцены выписаны пластически весьма выразительно) и как одержимый гоняется за «шиксами» (то есть нееврейками).

Еврейская община так и кипела негодованием: Рот смешал евреев и еврейские ценности с дерьмом — в таком духе писали о нем самые радикально настроенные критики, но даже более респектабельные, способные к более дифференцированным суждениям рецензенты вроде Ирвинга Хоу, который когда-то положительно оценил ранние сочинения Рота, и те отвернулись от него, ставшего теперь для американских евреев чем-то вроде жупела. Что именно Рот имел в виду: сводил ли он счеты с еврейской семьей как таковой или, как было довольно убедительно показано, хотел выразить свое отношение к еврейской интеллектуальной среде своего поколения, людям, которые взбунтовались против поколения своих родителей, выходцев из Восточной Европы, и заработали себе на этом целый букет неврозов, — в этот вопрос мы здесь вдаваться не будем[1]. Важно другое — что, несмотря на дружное осуждение Рота большинством американских евреев, он не получал никаких угроз, не был предан остракизму и не испытал никаких других внешних помех в своем творчестве. Эта реакция прекрасно показывает, как следовало бы обходиться с обидой, нанесенной цивилизованным презрением: никто не требовал от отдельных людей или каких-то коллективов уважения и тем более любви к провоцирующей их персоне. Можно осуждать и критиковать такого человека, но никак не призывать к насилию или пытаться запугиванием заставить его молчать.

Возьмем теперь более актуальный пример. В 2011 году на Бродвее был впервые поставлен мюзикл

---

1 *Avishai B.* Promiscuous: «Portnoy's Complaint» and our Doomed Pursuit of Happiness...

«Книга Мормона», который затем получил множество призов и имел колоссальный успех в лондонском Вест-Энде. Создатели этого опуса Трей Паркет и Мэтт Стоун были уже известны как авторы сатирического мультсериала «Южный парк». «Книга Мормона» представляет собой безжалостную пародию на религиозную доктрину и деятельность Церкви Иисуса Христа святых последних дней, представляющую историю мормонов и основателя этой религии Джозефа Смита в беспощадном сатирическом ключе. Главные герои этого действа — два молодых мормона-миссионера, посланных в Уганду, где им поручено бороться с гомосексуализмом, всячески используя для своих целей наивное мировоззрение туземцев. Для нас интереснее всего рассмотреть, как реагировала на все это церковь мормонов. Спектакль никто не пытался запретить, в США вышла краткая заметка о том, что этот мюзикл — развлечение на один вечер, тогда как сама «Книга Мормона» (по сути, священное писание для религиозной общины мормонов), напротив, может навсегда изменить жизнь верующего человека, приблизив его к Богу. Церковь мормонов ни разу не потребовала запретить мюзикл или как-то купировать текст сценария. Мне также неизвестно о каких бы то ни было угрозах авторам этой пьесы, или исполнителям, или театру, предоставившему для нее свою сцену. Умение справляться с подобными обидами — это основная предпосылка концепции цивилизованного презрения и обязательный элемент либерального общественного строя.

Нападение на редакцию сатирического еженедельника *Charlie Hebdo* 7 января 2015 года, надо думать, наглядно продемонстрировало всем тем, кто по логике политкорректности полагает, что следует по возможности избегать всяческих обид и всегда с готовностью идти навстречу обиженным в религиозных чувствах, какие страшные последствия может вызвать такая их

позиция. Не подлежит сомнению, что авторы *Charlie Hebdo* не жалели сил (и, будем надеяться, не жалеют их и теперь), чтобы оскорбить все и всяческие религиозные чувства — поверх границ между конфессиями[1], ведь в этом и состоит специфическая цель этого издания. Нравятся ли кому-то их рисунки или не нравятся, не имеет никакого значения. При всей боли и гневе, вызванных гибелью карикатуристов, все равно скажем: не обязательно идеализировать их работу, чтобы отстаивать право человека на свободу слова. Сам я, хотя и не являюсь большим поклонником подобного юмора, был просто потрясен этим терактом и написал об этом несколько статей и постов в своем блоге. Можно говорить и о другом, принципиально схожем случае, вызвавшем скандал в 2005 году, когда датская газета *Jyllands-Posten* опубликовала ряд оскорбивших мусульман карикатур на пророка Мухаммеда.

Мне представляется важным предупредить одну могущую здесь возникнуть ложную интерпретацию. В наши дни общественность и многие СМИ склонны представлять ислам как главную проблему западного мира, и действительно, в последние годы реакция мусульман (на роман Рушди, на фильм Тео ван Гога, на газетные карикатуры Мухаммеда) нередко становилась препятствием для свободного выражения мнений и вызывала споры о границах политической корректности. Но концепция цивилизованного презрения нацелена вовсе не на религию и даже в первую очередь не на религию. Мы не должны забывать о существовании и других контекстов непримиримого отношения к критике. Президент Рос-

1 Подборку материалов, содержащих самую ожесточенную антирелигиозную критику, см.: *Krule M. Charlie Hebdo*'s most controversial religious covers, explained // Slate. 2015. Jan. 7. URL: http://www.slate.com/blogs/browbeat/2015/01/07/charlie_hebdo_covers_religious_satire_cartoons_translated_and_explained.html.

сии Владимир Путин злоупотребил судебной властью, чтобы под ложным предлогом лишить свободы олигарха Михаила Ходорковского, который начиная с 2000 года все более остро критиковал политический режим в стране. Гарри Каспаров, оппозиционер и экс-чемпион мира по шахматам, также неоднократно по указанию Путина подвергался аресту на короткие сроки; случай активисток *Pussy Riot*, осужденных на два года лишения свободы по обвинению в «хулиганстве по мотивам религиозной вражды», привлек к себе пристальное внимание мировой общественности.

В США фундаменталистски настроенные противники абортов также порой прибегают к насилию. Так, еще недавно они поджигали клиники, где производятся аборты, увечили врачей-гинекологов. В Израиле я чуть ли не каждый день сталкиваюсь с тем, что ультраортодоксальные раввины, с одной стороны, выражают свое презрение к целым социальным группам (когда, скажем, утверждают, что неевреи созданы Богом лишь для того, чтобы служить евреям, или приравнивают гомосексуалов к животным, или заявляют, что светские судьи не имеют права судить правоверных иудеев), с другой — смертельно обижаются, когда их взгляды характеризуют как примитивные, аморальные или иррациональные. Неспособность переносить критику и в этих случаях моментально обращается в насилие. Мой коллега Зеэв Штернхель, колумнист газеты *Haaretz* (где сотрудничаю и я), резко критикующий оккупационную политику Израиля, был в сентябре 2008 года ранен бомбой, подброшенной в его дом; позднее в этом преступлении сознался один из поселенцев-ультраортодоксов. В наш век глобализации нам просто необходимо — в качестве условия мирного сосуществования — распространять и настойчиво поощрять культуру претерпевания обиды. Если мы склонимся перед радикальным исламом, который из Тегерана или

Карачи объявляет нам войну из-за карикатур, напечатанных в Дании, или романа, изданного в Британии, и тем оправдывает акты насилия в Копенгагене, Осло и Париже, то свободно говорить и писать нигде на планете станет уже невозможно. Уже случай Рушди показал, что чрезмерная готовность потакать религиозной обидчивости — плохая тактика. Если какой-то коллектив людей — идет ли речь о мусульманах, обиженных карикатурами на Пророка, или о христианских фундаменталистах, громящих абортарии, или о еврейских ультраортодоксах, выталкивающих из автобуса женщин, занявших «не те» места, — если эти люди начнут убеждаться, что такими действиями можно своего добиться, то либеральный общественный порядок подвергнется большой опасности.

СТРАСТНЫЙ ПОРЫВ К СВОБОДЕ

Данный очерк, быть может, кого-то побудит заподозрить, что принцип цивилизованного презрения — это лишь завуалированная версия привычного тезиса о превосходстве Запада над другими цивилизациями и знаменует, по сути дела, впадение в прежние грехи. Отвечать на этот упрек придется комплексно: я уже указывал на то, что движения, сходные с просвещенческим, имели место и за пределами Европы, и общим для них было умение придавать своей критике цивилизованное выражение, равно как цивилизованно переносить чужую критику. Но и в политическую корректность я здесь впадать не буду, ибо это означало бы противоречить моему собственному основному тезису: никто не может всерьез отрицать, что начавшееся в XVII веке европейское Просвещение имело результатом необратимую трансформацию человеческой цивилизации посредством развития науки, техники, организационных форм и политических институтов европейского происхождения[1]. К тому же было бы лицемерием оспаривать, что Запад по-прежнему занимает лидирующие позиции в науке и технике и что английский язык в научном мире сегодня играет роль *lingua franca*, как когда-то латынь, но теперь на истинно глобальном уровне[2]. В наше время даже русские, китайские, японские или, к примеру, пакистанские ученые, если они хотят быть услышанными своими коллегами, должны публиковаться на английском, и это относится не только к представителям неевропейских стран, но, скажем,

---

1 *Ferguson N.* Der Westen und der Rest der Welt. Die Geschichte vom Wettstreit der Kulturen. Berlin: Propyläen, 2011.

2 *Cole J.R.* The Great American University. Its Rise to Preeminence, its Indispensable National Role, why it Must be Protected. New York: Public Affairs, 2012 [2009].

и к Франции, чей язык в XIX веке был дипломатическим языком международного общения, что придавало этой стране статус великой нации, который она оплакивает по сей день. И наконец, никто не подвергает сомнению, что политическая философия, заложенная в основу эпохи модерна, также зародилась в Европе. Эти факты могут вызывать обиду за пределами Запада, но даже идеология политической корректности не может их упразднить. Притягательное воздействие западных свершений не замыкается Европой и Северной Америкой: даже исламские, иудейские и индуистские фундаменталисты охотнее всего лечат своих детей современными антибиотиками и прибегают к компьютерной томографии — хотя, увы, не менее охотно берут на вооружение ядерные силовые установки и лазерно управляемые ракеты, немало не заботясь о том, кем эти технологии созданы.

Вопрос о том, можно ли считать такие человеческие проявления, как дух критики, склонность к инновациям, способность к эффективной организации, специфически западными чертами или, как считали просветители, во всем этом находит выражение универсальный человеческий разум, дискутируется уже десятилетиями[1] и здесь обсуждаться не будет. Утверждать, будто люди вне западной цивилизации принципиально неспособны мыслить критически и заниматься наукой — и это ввиду неоспоримых доказательств обратного и при огромном количестве выдающихся исследователей, художников и писателей из всех регионов мира было бы расистским безумием. И конечно, сохраняется опасность того, что маска цивилизованного презрения может таить в себе примитивные побуждения вроде ненависти к чужому, расизма или религиозной нетерпимости. XIX век породил немалое

1 Rationality and Relativism / ed. M. Hollis, S. Lukes. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1982.

число псевдонаучных дискурсов, именно это и означавших. Так, психиатрия в своих разных аспектах пыталась доказать, что жители колониальных стран биологически и интеллектуально уступают белым. Как показала Ханна Арендт в своем классическом труде о происхождении тоталитарных форм господства[1], тем самым империализм не только легитимирует свою политику, но и превращает ее в свой моральный долг. И в самой Европе используются похожие аргументы: историк культуры и медицины Сандер Гилман убедительно показал, как современный антисемитизм переводит традиционную ненависть к евреям на язык биологии. Отсюда уже недалеко до расовых теорий Альфреда Розенберга и их использования нацистским режимом. Попытки придать примитивным инстинктам рациональный облик с помощью псевдонаучных теорий очень опасны.

Такое превратное использование науки на потребу расовым теориям, как это происходило в конце XIX века и затем, еще в большей мере, при нацизме, подводит многих авторов к ошибочному заключению, что Просвещение изначально несет в себе потенциал дегуманизации и технически налаженного массового истребления людей. «Диалектика Просвещения» Хоркхаймера и Адорно — лишь ранний и особо показательный пример такого рода[2]. Этот тезис убедительным образом оспорен в крупнейших исторических и философских трудах, посвященных зарождению фашизма как такового и национал-социалистической идеологии как его частности (это в первую очередь книги Джорджа Мосса, Зеэва Штернхеля, Питера Гэя, Эрнеста Геллнера и многих других[3]).

---

1 *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft.

2 *Horkheimer M., Adorno Th.W.* Dialektik der Aufklärung. Philosophische Fragmente. Amsterdam: Querido, 1947.

3 *Mosse G.L.* The Fascist Revolution. Toward a General Theory of Fascism. New York: Howard Fertig, 2000 [1999]; *Sternhell Z.* Les anti-Lumières. Du

Фашизм обязан своим рождением больше всего политической мысли романтизма, по которой Народ, Культура и Почва предстают своеобразной святой троицей нации. В конечном итоге это была отчаянная попытка защитить идеализированную концепцию «естественного», «укорененного» сообщества от неизбежных последствий модернизации, ответственными за которую часто назначали евреев как лишенных корней, городских жителей, наемных работников. И примерно то же самое было свойственно другой разновидности тоталитарного режима, сталинизму, превратившему теорию Маркса, вполне доступную для анализа, в неприкасаемую догму.

Просвещение — это не безуспешный проект, но, как настаивал Хабермас, проект незавершенный[1]. Но он и не может быть завершен, ведь само представление о Просвещении как о политической «доктрине спасения», которая в итоге принесет освобождение всем людям, являет собой ложную интерпретацию, уже не раз приводившую к катастрофическим последствиям. Просвещение в собственном смысле есть принципиально незавершимый процесс, в ходе которого человечество снова и снова убеждается, что ни одна проблема не имеет окончательного решения. При этом термин «окончательное решение» я употребляю совершенно сознательно и с полемической целью[2]. Знание, доступное человеку, всегда имеет предварительный характер,

---

XVIIe siècle à la guerre froide. Paris: Fayard, 2006; *Gay P.* Die Republik der Außenseiter. Geist und Kultur in der Weimarer Zeit 1918—1933. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1968; *Gellner E.* Nationalismus: Kultur und Macht.

1 *Habermas J.* Die Moderne — ein unvollendetes Projekt // Habermas J. Kleine Politische Schriften (I-IV). Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981 [1980]. S. 444–463.

2 Впечатляющее использование понятия «окончательное решение» см. в классической лекции Исайи Берлина: Zwei Freiheitsbegriffe / aus dem Jahr 1958 // Berlin I. Freiheit: Vier Versuche. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1995. S. 197–256.

поэтому готовность отвечать на критику корректировкой собственного знания только и обеспечивает нам возможность разрешать вновь и вновь возникающие проблемы. Среда, в которой этот нескончаемый процесс обучения функционирует наилучшим образом, — это открытое общество в том смысле, какой придавал этому понятию Карл Поппер[1].

Лишь тот, кто понимает Просвещение как телеологическую доктрину спасения, долженствующую в обозримом будущем привести человечество в лучший из миров и установить на Земле вечный мир, как о том мечтал Кант, — лишь такие люди способны испытать разочарование, осознав, что райская жизнь нам до сих пор не устроена. Именно это разочарование стало причиной недоверчивого отношения к Просвещению Вальтера Беньямина и Теодора Адорно, и по этой же причине постмодернисты заклеймили и отринули Просвещение, ошибочно поняв его как инструмент политики властвования и контроля. Сползанию в тоталитаризм может воспрепятствовать лишь более трезвое понимание Просвещения и осознание ограниченности человека как животного, наделенного самосознанием и способностью к цивилизованному существованию[2]. Принцип цивилизованного презрения нужно понять как подспорье принципиально незавершимому Просвещению и продумать его именно в этом контексте. Но акт презрения можно считать цивилизованным, лишь если в его основе лежат научные знания и связная аргументация, со временем подвергаемые все более строгой критике, и если он не используется как инструмент унижения людей, думающих иначе, и ограничения их прав.

---

1 *Popper K.* Die offene Gesellschaft und ihre Feinde: 2 Bd. Bern; München: Francke, 1956 [1945].

2 *Berlin I.* Op. cit.

Я не могу в рамках данного очерка разбирать сложный вопрос, насколько полно идеал Просвещения совместим с другими культурами, да и вообще — является ли желательным и легитимным всюду его насаждать. Я уже отмечал, что современная политология в основном не разделяет надежду на то, что либерально-демократическая экономика завоюет мир, в ней преобладает мнение, что нынешние конкурирующие модели, вероятнее всего, сохранятся и в дальнейшем[1]. Идея либерального международного порядка, которую Кант проповедовал еще в конце XVIII века и которая должна была воплотиться в жизнь такими институциями, как ООН, также, видимо, отодвигается в далекое будущее. ООН сегодня — общепризнанно дисфункциональная организация, которая, будучи не в состоянии реализовать идею универсального правового порядка, вместо этого превратила себя в площадку взаимного соперничества великих держав и региональных блоков, преследующих собственные политические интересы и по возможности блокирующих друг друга. Свободный мир, то есть группа государств, которым удалось осуществить либеральные принципы жизнестроительства (свободные и равные выборы, разделение властей, свобода выражения мнений и другие основные права, наличие независимого гражданского общества, культура ответственных суждений), сегодня в основном совпадает с территорией, которую мы обозначили словом «Запад». Институции, гарантирующие свободу, сегодня, разумеется, действуют и в таких странах, как Япония, Южная Корея и Индия, но сказать, что процесс распространения свободного правового порядка охватил весь мир, мы не можем. Представление о том, что свободный правопорядок ассоциируется именно с западной культурой, которая выстроила его в процессе исторического развития, нельзя просто

1 *Kupchan Ch.* No One's World; *Kissinger H.* Weltordnung.

отбросить по требованию политкорректности, так как об этом свидетельствуют многие эмпирические показатели. Которые, кстати, побудили великого французского историка Фернана Броделя задолго до Сэмюэла Хантингтона охарактеризовать Запад как особую цивилизацию, в средоточии которой находится понятие свободы[1].

Но исходный посыл этого очерка состоял в том, что как раз люди Запада, который в тяжелой исторической борьбе отвоевал принципы либеральной политической философии и учредил соответствующие ей институты, теперь перестают интересоваться масштабными идеями и, поддавшись влиянию идеологии политкорректности, сами лишили себя инструментов, необходимых для защиты западных ценностей.

Этот вывод во многих отношениях напоминает наблюдение Фридриха Ницше, который в конце XIX века констатировал, что западная культура готовится породить «последнего человека»:

> «Счастье найдено нами», — говорят последние люди, бессмысленно моргая. Они покинули страны, где было холодно, ибо нуждались в тепле. Они еще любят ближнего и жмутся друг к другу — потому только, что им нужно тепло.
>
> Болезнь и недоверчивость считаются у них грехом, ибо ходят они осмотрительно. Только безумец может натыкаться на камни и на людей! Время от времени — немножко яду: он навевает приятные сны. И побольше яду напоследок, чтобы было приятнее умереть.
>
> Они еще трудятся, ибо труд для них — развлечение. Но они заботятся о том, чтобы развлечение это не утомляло их чрезмерно[2].

1 *Braudel F.* Grammaire des civilisations.

2 *Nietzsche F.* Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen // Nietzsche F. Werke. Kritische Gesamtausgabe. Bd. 1. 6 Abt. § 5. S. 13–14. Цит. по: Фридрих Ницше Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни

Этот окрашенный резиньяцией диагноз подхватил после падения Берлинской стены политолог Френсис Фукуяма, провозгласив обещанный Гегелем конец истории[1]. Наступает, получается, век ницшевского «нового человека», венцом желаний которого является «Тойота Камри», автомобиль, характер которого состоит в его бесхарактерности: он надежен, экономичен, может быть выгодно застрахован. Четверть века спустя можно добавить: кому теперь нужна пролетарская революция, если «пролетарии» имеют айфон, 50-дюймовый телевизор с плоским экраном, показывающий сотню каналов, и членский билет фитнес-студии? *Последний человек* озабочен только тем, чтобы понадежнее минимизировать риски, даже те, что связаны с экстремальными видами спорта; их он страхует особым высокотехнологичным оборудованием, — пока вся жизнь не превратится в упражнение по избеганию ущербов, и как хотелось бы прожить ее здоровым и желательно без особых непредвиденных случайностей! Политика сводится к искусству гладкого менеджмента. В парламентских трениях безраздельно доминируют экономические темы[2]. Налоговые ставки и отчисления на социальное страхование, устойчивая структура доходов, стабилизация валюты и сокращение безработицы — вот ключевые вопросы всех избирательных кампаний. *Последний человек* больше не хочет ни творить большую историю, ни жить в ней, ведь это повлекло бы лишь нестабильность ситуации, дисбаланс пенсионного фонда, да и нарушило бы планы провести отпуск на Карибах, не говоря уж

для кого. М.: Интербук, 1990. С. 6 (пер. В.В. Рынкевича под ред. И.В. Розовой. — *Прим. перев*).

1 *Fukuyama F.* Das Ende der Geschichte. Wo stehen wir?

2 *Barber B.* Consumed! Wie der Markt Kinder verführt, Erwachsene infantilisiert und die Bürger verschlingt / aus dem Engl. von Friedrich Griese. München: C.H. Beck, 2007.

о покупке нового автомобиля. В промышленно развитых странах главным поводом для беспокойства становится финансовое будущее детей, так как само по себе окончание университета или даже защита докторской диссертации уже не означает автоматически, что ты получаешь место с гарантией приличного дохода и социального статуса. Конечно, эта проблема возникает лишь при наличии детей: *последний человек* уразумел, что дети могут стать очень тяжелым экономическим бременем. Если в прежние времена наличие детей давало дополнительную рабочую силу в крестьянском поле или в семейном бизнесе, то теперь наоборот: приходится копить огромные суммы, чтобы обеспечить их образование. Дети тяготят и в эмоциональном плане: они уже вовсе не чувствуют обязанности всю жизнь благодарить и уважать родителей за один только факт своего рождения. Вместо этого они осыпают их бесконечными упреками за черствость и неотзывчивость — ведь поэтому они лишены того счастья, которое полагается им по праву рождения[1]. При столь мрачных перспективах финансового и эмоционального ущерба *последний человек* все чаще приходит к выводу, что тяжело доставшиеся деньги вкупе с его не беспредельной энергией лучше потратить на курсы йоги, горнолыжный курорт или пластическую операцию.

Это описание может показаться чересчур заостренным, но зерно истины в нем есть. *Последний человек* хочет одного — чтобы его оставили в покое, а он бы сосредоточился на своей карьере, семье и любимых развлечениях, не питая политических и иных страстей. Великие идеи, говорит Ницше, не волнуют *последнего человека*, он взыскует лишь безопасности. Но как раз его

---

1 *Bruckner P.* L'euphorie perpetuelle. Essai sur ledevoir de Bonheur. Paris: Grasset, 2000.

безопасности угрожает столкновение разных мировоззрений и культур, и тогда *последний человек* оказывается лицом к лицу перед вопросом, которого сам он охотно бы избежал: как можно с энтузиазмом оправдывать и защищать правовой порядок либерализма и ценности Запада и не впасть при этом в повторение прошлого, не совершить старых грехов расизма и колониализма? и неужели граждане либеральных государств приговорены к тому, чтобы превратиться в апатичных *последних людей*, которые не испытывают никаких экзистенциальных страстей вне сферы управления рисками, помимо карьеры и развлечений? На этом этапе скептицизм, безусловно, оправдан: психологические и социологические исследования не оставляют сомнений в том, что религии и политические доктрины спасения создают более глубокие смыслы, чем в состоянии дать либеральный порядок, что вполне естественно[1]. В этом состоит великий парадокс и внутренняя слабость либерального мировоззрения. Последнее исходит из посылки, что религии и политические идеологии, хотя и способствовали в исторической перспективе образованию идентичностей и прочных коллективов, все же явились причиной нескончаемых страданий, то есть всех мыслимых форм религиозного принуждения, инквизиции, религиозных войн, притеснения инакомыслящих, и, наконец, привели к тоталитарным режимам, которые во имя некоей всегда единственной истины творили ад на земле. Либералы взирают на эти явления прошлого с ужасом. Фанатизм великих доктрин спасения они расценивают — и вполне резонно — как опаснейшую угрозу. Либерализм заключает отсюда, что идеологиям вообще не место в политике. На их место он ставит индивидуальную свободу, право личности строить жизнь

1 *Strenger C.* The Fear of Insignificance. Pt. III.

по своему усмотрению, открыто выражать свое мнение и не пасовать перед авторитетами. Проблема в том, что осмысленная страсть к свободе охватывает нас лишь тогда, когда свобода под угрозой или подавляется. И точно так же дело обстояло в начале эпохи модерна. Спиноза, во многих отношениях первый настоящий философ модерна, вынужден был писать свои труды втайне и решил не публиковать при жизни свой главный труд, «Этику», чтобы не подвергнуться дальнейшим репрессиям. Век спустя Вольтеру пришлось бежать из Франции от преследований, возбужденных его острой критикой французской монархии. Иммануил Кант, один из первых великих философов, преподававших в университете, с великой щепетильностью соблюдал ритуал поклонения Фридриху Великому из боязни навлечь на себя немилость монарха[1]. Так же и в XX веке свобода по-прежнему нередко сохраняла характер приключения, вспомним ли мы об участниках французского Сопротивления или о советских диссидентах Андрее Сахарове и Натане Щаранском. Но начиная с 1945 года борьба за свободу постепенно (если оставить в стороне некоторые особые случаи, как борьба против расовой сегрегации в США и за декриминализацию гомосексуализма в некоторых европейских странах) стала превращаться на Западе в сюжет, который можно было найти в книгах по истории и в газетных статьях, посвященных ситуации в социалистических странах, таких как Венгрия, Чехословакия или Польша, а уже в наше время — революциям в Тунисе, Ливии и Египте.

Гарантированная свобода воспринимается как нечто само собой разумеющееся, но обычный ход вещей не порождает новых смыслов и не возбуждает эмоций. Идейное наследие Просвещения, если увидеть в нем абстракт-

1 *Israel J.I.* Radical Enlightenment.

ную теорию, выглядит слишком скучно, чтобы вызвать сколько-нибудь устойчивый интерес. По замыслу политкорректность преследовала благие цели: однажды обретенную свободу нужно было укрепить хорошими манерами и всесторонней учтивостью. Предполагалось, что человечество уже не отступится от достигнутого и нужно лишь подождать, пока отстающая его часть нагонит авангард, и — для утоления чувства вины — поддержать эту гонку за лидером своими миллиардами. Вот здесь-то, с моей точки зрения, и таится опасность. На Западе свобода не представляет собой чего-то нового и сверхобычного, люди вовсе не настроены вкладывать в нее свои силы. Они усердно готовят себя для участия в своем личном марафоне с ближайшим окружением, потому что в повседневной жизни других сражений не наблюдается. Морозец по коже пробегает у них лишь при созерцании реалити-шоу, которые заполонили телевизионное пространство по всему миру, или из-за скандалов с участием звезд и знаменитостей.

Но свобода нам вовсе не обеспечена. Запад ожидают трудные времена. Население Европы сокращается, экономика большинства стран без привлечения мигрантов может рухнуть в среднесрочной перспективе. Эта проблематика не обсуждается в достаточной мере — потому, в частности, что левые и центристские партии из соображений политической корректности отказываются выстраивать внятную миграционную политику, которая, как это делается, например, в Канаде, четко определяла бы культурные и экономические интересы заинтересованных сторон. В связи с этим возникает и стремительно ширится ощущение смутной угрозы, которое находит выражение в мрачных исламофобских фантазмах и в росте числа правопопулистских партий. Швейцарская народная партия или такие персоны, как Марин Ле Пен во Франции, Герт Вилдерс в Нидерлан-

дах, выставляют себя защитниками своей национальной культуры. Но правые популисты — наихудшие из мыслимых представителей той традиции, на которой зиждется современное западное общество. Эти политические бизнесмены спекулируют страхом и сдают важнейшие рубежи Просвещения, то есть обретенную способность отличать по-настоящему значительные культурные достижения от плоской популярщины, а также свободу мысли, которая задыхается в атмосфере подстрекательства, ксенофобии, эмоциональной и интеллектуальной узости, так как имеет своей предпосылкой критическое вопрошание, без которого творческое начало — в науке ли, технике или искусстве — не может развернуться.

Но опасность не только в нас самих. Я уже десять лет сотрудничаю с организациями, исследующими глобальный терроризм. Сложившаяся ситуация таит в себе больше угроз, чем когда бы то ни было. Исламистские террористические группировки пытаются, как и прежде, раздобыть атомное оружие, и в хаосе современных мировых событий сделать это им гораздо проще, чем мы хотели бы думать. Исследователи, с которыми я работал, в принципе не исключали возможности террористического нападения такого масштаба, что перед ним померкнет удар 9/11, причем я сейчас говорю не о каких-то записных паникерах, а о серьезных ученых выраженного леволиберального толка, таких как Ричард Гарвин, Марк Сейджман, Скотт Атран и Джон Олдердице. Они надеялись воспрепятствовать такой реакции Запада на это возможное нападение, которая разрушила бы то, что мы как раз защищаем: либеральный порядок и любовь к свободе. То, что эта опасность даже слишком возможна, нам показало Гуантанамо, пытки, учиняемые сотрудниками ЦРУ, нарушение границ частной жизни агентствами АНБ и другими, а равно и рост

числа крайне правых в Европе. Именно поэтому так важно, чтобы Европа, очаг идеала свободы, все время сознавала, откуда исходит опасность, и помнила, что защиту европейских ценностей нельзя отдавать на откуп правым. Выдвигая концепцию цивилизованного презрения, я считаю ее более эффективным инструментом защиты наших ценностей. Я прекрасно понимаю, что аплодисменты моему предложению могут прозвучать совсем не с той стороны, откуда я их жду. Не исключаю, что для иных читателей мои размышления могут прозвучать как паранойя или реакционно-консервативная ностальгия. Но я руководствуюсь совсем не этим. Быть может, свобода и сейчас, как прежде, потому представляется мне приключением, что на Ближнем Востоке она до сих пор не находит себе полного воплощения и даже в Израиле, этом оазисе либерального демократизма, она все еще находится под угрозой праворадикальных и ультраортодоксальных сил. Сейчас, когда я пишу эти строки, не далее как в полутора тысячах километров от моего письменного стола вполне официально казнят гомосексуалов и нарушительниц супружеской верности. Да и в самом Израиле отделение религии от государства еще далеко не завершено. Те, кто — как, скажем, я и моя жена — не хочет подчиняться предписаниям ортодоксального раввината, по какому ритуалу нам следует жениться и выходить замуж, вынуждены заключать брак за рубежом. В Израиле либералов никто, конечно, не подавляет и не преследует, но мы меньшинство, и наши возможности влиять на политику все время снижаются. Борьба за свободу в Израиле не так остра, как в Дамаске, Бейруте, Каире или Тегеране, но и здесь она не воспринимается как должное. Возможно, читатели этой книги осудят выраженные в ней мысли как паническую реакцию левого либерала, посчитав, что в «подлинно» свободном мире они давно утратили вся-

кую релевантность. Позволю себе усомниться в такой оценке. Будущее покажет, является ли страстное стремление к свободе неким пережитком прошлого или оно необходимо для предупреждения грядущих опасностей.

Карл Штренгер
ПРИКЛЮЧЕНИЕ СВОБОДА
Путеводитель по шатким временам
ЦИВИЛИЗОВАННОЕ ПРЕЗРЕНИЕ
Как нам защитить свою свободу.
Руководство к действию

Дизайнер
Д. Черногаев
Редактор
С. Тимофеева
Корректоры
С. Крючкова
Верстка
Л. Ланцова

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК- 005-93, том 2
953000 — книги, брошюры

ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
"НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ"»

Адрес издательства:
123104, Москва,
Тверской бульвар 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
Интернет: http: //www.nlobooks.ru

Формат 60 x 90/16
Бумага офсетная №1.
Печ. л. 14,75. Тираж 1000. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Издательско-полиграфический комплекс
"Ульяновский Дом печати"»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

либерал.ru

Карло Штренгер Приключение Свобода
Цивилизованное презрение

Книги, вошедшие в настоящее издание, объединены тревожной мыслью: либеральный общественный порядок, установлению которого в странах Запада было отдано много лет упорной борьбы и труда, в настоящее время переживает кризис. И дело не только во внешних угрозах — терроризме, новых авторитарных режимах и растущей популярности разнообразных фундаменталистских доктрин. Сами идеи Просвещения, лежащие в основании современных либеральных обществ, подвергаются сомнению. Штренгер пытается доказать, что эти идеи не просто устаревшая догма «мертвых белых мужчин»: за них нужно и должно бороться; свобода — это не данность, а личное усилие каждого, толерантность невозможна без признания права на рациональную критику. Карло Штренгер (р. 1958), швейцарский и израильский философ, психоаналитик, социальный мыслитель левоцентристского направления. Преподает психологию и философию в Тель-Авивском университете, ведет колонки в газетах Haaretz и Neue Zurcher Zeitung.

Новое
Литературное
Обозрение